



Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 28
№ 1 (84) январь – март 2022 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 28**

No. 1(84) january – march 2022

Has been published quarterly since 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences,
philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук
(Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук,
профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
доцент (Алматы, Казахстан)
В. В. Бабури, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук
(Санкт-Петербург, Россия)
А. Н. Великих — *ответственный секретарь*
(Омск, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)

- Л. В. Денисова**, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Кыргызская Республика)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
В. Е. Кваши, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красилов, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Ляковска, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. А. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук,
доцент (Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
Ю. П. Соловей, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турьшев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
В. В. Хилюта, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)



Вниманию подписчиков!

41927 — в Объединенном каталоге «Пресса России». Том I Газеты и журналы

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *А. Н. Великих*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алферова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати:

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС77-74598. Дата регистрации: 14.12.2018.

Выход в свет: 25.03.2022. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 10,3. Усл. печ. л. 11,2. Заказ № 62.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2022

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Doctor of Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor
(Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Associate Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy
(St. Petersburg, Russia)
A. N. Velikikh — *assistant editor* (Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)

- L. V. Denisova**, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
O. A. Diser, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
V. Ye. Kvashis, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. A. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
Yu. P. Solovey, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)



For Subscribers

41927 — in Unified catalogue «Russia's Press». Vol. I Newspapers and Journals

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing *A. N. Velikikh*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the Publisher, Editor's office and Graphic Art and Express Printing office:

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

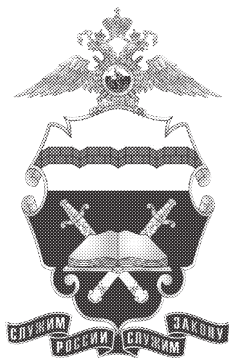
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate PI No FS 77-74598. Registration date: 14.12.2018.

Issued: 25.03.2022. Circulation 100 items. Published sheets 10,3. Printed sheets 11,2. Order No. 62.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2022



№ 1 (84) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2022

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Хилюта В. В. Понимание имущества как предмета хищения в уголовном праве: постановка проблемы	5 Khilyuta V. V. Considering Property as an Object of Theft in Criminal Law: Setting the Problem
Ларин Е. Г. Порядок возбуждения уголовного дела в отношении лиц, утративших особый статус (законодательство, теория, судебная практика)	12 Larin E. G. The Procedure for Initiating a Criminal Case against Persons who have lost their Special Status (Legislation, Theory, Judicial Practice)
Хлус А. М. Криминалистическая характеристика и материальная структура преступлений: соотношение понятий и их роль в совершенствовании методики расследования преступлений	18 Khluss A. M. Forensic Characteristics and Material Structure of Crimes: the Correlation of Concepts and their Role in Improving the Methodology of Criminal Investigation
Право и государство	Law and State
Гусев В. А. Время как юридическая категория в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности	23 Gusev V. A. Time as a Legal Category in the Legislation on Crime Detection
Анохин Ю. В. Правообразование и правотворчество в теоретико-правовой науке	33 Anokhin Yu. V. The Formation of Law and Lawmaking in Theoretical Legal Science
Зайцева Е. С., Терских В. Д. Мораль как основа современного российского законодательства	39 Zaitseva E. S., Terskikh V. D. Morality as the Basis of Modern Russian Legislation
Москаленко Г. Е. Развитие электронной демократии в России	44 Moskalenko G. E. Development of Electronic Democracy in Russia
Баталов Д. Е. Совершенствование нормативного правового регулирования в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	48 Batalov D. E. Improving the Legal Regulation in the Field of Providing the National Security of the Russian Federation
Герасименко Е. В. Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь адвоката при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий	53 Gerasimenko E. V. Providing the Right to Qualified Legal Assistance during Overt Crime Detection Activities
Юридические ретроспективы	Juridical Retrospect
Грязнова Т. Е., Бучакова М. А. Проблемы и перспективы конституционализма в России: взгляд отечественных юристов рубежа XIX – XX вв.	58 Gryaznova T. E., Buchakova M. A. Problems and Prospects of Constitutionalism in Russia: the Vision of Russian Lawyers at the turn of the 19 th –20 th centuries
Пономарева В. В., Овсянников П. Ю. Закон о преступных племенах Индии: уникальный правовой памятник	63 Ponomareva V. V., Ovsyannikov P. Yu. Indian Criminal Tribes Act: a Unique Legal Monument
Нгуен Ш. Н. Возникновение и развитие права на свободу вероисповедания во Вьетнаме	67 Nguyen Sh. N. Origin and Development of the Right to Freedom of Religion in Vietnam
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	Philosophical Toolkit
Синченко Г. Ч. Нюрнбергские военные трибуналы и Нюрнбергский кодекс 1947 г. как постклассические объекты. Часть II	74 Sinchenko G. Ch. The Nuremberg Military Tribunals and the 1947 Nuremberg Code as Postclassical Objects. Part II
Попов Д. В. К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают	82 Popov D. V. To the Question of Origin of Biopolitics: a Mystery that is Unnoticed
Информация для авторов	94 Information for Authors
Сведения об авторах	96 Annotated List of Authors (in Russian)



ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

ПРАВОНАРУШАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ COUNTERACTING DELINQUENT BEHAVIOUR

УДК 343.7 © В. В. Хилюта, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-184-5-11



Понимание имущества как предмета хищения в уголовном праве: постановка проблемы

В. В. Хилюта, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы (Республика Беларусь)
✉ tajna@tut.by

Рассматриваются проблемы определения имущества в уголовном праве в контексте интерпретации предмета хищения. Обращается внимание на кризис существующей концепции преступлений против собственности и несистемное интегрирование конструкций гражданского права в уголовное право. Раскрываются основные проблемы понимания предмета хищения в доктрине уголовного права и судебного толкования терминов «имущество» и «право на имущество» в уголовном законодательстве. Подробно проанализированы противоречивые позиции правоприменительной практики в вопросах отнесения понятия бестелесных вещей (безналичных денежных средств, цифровых прав) к «имуществу», расширения границ хищения за счет доминирования стоимостного признака предмета хищения, нивелирования понятия «право на имущество» и сведения имущества исключительно к имущественным правам. Предмет хищения рассмотрен с позиций модификации способа действия имущественного преступления. Намечены пути выхода из создавшейся ситуации и определены приоритеты развития законодательства в области уголовно-правовой охраны отношений собственности.

Ключевые слова: собственность; имущество; право на имущество; имущественные права; хищение.

Considering Property as an Object of Theft in Criminal Law: Setting the Problem

V. V. Khilyuta, Yanka Kupala State University of Grodno (Republic of Belarus)
✉ tajna@tut.by

The problems of defining property in criminal law are considered in the context of interpreting the object of theft. The focus is made on the crisis of the existing concept of crimes against property and non-systematic integration of civil law structures into criminal law. The main problems of considering the object of theft in the doctrine of criminal law and judicial interpretation of the terms "property" and "right to property" in criminal law are revealed. The contradictory positions of law enforcement practice are analyzed in detail with regard to attributing incorporeal things (non-cash funds, digital rights) to the concept of property, expanding the boundaries of theft due to the dominance of the value characteristic of the object of theft, leveling the concept of "right to property" and reducing property exclusively to property rights. The object of theft is considered from the view of modifying the modus operandi of a property crime. The solutions of this situation are outlined and priorities for the development of legislation in the field of protecting property relations by means of criminal law are determined.

Keywords: ownership; property; the right to property; property rights; theft.

В настоящее время, в век тотальной цифровизации и глобализации права, можно наблюдать не только попытку коренного слома устоявшихся традиций и догм в праве, но и переформатирование его основных институтов. Научно-технический прогресс диктует необходимость модернизации обще-

ственных отношений и все большее их приспособление к реалиям повседневной действительности. В связи с этим многие фундаментальные положения и базовые принципы, в том числе и правовые, подвергаются не только сомнению, но и радикальному пересмотру [1, с. 72–73]. Уголовное право в этом отношении не является исключением, в частности, институт преступлений против собственности, а равно понятие «хищение чужого имущества».

В последние годы не только в доктрине уголовного права, но и в правоприменительной практике все отчетливее проявляется тенденция к расширению границ общего понятия хищения и включению в данную нормативную дефиницию новых явлений, которые до этого не были известны, но с момента появления которых возникает насущная потребность не только в их адекватном позитивном регулировании, но и в публичной охране. Это касается не только проблемы дематериализации хищения и ухода от вещественной основы предмета преступного посягательства (за счет включения в его предмет имущественных, обязательственных, информационных прав, а также нетелесных благ), но и расширения границ самого способа действия при хищении, смещения акцента уголовно-правовой охраны с вещных на обязательственные правоотношения. Иначе говоря, в точечном преломлении изменение признаков предмета преступления влечет и сущностное изменение способа действия при хищении с конечным выходом на субъективную составляющую. Отсюда и возникает вопрос следующего порядка: действительно ли сегодня уголовное право охраняет только отношения собственности в систематике имущественных правоотношений и гражданского оборота материальных и нематериальных благ?

Понятно, что эти проблемы были актуальны всегда для уголовного права, ввиду того что охрана отношений собственности требовала адекватных мер реагирования и постоянно ставила вопрос о выборе надлежащих средств правового обоснования применения разработанных ранее конструкций. Для отечественной правовой системы это было характерно как в дореволюционный период, так и в советское время. Однако в постсоветскую эпоху данная проблема обрела новое очертание, поскольку в институт преступлений против собственности постарались привнести экономические конструкции рыночной экономики с делением правоотношений на вещные и обязательственные, необходимостью дифференциации обманных способов имущественных посягательств, а также уголовно-правовой охраны гражданского оборота в целом средствами преступлений против собственности.

В связи с этим появляются обоснованные сомнения в оптимальности избранного пути и необ-

ходимости трансформации института преступлений против собственности под новые нужды правоприменительной практики. По этой причине возникает потребность разобраться в сложившейся ситуации в уголовном праве, когда в своей основе сама базовая модель института преступлений против собственности не подвергается сомнению, и наметить некоторые пути развития данной отрасли применительно к охране имущественных отношений.

Вместе с тем институционализация концепции имущественных преступлений ставит вопрос об отказе от устаревшего советского теоретического наследия о преступлениях против собственности и создании новой, современной уголовно-правовой доктрины охраны вещных и обязательственных прав. Это связывается с тем, что советская концепция «хищения чужого имущества» была рассчитана на решение совсем иных институциональных и социальных задач, чем современная. Поэтому старые доктринальные конструкции не могут быть универсальными и должны быть подвергнуты ревизии.

Здесь следует особо подчеркнуть, что действующее гражданское законодательство о праве собственности было принято в начальный период перехода страны к рыночной экономике, что потребовало в определенной степени отказа от устаревшего советского наследия, и с тех пор по основным своим параметрам оно практически не изменилось, хотя в настоящее время в рамках цивилистики широко обсуждается вопрос о новой концепции вещных прав. Уголовное же законодательство о преступлениях против собственности, напротив, фактически не меняется с 60-х гг. XX в. С одной стороны, для многих это является убедительным доказательством того, что его основные положения соответствуют потребностям развития экономики и юридической практики. С другой стороны, в самой уголовно-правовой защите отношений собственности выявились фундаментальные положения и пробелы, требующие доктринального обоснования и законодательного закрепления. Естественно, что в этой плоскости напрашиваются вопросы, каким образом и на основании каких базисных положений (конструкций) уголовное право в настоящее время охраняет вещные и обязательственные отношения (а не только право собственности). Есть ли какая-нибудь типовая конструкция понимания объекта и системы противоправных посягательств на имущественные отношения?

Попытки применить оторванно теорию вещных прав к современной уголовно-правовой действительности охраны отношений собственности терпят неудачу, так как подобные обоснования выстроены несистемно, сами по себе, без учета положений цивилистики. Поэтому если уголовное право и даль-

ше продолжит рассматривать право собственности не как вещное, а как абсолютное, то это не даст никакого результата для теории уголовного права и защиты имущественных отношений от преступных посягательств [2, с. 29]. В этом и состоит парадокс уголовно-правовой охраны имущественных отношений, так как применяя изжившую себя конструкцию «преступления против собственности», мы невольно ее расширяем и переносим на защиту имущественных отношений в целом, однако при такой постановке вопроса это уже никакие не преступления против собственности. Можно говорить об имущественных преступлениях, иных и т. д., однако в любом случае необходимо решать вопрос о фундаментальных основах уголовно-правовой защиты существующих имущественных отношений и принципах построения данной главы уголовного закона.

Понимание имущества как предмета хищения при совершении преступлений против собственности неоднородно и весьма противоречиво, что прямым образом сказывается на правоприменении положений главы 21 УК РФ. Если ранее, начиная с советских времен, к имуществу относили исключительно предметы материального мира, то сегодня произошла «дематериализация» этого физического (материального) признака предмета хищения, и к нему стали относить не только вещи, деньги и ценные бумаги, но и иное имущество, лишенное своей вещной основы (примером здесь может служить п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, где предусмотрена ответственность за кражу из нефтепровода, нефтепродуктовода, газопровода), имущественные права и т. д. Однако в этой части остались вопросы, касающиеся, главным образом, того момента, который предопределяет механизм отнесения тех или иных благ к числу предмета хищения, причем именно тех, которые относятся к имуществу.

Почему, например, в одних ситуациях иное имущество (а к нему относится энергия) не относится к предмету хищения, а представляет собой предмет такого преступного посягательства, как причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 165 УК РФ), а в других является предметом хищения (тот же газ)? В разрезе сказанного можно поставить и иным образом вопрос. К предмету какого преступления будут относиться тогда радиочастоты, эфирное время, интернет-трафик и т. д.? Данными объектами гражданских прав также можно «завладеть» (изъять, обратить в свою собственность), но все ли они могут составлять предмет хищения?

Подобного рода вопрос можно разобрать и на примере имущественных прав, которые до недавнего времени относились не к имуществу как предмету хищения, а к праву на имущество. Однако в связи с принятием ряда постановлений высшей судебной

инстанцией (постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»; от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»), мы фактически приравнивали имущественные права к понятию «имущество», которое включает в себя теперь уже самый большой спектр имущественных прав.

Это стало возможным благодаря тому, что, как указано в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», безналичные, электронные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги являются *имуществом* и составляют именно этот предметный признак хищения. Поэтому можно сделать вывод о том, что поскольку безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, будучи разновидностями имущественных прав, как это прямо указано в ст. 128 ГК РФ, являются имуществом в уголовно-правовом смысле, следовательно, и иные имущественные права, а равно цифровые права, должны также быть отнесены к предмету хищения и рассматриваться именно в контексте имущества как предмета преступного посягательства.

Причем речь в данном случае, наверное, должна идти о любых имущественных правах (вещных, обязательственных, корпоративных, исключительных, цифровых). Безусловно, могут быть и исключения в этой части. Если мы признаем одни имущественные права предметом хищения, то почему тогда не должны признавать другие? Каков критерий этого действия? Вопрос вполне правомерен и обоснован. Но пока механизмы соответствующих правоприменительных и законодательных решений не просматриваются, что и порождает определенные сложности, так как имущественные права в своей основе неоднородны.

Например, за незаконные действия с корпоративными правами сегодня уголовный закон предусматривает самостоятельную уголовную ответственность (ст. ст. 185², 185⁵ УК РФ), т. е. речь не идет в этом случае о хищении чужого имущества. То же самое можно сказать о преступлениях, связанных с криминальным банкротством (ст. ст. 195–197 УК РФ), где фактически ущерб причиняется не отношениям в сфере экономической деятельности (экономической несостоятельности), а имущественным интересам кредиторов, и фактически от них скрывается имущество, совершаются незаконные сделки с имущественной массой должника, неправомерным образом удовлетворяются требования одних кредиторов перед другими и т. д. Здесь в большинстве случаев предмет преступления составляют те же имуще-

ственные права, однако в иной вариации, поскольку должник совершает изначально незаконные действия пока еще со своим имуществом, но права требования на которые имеют иные лица. То есть имущество должника потенциально, в будущем должно принадлежать совсем иным лицам¹. Только лишь по этой причине такие действия не признаются хищением, хотя порой грань между мошенничеством и преднамеренным банкротством, фиктивным банкротством и иными действиями, связанными с неправомерным банкротством, весьма условна.

В продолжение темы можно приводить примеры с преступным посягательством на цифровые права, виртуальную собственность, криптовалюту и т. д. Практика квалификации подобных случаев как хищения указывает на то, что физический (материальный) признак предмета хищения канул в лету, телесность больше не является обязательной компонентой признака имущества. Однако здесь и возникает один из самых принципиальных вопросов: все ли нетелесные блага сегодня следует признавать предметом хищения, даже если они обладают стоимостью и являются чужими по отношению к иным лицам?

Когда мы говорим о цифровых правах, то по сути своей они являются закрепителями уже существующих прав, отражают не содержание, а форму. Иначе говоря, цифровые права (будь то обязательственные или иные) не представляют собой новый объект права, а являются всего лишь еще одним способом фиксации или удостоверения имущественных прав. Буквально это означает, что признавая цифровые права предметом хищения, мы тем самым признаем предметом преступления (и именно имущества) закрепители прав, но не само право, по идее, на которое и должно происходить посягательство, а не на его формальный удостоверитель. Ситуация эта весьма странная и имеет далеко идущие последствия. Для наглядности в логике своих рассуждений приведем простой пример. Если сегодня с помощью цифровых прав можно закрепить особым образом любые права, то именно этот факт будет удостоверять цифровое право. Получается, что с помощью такого цифрового права можно будет удостоверить и право аренды, и право на возмещение вреда, и даже личное неимущественное право, которое никак

нельзя признать предметом хищения. Выходит, что неимущественные права не являются предметом хищения, а «оцифрованные» такие права могут составлять предмет хищения. Ситуация выглядит весьма абсурдной.

В контексте изложенного много неопределенностей возникает и в отношении игрового (виртуального) имущества, криптовалюты и иных подобных объектов (бонусные баллы различных торговых заведений, «голоса» социальных сетей). Неурегулированность правового положения данных объектов в цивилистике порождает различные подходы к квалификации противоправных действий, связанных с посягательством на данные нетелесные блага. Тем не менее, на наш взгляд, сегодня нельзя безоговорочно идти по пути признания предметом хищения любого платежного инструмента, даже если этот инструмент удостоверяет какие-либо права или ценности. Возможность нахождения объекта в электронно-цифровом виде вовсе не означает, что такой объект априори может являться предметом хищения. Поэтому, даже когда и ведется речь о признании прав предметом хищения, очевидно, что именно права должны признаваться таковыми, а не их носители.

Дематериализация вещей и нивелирование физического (материального) признака предмета хищения вполне понятно влечет его замену, выдвигание на передний план иного признака — стоимости. Именно со стоимостью сегодня многие отождествляют предмет хищения и само понятие имущества, ибо все то, что имеет стоимостный характер, должно являться предметом хищения. Вот, например, как обосновывает данный вывод А. В. Архипов: «Имущественная масса современного человека может состоять из различных объектов гражданских прав, но каждый из них и все они в совокупности обладают стоимостью. В лишении человека этой стоимости полностью или в части и заключается суть имущественных преступлений в современном их понимании» [4, с. 54].

Безусловно, это так, но с той оговоркой, что речь идет об имущественных преступлениях, а не о хищении. Ведь сегодня стоимостью обладают работы, услуги, информация, интеллектуальная собственность и даже некоторые разновидности нематери-

¹ Признание имущественных прав предметом хищения ставит на новый уровень вопрос не только о том, что же сегодня охраняет уголовный закон (очевидно, что не собственность, а скорее, имущественные отношения в целом), но и возможность признания предметом хищения своего имущества. Речь идет о ситуациях, когда имущество передается его учредителями в собственность юридическому лицу, например, при его создании. Очевидно, что участники утрачивают право собственности на переданное имущество, но сохраняют право требования [3, с. 133–149]. Может иметь место и иная ситуация, когда владелец имущества передает его в пользование другому лицу, а затем его тайно, без ведома пользователя изымает. Понятно, что это не «чужое», а «свое» имущество и по логике вещей свое собственное имущество похитить нельзя (в определенных ситуациях речь может идти лишь о покушении на совершение преступления). Но в данном случае причиняется вред имущественным отношениям иного владельца, поскольку это имущество находится у него на законных основаниях. Посягательство здесь направлено не на право собственности, а на правомочия владения и пользования имуществом, т. е. в некотором роде похищаются субъективные гражданские права. Этот вопрос требует по-иному соотносить признаки хищения и самоуправства.

альных благ. Означает ли, что все эти объекты должны являться предметом хищения? Как и животные, находящиеся в естественном состоянии, полезные ископаемые и т. д.? Данный ряд можно продолжать. Несомненно лишь то, что должна проводиться дифференциация различных объектов гражданских прав и нельзя безоговорочно включать их в понятие «имущество», которое и выступает предметом хищения.

Вопрос о понимании права на имущества в качестве предмета хищения (или некоторых его форм) всегда вызывал определенные сложности в правоприменении. И главным образом потому, что в доктрине уголовного права он не был проработан должным образом. Ситуация не изменилась и, более того, в наши дни она стала еще запутанней, потому как если имущественное право является предметом хищения (т. е. оно полностью охватывается термином «имущество»), то что же следует понимать тогда под правом на имущество? Ответа на данный вопрос нет, и право на имущество как предмет мошенничества, вымогательства уходит в небытие ввиду того, что теперь это понятие фактически поглощено термином «имущество», и такой дефиниции уже нет места в систематике имущественных преступлений.

Связано это с тем, что изначально право на имущество противопоставлялось имуществу и обычно рассматривалось как имущественное право в различных его интерпретациях (вещное или обязательственное право, право требования в отношении вещей, ограниченное вещное право и т. д.). В любом случае право на имущество определялось через какое-либо право, а не как телесный объект.

Однако сегодня, как мы уже отмечали, имущественное право по своей сути является предметом хищения в таком признаке, как «имущество». Раз это так, то возникает резонный вопрос, а что же тогда следует вкладывать в объем понятия «право на имущество». Ответ напрашивается сам собой: все те же права. Но вот о каких правах в таком случае должна идти речь? Какой механизм дифференциации применяется между категориями «имущество» и «право на имущество», какие права входят в ту или иную группу и по какому признаку? Вот именно при такой постановке вопроса «право на имущество» оказывается банальной фикцией, и за этим понятием, как оказывается, ничего уже не стоит.

Хотя следует отметить, что правоприменитель делает попытки реанимировать понятие «право на имущество» и наполнить его неким содержанием. Например, за основу здесь можно взять п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Тем не менее из указанного разъяснения

высшей судебной инстанции определение того, что представляет собой право на имущество, нельзя точно зафиксировать, поскольку упор делается только на моменте окончания преступления, который переносится фактически на более раннюю стадию. С одной стороны, указание на владение говорит о том, что таким предметом преступления может быть телесная вещь, но с другой стороны, когда речь заходит о правах и заключении договора, таким предметом может быть не только телесное благо. Ведь предмет договора могут составлять не только телесная вещь, но и те же имущественные права, выполнение работ, оказание услуг и т. д. Получается, что если лицо заключает договор, предметом которого выступают обязательства, то при наличии всех иных признаков мы вынуждены констатировать окончанный состав мошенничества, независимо от того, какой имел место конечный результат: исполнено обязательство, или нет. Подобная ситуация порождает больше условностей и вопросов, чем содержит четкое правило квалификации имущественных преступлений.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» указано, что «под правом на имущество, с передачей которого могут быть связаны требования при вымогательстве, в статье 163 УК РФ понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества». Из этого следует, что право на имущество в составе вымогательства представляет собой имущественное право в некоем урезанном виде. Парадокс заключается в том, что те же вещные имущественные права в контексте предложенных разъяснений Пленума относятся и к имуществу, и к праву на имущество [5, с. 75–81]. При установлении признаков предмета имущественного преступления (хищения) и их идентификации мы можем наблюдать весьма парадоксальную ситуацию. Этот парадокс состоит в том, что тенденции квалификации имущественных преступлений демонстрируют пока очевидный факт — расширение границ предмета хищения и включение в понятие имущества не только вещей, денег, ценных бумаг, но и имущественных прав, иного имущества, лишнего телесной составляющей, и т. д. Тенденция эта, как мы видели, весьма характерна для современного уголовного права и отчетливо проявляется в ряде постановлений высшей судебной инстанции и отражается в конкретных правоприменительных актах. Но делается это весьма непоследовательно и порой противоречиво, поскольку разные термины, используемые при описании предмета хищения и иных преступлений против собственности, часто носят один

и тот же смысл и в их объем вкладываются одни и те же существенные характеристики, но выраженные особым образом.

С другой стороны, уголовное право в настоящее время не относит к предмету хищения информацию, объекты интеллектуальной собственности, результаты работ, услуг, энергию и т. д. Тем не менее такая ситуация выглядит довольно странно, так как правоприменитель в этих случаях прибегает к приемам отрицания факта нахождения имущества (имущественных благ) в фондах лица и при этом смещает акцент в сторону непередачи (непоступления) должного. В любом случае в подобной ситуации лицо как бы завладевает объектом гражданского права (или приобретает его). Здесь также имеет место преступное действие, направленное на обращение таких объектов в свое противоправное владение (собственность). Казалось бы, вот это самое противоправное действие, направленное на приобретение таких объектов, и должно наказываться, поскольку именно оно составляет суть такого имущественного преступления. Потерпевшему причинен ущерб, а виновный извлек для себя имущественную выгоду.

Однако на самом деле уголовное право (наверное, в большей степени это адресовано правоприменителю) не прибегает к такой квалификации и сегодня предпочитает классифицировать рассматриваемые деяния в зависимости от того, что именно виновный для себя приобрел (завладел, изъял, обратил в свою собственность или владение): материальное благо или что-то другое. При этом, когда речь заходит о противоправном приобретении некоторых нетелесных объектов (в частности, работ, услуг и т. д.), применяется совсем иная формула — уклонение от передачи должного (а не завладения имуществом) или делается акцент на том, что имущество еще не поступило в фонды лица².

Эта ситуация характерна для причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 165 УК РФ). В настоящий момент, согласно п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» основной упор в решении вопроса о наличии признаков ст. 165 УК РФ сделан на том, что изымается имущество, которое еще не поступило в фонды собственника, и по этой причине ему (собственнику)

не причиняется прямой положительный ущерб, поскольку лицо не передает должное. Формально такой подход связан с многолетней практикой существования нормы о причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием параллельно со статьей о мошенничестве, где предметом последнего выступало имущество как телесная вещь либо право на имущество, а все остальное, что не подпадало под уголовно-правовую норму о мошенничестве (именно по предметному признаку), должно было расцениваться как причинение имущественного ущерба без признаков хищения.

Это обстоятельство позволяет утверждать о подвижности границ между актом завладения (что свойственно хищению) и непередачей должного (что характерно для причинения имущественного ущерба без признаков хищения). Такая условность вызвана тем, что необходимо отвечать на ряд вопросов: поступило ли имущество в фонды или нет, источник изъятия характеризует владение или собственность конкретного лица, более того, изымаются материальное благо или нетелесные объекты (и порой разницу между ними весьма трудно очертить).

Таким образом, выходит, что когда похищаются имущественные блага в виде информации, объектов интеллектуальной собственности, работ услуг, энергии и т. д., мы предпочитаем в таких случаях вести речь о *непередаче должного*. В других же подобных ситуациях, где предметом преступного посягательства выступает товар, мы уже говорим о противоправном *завладении* чужим имуществом, и вопрос о непередаче должного, т. е. эквивалентном обмене (или уплате денежных средств за полученный товар), никто не ставит. Тем не менее во всех этих ситуациях механизм совершения преступления один и тот же. Потерпевшему причиняется ущерб, а виновный извлекает для себя выгоду посредством обретения вещей, имущественных прав, иного имущества, результатов оказания работ, услуг и т. д.

Выходит, что вся разница состоит только в том, какой имеет место предмет преступного посягательства (ведь само посягательство направлено именно на предмет — объект гражданских прав, а не на действие с этим объектом) — в виде овеществленного имущественного блага или же нет. Получается тогда, что мы применяем в подобных случаях некие двойные стандарты. Если речь идет о материаль-

² Можно предположить, что часто используемые конструкции «нетелесные объекты» или «иное имущество, лишенное телесной составляющей» и др., фактически подменяют существующие гражданско-правовые понятия — «оказание услуги», «выполнение работ» и т. д., либо уголовно-правовые — «причинение имущественного ущерба» и некорректно сопоставляются с имуществом или предметом хищения в физическом смысле. Однако такая ситуация обусловлена тем, что в настоящее время в уголовном праве не решен глобальный вопрос относительно того, обладает ли само уголовное право известной автономностью в плане толкования иноотраслевых терминов или же оно должно слепо заимствовать существующие категории и конструкции других отраслей права. Представляется, что сегодня эта проблема решается половинчато, в зависимости от принципа целесообразности и конъюнктурной ситуации.

ных объектах и некоторых правах, то применяется теория завладения (изъятия) чужим имуществом, а если, например, о работах или услугах, — то теория непередачи должного за результат оказанных услуг или выполненных работ. Хотя, по большому счету, в последней ситуации, как и в первом случае, лицо приобретает для себя данные объекты гражданских прав и фактически пользуется ими или их результатом. Можно даже сказать, что виновное лицо в подобных случаях их потребляет (поглощает), но не в физическом аспекте.

Констатируя изложенные противоречия и рассуждая о возможных перспективах построения модели уголовного законодательства об имущественных преступлениях, можно предположить, что в существующей парадигме необходимо решить один принципиальный вопрос: будет ли хищение ассоциироваться только с посягательством на материальные (телесные) объекты, или же его предмет должен быть расширен и включать в себя посягательства как на телесные, так и на нетелесные

объекты гражданских прав. При первом подходе, означая консервацию хищения, необходимо будет конструировать самостоятельные составы преступлений, которые устанавливали бы уголовную ответственность за посягательства на нетелесные объекты и всевозможные права (имущественные, цифровые, обязательственные и т. д.). При втором подходе следует модернизировать признаки хищения и расширить не только его предмет, но и способ деятельности, так как существующий термин объективной стороны хищения — «завладение» («изъятие», «обращение») отвечает концепции посягательства на вещь. Соответственно, вести речь необходимо о двух самостоятельных элементах хищения: 1) хищение — это завладение чужим имуществом; 2) хищение — это извлечение имущественной выгоды. В такой ситуации целесообразно в самом уголовном законе дать определение того, что является *имуществом*, а на уровне доктрины предложить концептуальную модель построения имущественных преступлений.

Список литературы

1. Хилюта В. В. Хищение как причинение ущерба и как противоправное изъятие: доктринальные и правоприменительные проблемы // Российский журнал правовых исследований. 2020. № 3.
2. Хилюта В. В. Преступления против оборота объектов гражданских прав. М., 2017.
3. Есаков Г. А. Экономическое уголовное право. Общая часть. М., 2019.
4. Архипов А. В. Некоторые проблемы правовой защиты имущественных отношений в Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 12.
5. Хилюта В. В. Предмет преступления в судебной практике по делам о вымогательстве // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 5.



Порядок возбуждения уголовного дела в отношении лиц, утративших особый статус (законодательство, теория, судебная практика)

Е. Г. Ларин, Омская академия МВД России

✉ larin_eg79@mail.ru

Анализируется российское и зарубежное законодательство, регламентирующее особенности производства в отношении лиц, обладающих особым статусом на предмет его применения к ситуации, связанной с утратой такого статуса к моменту возбуждения уголовного дела. Выделены основные подходы к разрешению проблемы, изложенные в научной литературе. Представлена сложившаяся судебная практика (Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции различных субъектов РФ). Сделан вывод об общем порядке возбуждения уголовного дела (главы 19, 20 УПК РФ) в отношении лиц, утративших особый статус к моменту принятия данного решения.

Ключевые слова: особый правовой статус; процессуальные гарантии; утрата статуса; возбуждение уголовного дела; особенности производства в отношении отдельных категорий лиц.

The Procedure for Initiating a Criminal Case against Persons who have lost their Special Status (Legislation, Theory, Judicial Practice)

E. G. Larin, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ larin_eg79@mail.ru

The author analyzes Russian and foreign legislation regulating the specifics of proceedings against persons with a special status in regard to its application to a situation related to the loss of such status by the time a criminal case is initiated. The main approaches to solving the problem, described in the scientific literature, are highlighted. The current judicial practice (of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction of various subjects of the Russian Federation) is presented. The conclusion is made about the general procedure for initiating a criminal case (Chapters 19, 20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) in relation to persons who have lost their special status by the time this decision is made.

Keywords: special legal status; procedural safeguards; loss of status; initiating a criminal case; features of proceedings against certain categories of persons.

В главе 52 УПК РФ закреплены особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (установлены круг лиц, обладающих особым правовым статусом; особенности порядка возбуждения уголовного дела, привлечения в качестве обвиняемого, применения задержания, избрания меры пресечения, производства отдельных следственных действий, порядка направления уголовного дела в суд).

Как отметил Конституционный Суд РФ, ст. 448 УПК РФ (как и положения главы 52 УПК РФ в целом) устанавливает специальный (усложненный) порядок

возбуждения уголовных дел и производства по ним в отношении отдельной категории лиц; предоставляет им дополнительные процессуальные гарантии, которые, не исключая уголовной ответственности за совершенные преступления, путем усложнения процедуры уголовного преследования обеспечивают их защиту при осуществлении публичных профессиональных обязанностей¹.

Анализ статистических данных, следственной и судебной практики показывает, что применение положений главы 52 УПК РФ нельзя назвать редким.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дарагана Михаила Булатовича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 части первой статьи 447 и пунктом 10 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2013 г. № 1905-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

По данным Следственного комитета Российской Федерации, за 9 месяцев 2021 г. в суд направлено 331 уголовное дело в отношении лиц с особым правовым статусом (за 9 месяцев 2020 г. — 338). К уголовной ответственности привлечены: 83 депутата органов местного самоуправления; 86 выборных глав муниципальных образований органов местного самоуправления; 42 члена избирательных комиссий; 19 прокурорских работников; 11 следователей и руководителей следственных органов Следственного комитета РФ; 18 следователей и руководителей органов предварительного следствия в системе МВД России; 41 адвокат; 7 судей; 8 депутатов законодательного органа власти субъекта РФ².

В практической деятельности нередко возникает вопрос о возможности применения положений главы 52 УПК РФ к лицам, которые на момент совершения преступления обладали особым статусом, но утратили его по предусмотренным законом основаниям к моменту возбуждения уголовного дела.

Вопрос о соблюдении процессуального порядка возбуждения уголовного дела является актуальным и фактически может определять дальнейшую перспективу в движении уголовного дела от одной стадии уголовного судопроизводства к другой. Нередко постановление о возбуждении уголовного дела в отношении лица выступает предметом обжалования в суде в порядке ст. 125 УПК РФ. Нарушение порядка возбуждения уголовного дела может быть основанием для отмены прокурором данного постановления, признания судом данного решения незаконным и необоснованным, возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий, отмены приговора.

Законодатель в главе 52 УПК РФ напрямую не устанавливает пределы действия особого статуса и условия применения особенностей производства (обратим внимание, что применительно к производству в отношении несовершеннолетних указанные аспекты нашли отражение в законе (ст. 420 УПК РФ)).

Буквальное прочтение закона позволяет предположить, что особенности производства применяются к тем лицам, которые на момент производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения обладают особым статусом. Однако в законе нет какой-либо оговорки относительно необходимости учета характера совершенного этим лицом преступления, наличия или отсутствия связи с профессиональной деятельностью и исполнением служебных обязанностей.

Полагаем, что в целях полного изучения вопроса представляет интерес зарубежное законодательство. Так, в УПК Республики Казахстан в главе 57 регламентированы особенности производства по делам

лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом от уголовного преследования. В статье 546 УПК Республики Казахстан сказано, что положения данной главы не применяются к лицам, пребывание которых на соответствующей должности на момент регистрации повода к началу досудебного расследования по предусмотренным законом основаниям прекращено. В УПК Эстонии также предусмотрены отдельные главы (главы 14, 14¹ УПК), которые регламентируют особый порядок составления обвинительного акта и совершения некоторых процессуальных действий в отношении отдельных категорий лиц, прямо названных в законе. Обратим внимание, что законом (ст. ст. 375, 382¹ УПК) устанавливается сфера применения особого порядка. Данный порядок применяется, если в момент дачи согласия соответствующего должностного лица на производство процессуального действия (составления обвинительного акта) лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, занимает соответствующую должность (т. е. обладает особым статусом), независимо от того, совершено ли деяние до вступления в должность или в период его нахождения в должности.

Таким образом, в ряде зарубежных государств законодатель применение особенностей производства в отношении отдельных категорий лиц связывает исключительно с наличием у данных лиц действующего особого правового статуса.

В науке уголовного процесса в связи с отсутствием четких законодательных установок проблема определения порядка возбуждения уголовного дела в отношении лиц, утративших свой особый статус к моменту принятия решения, продолжает оставаться актуальной.

Следует признать, что в настоящее время нет единого подхода к разрешению исследуемой проблемы.

На основе изучения литературы представляется возможным выделить два основных подхода.

1. Положения главы 52 УПК РФ распространяют свое действие в отношении лиц, которые утратили особый статус (ст. 447 УПК РФ) к моменту возбуждения уголовного дела, при условии, что это лицо привлекается к ответственности за преступления, которые им были совершены в период замещения соответствующей должности (либо за преступления, которые им были совершены в период замещения соответствующей должности и непосредственно связаны с его профессиональной деятельностью и исполнением служебных обязанностей) (К. А. Григоров [1, с. 23], О. И. Андреева [2, с. 32], А. А. Казаков [3, с. 41–44], В. А. Сеницын [4, с. 94–97], Ю. В. Дерисhev, Е. И. Чекмезова, Д. Д. Тулева [5, с. 97–102]).

² Интервью Председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина «Российской газете» и ИА «Интерфакс» от 9 декабря 2021 г. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1637396/> (дата обращения: 11.12.2021).

2. В случае утраты лицом особого статуса к моменту возбуждения уголовного дела, независимо от времени совершения преступления и связи преступления с профессиональной деятельностью и исполнением служебных обязанностей, решение о возбуждении уголовного дела принимается в общем порядке по правилам глав 19, 20 УПК РФ. Положения главы 52 УПК РФ в такой ситуации применению не подлежат (П. Г. Марфицин, К. В. Муравьев [6, с. 179], Т. Р. Латыпов [7, с. 60–61], О. В. Добровлянина, А. Д. Прошляков [8, с. 45–46], А. А. Казаков (в более поздних работах автор изменил свою точку зрения в пользу второго подхода [9, с. 121–122; 10, с. 76–78])).

Итоговый вывод по вопросу не может быть сделан без оценки судебной практики.

Вопрос о возможности применения ст. 448 УПК РФ к лицам, утратившим особый статус к моменту принятия решения о возбуждении уголовного дела, неоднократно был предметом внимания Конституционного Суда РФ. В ряде своих решений Конституционный Суд РФ последовательно и неизменно высказывал правовую позицию, согласно которой положения ст. 448 УПК РФ не распространяют особый порядок возбуждения уголовного дела или привлечения в качестве обвиняемого на лиц, уволившихся из следственных органов, а потому не являющихся следователями³; на лиц, уволенных из органов прокуратуры, а потому не являющихся прокурорами⁴; на лиц, являвшихся выборными должностными лицами органов местного самоуправления и уволенных с занимаемой должности⁵.

Далее уместно обратиться к судебной практике Верховного Суда РФ. В одном из его решений указано, что положения главы 52 УПК РФ призваны обеспечить публичные интересы лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, в силу осуществляемых ими функций, оберегая их от необоснованного уголовного преследования,

на время работы в занимаемых должностях, а также после увольнения, если действия этих лиц были связаны с их работой и были совершены в период их служебной деятельности.

Как видно из материалов дела, с 1 июня 1999 г. по 23 декабря 2003 г. С. работал следователем. Дело в отношении С. возбуждено за действия, совершенные им в период работы на должности следователя, о чем указано в постановлениях о возбуждении дела.

Поскольку действия, за которые в отношении С. возбуждено уголовное дело, были совершены в период его работы следователем и были связаны с этой работой, независимо от того, что к моменту возбуждения уголовного дела он не работал на должности следователя, на С. должен распространяться особый порядок уголовного судопроизводства, предусмотренный главой 52 УПК РФ⁶.

Основным аргументом в пользу применения главы 52 УПК РФ, по мнению суда, стало замещение соответствующей должности и наличие связи совершенных преступлений с выполняемой профессиональной деятельностью.

Необходимо отметить, что данный подход не получил дальнейшего распространения в судебной практике, поскольку позиция Верховного Суда РФ позднее стала прямо противоположной, что подтверждают следующие примеры.

1. К. признан виновным в том, что работая в должности следователя Следственного комитета Российской Федерации, совершил фальсификацию доказательств по уголовному делу об особо тяжком преступлении.

В кассационной жалобе осужденный К. просит приговор суда отменить и дело производством прекратить. Указывает, что в соответствии с требованиями п. 7 ч. 1 ст. 447, п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ в отношении следова-

³ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дарагана Михаила Булатовича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 части первой статьи 447 и пунктом 10 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2013 г. № 1905-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шашова Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 части первой статьи 447 и пунктом 10 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2014 г. № 637-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горячева Дмитрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части первой статьи 447 и пунктом 10 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2014 г. № 347-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волкова Руслана Викторовича на нарушение его конституционных прав подпунктом «б» пункта 1 части второй статьи 151, пунктом 6 части первой статьи 447 и пунктом 10 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 10.1 Правил дорожного движения Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 1878-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Прокаевой Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 11 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 г. № 456-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10-О04-15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

теля решение о возбуждении в отношении него уголовного дела принимается руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, а в отношении него уголовное дело в нарушение этого закона было возбуждено 13 февраля 2012 г. следователем по особо важным делам второго отдела по расследованию особо важных дел (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) Следственного управления Следственного комитета. Тот факт, что он на этот момент следователем уже не являлся, юридического значения не имеет, при возбуждении дела установленный законом порядок соблюден не был.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ не согласилась с доводами кассационной жалобы о том, что имеет место нарушение порядка возбуждения данного уголовного дела. Действительно, в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении следователя принимается руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, однако К. с 24 января 2012 г. следователем не являлся, а уголовное дело в отношении него было возбуждено 13 февраля 2012 г., когда на него уже не распространялся особый порядок уголовного судопроизводства, предусмотренный главой 52 УПК РФ. В связи с этим нарушения закона при возбуждении уголовного дела допущено не было⁷.

2. Судебная коллегия Верховного Суда РФ не согласилась с доводами адвоката Т. о том, что уголовное дело в отношении Б. возбуждено ненадлежащим должностным лицом.

В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении следователя следственного органа по району принимается руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации.

По смыслу закона установленные ограничения на возбуждение уголовного дела в отношении следователя призваны оградить его от неправомерного вмешательства в его деятельность по осуществлению служебной деятельности, от попыток оказать на него давление путем привлечения или угрозы привлечения к уголовной ответственности.

Из материалов дела следует, что на момент возбуждения уголовного дела 7 марта 2012 г. Б. уже не работал на должности следователя, так как был уволен из Следственного комитета РФ.

При таких обстоятельствах установленные ограничения не распространяются на порядок возбуждения уголовного дела в отношении бывшего следователя Б., хотя и совершившего уголовное преступление в период нахождения его на должности следователя, поскольку факт возбуждения уголовного дела не связан с вмешательством в его служебную деятельность и преследованием за такую деятельность⁸.

3. Верховный Суд РФ не согласился с решением суда о возвращении уголовного дела прокурору в связи с тем, что уголовное дело в отношении следователя возбуждено в общем порядке в нарушение особого порядка уголовного судопроизводства, предусмотренного главой 52 УПК РФ.

Судебная коллегия указала, что, принимая решение о возвращении дела прокурору, суд не привел в своем постановлении нормы уголовно-процессуального закона, которые предусматривали бы возможность распространения особого порядка производства по уголовным делам, установленного главой 52 УПК РФ, на лиц, не состоящих к моменту возбуждения уголовного дела в должности следователя (уволенных с этой должности, переведенных на другую должность, не указанную в ст. 447 УПК РФ, и т. п.) и не осуществляющих публичные профессиональные обязанности по расследованию уголовных дел, а следовательно, не нуждающихся в особой правовой защите.

В связи с этим выводы суда о том, что возбуждение уголовного дела в отношении С., не состоявшего к тому времени в должности следователя или иной должности, указанной в ст. 447 УПК РФ, нарушает требования действующего УПК РФ и является препятствием для рассмотрения дела судом, не основаны на законе⁹.

Также следует сказать о том, что ранее Верховный Суд РФ указывал на необходимость применения общего порядка возбуждения уголовного дела в отношении лица, утратившего особый статус, но обладавшего таковым на момент совершения деяния, которое не было связано с его профессиональной деятельностью.

Так, У., как видно из материалов дела, с марта 2007 г. не является депутатом Самарской Губернской Думы, следовательно, на него не распространяются особенности производства по уголовным делам, как гарантии его правового и социального статуса, которым он обладал в бытность депутата Самарской Губернской Думы, поэтому в отношении него действует общий порядок возбуждения уголовного дела, предусмотренный главой 20 УПК РФ, за преступления, не связанные с депутатской деятельностью, незави-

⁷ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 16-012-56. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 18-О13-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2013 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

симо от совершения их в период выполнения депутатских полномочий¹⁰.

Выборочное изучение судебных решений судов общей юрисдикции ряда субъектов РФ показало, что имеются редкие случаи принятия судебных решений, которые указывают на необходимость применения положения главы 52 УПК РФ в отношении лиц, утративших особый статус.

В определении Хабаровского краевого суда от 25 января 2013 г. по делу № 22-265/2013 сказано, что по смыслу норм закона, содержащихся в главе 52 УПК РФ, особый порядок уголовного судопроизводства в отношении лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ, призван обеспечить публичные интересы указанных лиц в силу осуществляемых ими функций, оберегая их от необоснованного уголовного преследования на время работы в занимаемых должностях, а также после увольнения с данных должностей, если действия этих лиц были связаны с их работой и были совершены в период их служебной деятельности.

Из материалов дела усматривается, что уголовное дело в отношении И. возбуждено следователем следственного отдела по Краснофлотскому району г. Хабаровска Следственного управления СК РФ по Хабаровскому краю за действия, совершенные в период ее работы следователем и связанные с этой работой, в связи с чем выводы суда о том, что независимо от того, что к моменту возбуждения уголовного

дела она не работала в должности следователя, на нее должен распространяться особый порядок уголовного судопроизводства, предусмотренный главой 52 УПК РФ, являются верными, а доводы кассационного представления признаются судебной коллегией необоснованными¹¹.

Данный пример можно назвать исключением из правил. Все же более распространенной следует признать судебную практику, согласно которой в случае утраты лицом особого статуса (например, следователя¹², члена избирательной комиссии¹³ и др.) к моменту возбуждения уголовного дела положения главы 52 УПК РФ применению не подлежат.

Отдельно необходимо остановиться на особенностях применения главы 52 УПК РФ в отношении бывших судей (т. е. не находящихся в отставке). С учетом предписаний законодательства о статусе судей особый порядок возбуждения уголовного дела следует применять в отношении действующего судьи, а также судьи в отставке. Однако анализ следственной и судебной практики показывает, что в настоящее время дополнительные гарантии применяются и в отношении бывших судей [11, с. 87–91; 12, с. 97–98].

Весьма показательным является следующий пример. В июле 2020 г. решением Высшей квалификационной коллегии судей были досрочно прекращены полномочия судьи Краснодарского краевого суда¹⁴. Верховный Суд РФ в октябре 2020 г. данное решение

¹⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2007 г. № 46-О07-80. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Хабаровского краевого суда от 25 января 2013 г. по делу № 22-265/2013. URL: https://sudact.ru/regular/doc/e2Htm1aJEsL1/?regular-txt=®ular-case_doc=22-265%2F2013®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1004®ular-court=®ular-judge=&_id=1645437862547 (дата обращения: 15.12.2021).

¹² Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 12 августа 2015 г. по делу № 22-3867/2015. URL: https://sudact.ru/regular/doc/mH0Nat36Gfbr/?regular-txt=®ular-case_doc=№+22-3867%2F2015®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1007®ular-court=®ular-judge=&_id=1645437988057 (дата обращения: 15.12.2021); Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 18 мая 2016 г. по делу № 22К-2575/2016. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KWhqxs3rAT5N/?regular-txt=®ular-case_doc=22K-2575%2F2016®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1033®ular-court=®ular-judge=&_id=1645438093464 (дата обращения: 15.12.2021); Апелляционное постановление Тюменского областного суда от 14 февраля 2017 г. по делу № 22-321/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/kwhommj5yKmb/?regular-txt=®ular-case_doc=22-321%2F2017®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1006®ular-court=®ular-judge=&_id=1645438156791 (дата обращения: 15.12.2021); Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 3 марта 2020 г. по делу № 22К-945/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/LNpP3TnSQyWJ/?regular-txt=®ular-case_doc=22K-945%2F2020®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1033®ular-court=®ular-judge=&_id=1645438230190 (дата обращения: 15.12.2021).

¹³ Апелляционное постановление суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 13 апреля 2017 г. по делу № 22-211/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IwEaTls06igd/?regular-txt=®ular-case_doc=№+22-211%2F2017®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1081®ular-court=®ular-judge=&_id=1645438294209 (дата обращения: 15.12.2021); Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 3 декабря 2020 г. по делу № 1-180/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Qvb6oNjg3JT/?regular-txt=®ular-case_doc=1-180%2F2020®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1033®ular-court=®ular-judge=&_id=1645438489494 (дата обращения: 15.12.2021); Апелляционное постановление Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 26 февраля 2020 г. по делу № 10-6/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/vg88PYR7qbdg/?regular-txt=®ular-case_doc=10-6%2F2020®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1057®ular-court=®ular-judge=&_id=1645438587086 (дата обращения: 15.12.2021).

¹⁴ Куликов В. Оставили без статуса. URL: <https://rg.ru/2020/07/13/reg-ufo/sudia-iz-krasnodara-elena-hahaleva-lishena-dolzhnosti.html> (дата обращения: 24.12.2021).

оставил без изменения¹⁵. В декабре 2021 г. с согласия Высшей квалификационной коллегии судей председателем Следственного комитета Российской Федерации возбуждено уголовное дело в отношении уже бывшего судьи по ч. 4 ст. 159, ч. 2 ст. 292 УК РФ¹⁶.

Ранее Верховный Суд РФ в решении по конкретному делу указал, что специальная процедура привлечения к уголовной ответственности применяется и в отношении бывшего, не находящегося в отставке судьи за действия, которые были совершены им в период осуществления правосудия¹⁷.

Полагаем, что применение особого порядка возбуждения уголовного дела в отношении бывших судей является излишним и расходится с правовой позицией Конституционного Суда РФ, поскольку дополнительные гарантии не являются личной привилегией, а обусловлены исключительно наличием профессионального статуса.

Таким образом, изучение российского и зарубежного законодательства, научной литературы, су-

дебной практики Конституционного и Верховного Судов РФ, судебной практики судов общей юрисдикции по вопросу порядка возбуждения уголовного дела в отношении лиц, утративших особый статус к моменту принятия данного решения, позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, в главе 52 УПК РФ прямо не регламентирован вопрос о возможности применения положений закона к лицам, которые утратили к моменту возбуждения уголовного дела особый статус, что не всегда способствует единообразной следственной и судебной практике, принятию законных и обоснованных судебных решений. Во-вторых, в случае утраты лицом особого статуса к моменту возбуждения уголовного дела должен применяться общий порядок принятия данного решения (главы 19, 20 УПК РФ) без применения особенностей, указанных в главе 52 УПК РФ, независимо от времени совершения преступления и связи преступления с профессиональной деятельностью и исполнением служебных обязанностей.

Список литературы

1. Григоров К. А. Особенности производства по уголовным делам в отношении прокуроров, следователей и адвокатов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006.
3. Казаков А. А. Пределы действия процессуальных иммунитетов отдельных категорий лиц // Российский следователь. 2013. № 10.
4. Сеницын В. А. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела в отношении бывших следователей и прокуроров в порядке ст. 448 УПК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 9.
5. Дерюшев Ю. В., Чекмезова Е. И., Тулева Д. Д. Проблемные вопросы квалификации преступлений и определения подследственности уголовных дел в отношении специальных субъектов: от практики к теории // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 1.
6. Марфицин П. Г., Муравьев К. В. Возбуждение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления : монография. Омск, 2009.
7. Латыпов Т. Р. О применении положений главы 52 УПК РФ при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Журнал российского права. 2010. № 8.
8. Добровлянина О. В., Прошляков А. Д. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц : монография. М., 2011.
9. Казаков А. А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 4.
10. Казаков А. А. Производство по делам в отношении лиц с особым статусом: основные заблуждения // Уголовный процесс. 2020. № 5.
11. Романенко Н. В. Действие публично-правовой неприкосновенности судей во времени // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1.
12. Макаров В. А. Об особенностях уголовного преследования судей // Расследование преступлений: проблемы и пути решения. 2019. № 2.

¹⁵ Козлова Н. Прогуляла мантию. URL: <https://rg.ru/2020/10/06/verhovnyj-sud-dosrochno-prekratil-polnomochiia-sudieny-hahalevoj.html> (дата обращения: 24.12.2021).

¹⁶ Козлова Н. Против экс-судьи Елены Хахалевой возбудили уголовное дело. URL: <https://rg.ru/2021/12/15/protiv-eleny-hahalevoj-razreshili-vozbudit-ugolovnoe-delo.html> (дата обращения: 24.12.2021).

¹⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2003 г. № 5-г03-69. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».



Криминалистическая характеристика и материальная структура преступлений: соотношение понятий и их роль в совершенствовании методики расследования преступлений

А. М. Хлус, Белорусский государственный университет, г. Минск
✉ hlus.home@mail.ru

Рассматривается проблема методического обеспечения деятельности по расследованию преступлений. Современные методики расследования, основанные на криминалистической характеристике преступлений, не удовлетворяют потребностям времени по причине несовершенства данной научной категории. Предложено в качестве теоретической базы для формирования новых и совершенствования имеющихся частных методик расследования использовать информационную модель преступного деяния, построенную на основе выделения элементов его материальной структуры, проанализированных и описанных (охарактеризованных) с точки зрения криминалистической науки. Названы и кратко представлены общие элементы материальной структуры преступлений, которые могут служить основой для совершенствования методического обеспечения расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистика; расследование; частная методика расследования; криминалистическая характеристика; материальная структура.

Forensic Characteristics and Material Structure of Crimes: the Correlation of Concepts and their Role in Improving the Methodology of Criminal Investigation

A. M. Khluss, Belarusian State University, Minsk
✉ hlus.home@mail.ru

The problem of methodological maintenance of criminal investigation is under consideration. Modern methods of investigation based on the forensic characteristics of crimes do not meet the modern requirements due to the imperfection of this scientific category. It is proposed to use the information model of a criminal act, built on the basis of specification of the elements of its material structure, analyzed and described (characterized) from the point of view of forensic science, as a theoretical basis for the formation of new and improvement of existing private methods of investigation. The general elements of the material structure of crimes, which can serve as the basis for improving the methodological maintenance of criminal investigation, are qualified and briefly described.

Keywords: forensic science; investigation; private methods of investigation; forensic characteristics; material structure.

Криминалистике отводится особая роль среди наук, осуществляющих противодействие преступности. Именно криминалистика призвана обеспечивать органы предварительного расследования комплексом знаний, необходимых для раскрытия и расследования преступлений.

Криминалистика, сформировавшаяся в конце XIX столетия, к настоящему времени претерпела значительные изменения. Состояние развития криминалистической науки сохраняется до сих пор. Но эффективность ее многих разработок в практике борьбы с проявлениями современной преступности вызывает сомнение.

Проблемы криминалистической науки в равной степени касаются всех ее разделов: общей теории, криминалистической техники, тактики и методики. Рассмотреть весь комплекс научных и практических проблем криминалистики в небольшой по объему работе не представляется возможным. В данной статье мы акцентируем внимание на одной из основных проблем, относящейся к формированию частных методик расследования.

Несмотря на достигнутый уровень имеющихся научных исследований проблем частных методик расследования, еще рано говорить об успешном разрешении многих из них. Цель данной статьи — обратить внимание научного сообщества и практических работников на недостаточную разработанность теоретических основ частной методики расследования преступлений, определить путь ее совершенствования.

Традиционно построение частных методик расследования основывается на системе теоретических данных о соответствующем виде или группе преступлений. Эту систему составляют отдельные уголовно-правовые и криминологические сведения о преступлении. Разработчики частных методик расследования отбирают уголовно-правовую и криминологическую информацию, пригодную, по их мнению, в качестве основы для формирования методики расследования преступлений. Отсутствие единых требований к порядку методического построения приводит к тому, что частные методики расследования преступлений одного вида, описанные в диссертационных, монографических и учебных работах нескольких авторов, содержат различную совокупность уголовно-правовых и криминологических сведений.

Например, в основе разработки методики расследования должностных преступлений А. Л. Сергеев использует следующую информацию: 1) понятие должностного лица, рассматриваемое автором в качестве основы криминалистической характеристики группы преступлений, совершаемых данной категорией лиц; 2) цель, умысел и мотивы совершения преступления; 3) законодательные и иные правовые нормы, определяющие полномочия и функции должностных лиц; 4) обстановка преступления, т. е. место, где создаются условия для преступных действий; 5) особенности обстановки, влияющие на механизм и способы их совершения; 6) имущественный, физический и моральный вред [1, с. 31–69].

Иначе дано описание должностных преступлений в учебнике под редакцией Р. С. Белкина. Авторы учебника криминалистики, анализируя методику расследования должностных преступлений, акцентируют внимание на общих элементах, относящихся к составам данных преступлений: субъекты престу-

плений; предмет преступления; объективная сторона действий должностного лица; мотивы преступления [2, с. 853].

Приведенный пример показывает отсутствие единообразного подхода к построению частных методик расследования. В качестве основы их построения часто используются уголовно-правовые сведения об объекте и предмете преступления, мотиве, цели совершения деяния и форме вины. Теоретическую основу методик расследования составляют криминологические данные о типичной личности преступника и жертвы преступления, обстановке (времени, месте и условиях) совершения преступления. Здесь же содержится информация, имеющая криминалистический характер и отражающая отношение к типичным способам совершения и сокрытия данного вида или группы преступлений, а также сведения о типичном механизме образования следов в результате реализации способов преступной деятельности.

В итоге основу построения частных методик расследования составляют знания преимущественно из уголовного права и криминологии, и в меньшей степени — из криминалистики, что не является верным. Дело в том, что в процессе расследования преступлений следователю приходится иметь дело с проявлениями «реальностей уголовного права» (Г. Гросс) в виде определенной системы следов, содержащих информацию о данных «реальностях».

Не все ученые-криминалисты по достоинству оценили глубину мысли Г. Гросса. Одно из значений термина «реальность» указывает на объективно существующие явления, факты, которые существуют действительно и проявляются в виде материальных образований. С точки зрения криминалистики то, что в уголовном праве представлено абстрактной моделью, называемой преступлением, в реальности проявляется в виде системы материальных элементов, взаимосвязанных в момент совершения деяния.

Совокупность уголовно-правовых, криминологических и криминалистических данных ученые-криминалисты рассматривают в качестве криминалистической характеристики преступлений, которая вскоре была оценена как «абстрактная типовая модель преступления» [3, с. 243–244]. Она прочно заняла свое место в частных методиках расследования видов и групп преступлений и используется как теоретическая основа для их построения. Криминалистическая характеристика преступлений, которую исследователи предложили именовать типовой информационной моделью преступления [4, с. 128–144], получила широкое распространение как научная категория.

Следует отметить одну из основных тенденций, состоящую в неудовлетворенности некоторых ученых (Р. С. Белкин, А. В. Дулов, Е. П. Ищенко и др.) степенью решения задач, для которых разрабатывалась эта криминалистическая категория, и предложение отказаться от нее, заменив в структуре частных методик расследования иным элементом. Наиболее категорично о ней высказался Р. С. Белкин, назвавший криминалистическую характеристику «криминалистическим фантомом» [5, с. 223]. По нашему мнению, криминалистическая характеристика преступления как научная категория не исчерпала своих положительных качеств.

Тем не менее в настоящее время усилилась неопределенность по многим вопросам криминалистической характеристики преступлений. С одной стороны, криминалистическая характеристика преступлений достигла такого уровня, когда ее дальнейшее развитие не способствует самосовершенствованию, а создает проблемы для развития криминалистики как науки. С другой стороны, нельзя в один момент отказаться от криминалистической характеристики преступлений по причине ее глубокого укоренения в системе науки, практики и в сознании большинства ученых-криминалистов. В подтверждение сказанному сошлемся на мнение О. А. Берзиня, который заметил, что «до сих пор отсутствует не только общее определение, но и целостная концепция понятия криминалистической характеристики преступления» [6]. Он предлагает объединить усилия наук уголовно-правового цикла в области борьбы с преступностью, результатом чего должна стать комплексная характеристика преступлений в виде описания и систематизации присущих им признаков, которая «должна состоять из разделов, соответствующих тем отраслям знаний, где получены те или иные сведения о преступлении или преступной деятельности. Такую комплексную характеристику уже нельзя будет называть ни криминологической, ни криминалистической, ни оперативно-розыскной. Она будет комплексной» [6].

Мы считаем, что современные ученые должны приложить максимум усилий для совершенствования криминалистической характеристики преступлений. Для начала необходимо разрешить проблемы, касающиеся формирования общепринятого понятия, уточнения природы, назначения, функций и роли криминалистической характеристики преступлений в формировании частных криминалистических методик и др.

Имеющиеся в настоящее время методики расследования преступлений основываются на рассмотрении элементов их криминалистической характеристики, точное количество которых

не определено. Например, О. В. Евстигнеева, исследуя преступления, связанные с использованием взрывных устройств, называет следующие элементы криминалистической характеристики: 1) сведения о способе подготовки, совершения и сокрытия преступлений; 2) данные об орудиях, используемых для совершения данной категории преступлений; 3) описание типичных материальных следов и наиболее вероятных мест их обнаружения; 4) данные о личности преступника, мотивах и целях его действий (либо характеристика преступных групп); 5) данные, характеризующие потерпевшего; 6) информация об отдельных обстоятельствах совершения преступлений (обстановка, место, время) [7, с. 28–29].

Проанализировав элементы данной криминалистической характеристики, можно заметить, что она не акцентирует внимание на материальных составляющих структуры преступления.

Научные споры о криминалистической характеристике преступлений повлекли за собой необходимость поиска нового подхода к познанию преступления. Такой подход был предложен в связи с осознанием важнейшей задачи криминалистики — установления совокупности материальных образований, составляющих между собой преступление.

В целях познания преступления с криминалистической точки зрения мы предлагаем первоначально начинать теоретическое исследование, а равно практическую деятельность по расследованию, с выявления совокупности общих материальных элементов, обязательно имеющих в наличии при совершении любого преступления. Затем необходимо криминалистическое описание отражательных возможностей каждого элемента и их связей с иными материальными элементами преступной структуры, т. е. нужна криминалистическая характеристика выявленных элементов материальной структуры преступления данного вида. Полнота информации, содержащаяся в следах-отражениях материальных элементов преступления, позволяет определить последовательность в изучении иных элементов системы преступления.

Актуальность познания материальной структуры преступлений обусловлена необходимостью совершенствования частных методик расследования. В настоящем виде частная методика расследования представляется «малоэффективной теоретической системой, лишенной свойств массовости, детерминированности и результативности» [8, с. 156]. Концепцию совершенствования методики расследования преступлений А. С. Шаталов видит в контексте «криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений» [8, с. 156]. С недостатками частной ме-

тодики расследования преступлений, по нашему мнению, связана их криминалистическая характеристика.

Анализ многообразия проявлений преступных деяний позволяет выделить в них следующие общие структурные элементы: субъект, совершивший преступление; объект преступного посягательства; средство совершения преступления; предмет преступного посягательства и предмет преступления [9, с. 51]. Это максимально возможная разновидность материальных элементов структуры преступления.

Для типовой структуры конкретного вида преступлений характерно определенное сочетание элементов, которое можно выявить путем анализа конструкции уголовно-правового состава. Выделенная таким образом материальная структура имеет абстрактный характер. В дальнейшем при совершении преступления данного вида материальные элементы его структуры проявляют себя в реальной действительности, вступая между собой в различные связи.

Преступления одного вида могут отличаться количеством одноименных элементов, т. е. субъекты совершения деяния составляют преступную группу, которая совершила посягательство на несколько объектов, и т. д.

В виде субъекта любого преступления может рассматриваться только человек. Его общая отличительная особенность как элемента структуры преступлений состоит в том, что он может пониматься как слепообразующий, так и следовоспринимающий элемент. В зависимости от вида преступлений функциональная связь субъекта с иными элементами преступной структуры может быть различной.

Объект преступного посягательства в уголовном праве и криминалистике понимается по-разному. С точки зрения уголовного права объект преступления — это общественные отношения, на которые посягает субъект преступления. Но общественные отношения не отражают на себе следы, содержащие значимую криминалистическую информацию. С позиции криминалистического рассмотрения объекта преступного посягательства следует заметить, что он также имеет материальный характер и независимо от других материальных элементов преступной системы представляет собой «систему, на которую направлено преступное посягательство» [9, с. 51]. Перечень объектов преступного посягательства широк. В их числе можно назвать человека (убийство и т. д.), транспортное средство (умышленное его повреждение), корпоративную компьютерную сеть (несанкционированное проникновение), складское и иное помещение (криминальный взлом) и т. д.

Средства совершения преступления содержат криминалистически значимую информацию об иных его структурных элементах. В их качестве можно выделить орудия (топор и др.), оружие (пистолет и др.), транспорт (автомобиль и др.), документы, вещества (взрывчатые и др.) и т. д. [10, с. 30].

Предметом преступного посягательства выступает материальный объект, который определяет целевую направленность преступного посягательства. Как правило, такой целью будет завладение этим предметом, без оказания на него воздействия в момент совершения преступления. Предметами преступного посягательства чаще всего являются денежные средства, документы, материальные ценности.

В криминалистической структуре предмет преступления играет самостоятельную роль. Для большинства уголовно наказуемых деяний, в структуре которых выделяется такой элемент, характерно его существование независимо от совершенных преступных действий, образующих объективную сторону преступления. Данный элемент преступной структуры «отличается от других элементов тем, что в отношении него не совершается преступное посягательство, и он не используется как средство совершения преступления» [9, с. 53]. В качестве примера предмета преступления в его криминалистическом понимании можно назвать деньги, используемые в качестве платы за совершенное заказное преступное деяние.

На основании изложенного в качестве основы для научной дискуссии предлагаются следующие выводы:

1) объективной реальностью любого совершенного преступления является наличие элементов его материальной структуры, которая представляет собой внутреннее строение преступной системы;

2) элементы материальной структуры преступления взаимосвязаны, образуют систему противоправного деяния и служат основой для его криминалистического понимания и исследования;

3) материальная структура преступления в сочетании с криминалистической характеристикой его элементов дает наиболее полное представление об информационной модели конкретного преступного деяния;

4) в качестве теоретической базы для формирования новых и совершенствования имеющихся частных методик расследования следует использовать информационную модель преступного деяния, построенную на основе выделения элементов его материальной структуры, проанализированных и описанных (охарактеризованных) с точки зрения криминалистической науки.

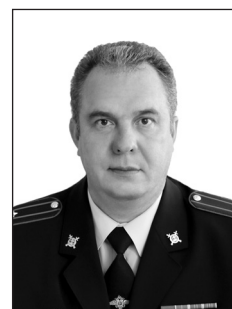
Список литературы

1. *Сергеев А. Л.* Криминалистические основы первоначального этапа расследования должностных преступлений, совершенных в сфере деятельности органов местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2016.
2. *Аверьянова Т. В.* Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. М., 1999.
3. *Баянов А. И.* Криминалистическая характеристика — абстрактная, типовая модель преступления // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сб. ст. / отв. ред. В. Д. Волович. Томск, 1985.
4. *Ищенко Е. П., Колдин В. Я.* Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6.
5. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.
6. *Берзинь О. А.* Криминалистические подходы к моделированию преступной деятельности. URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/2012/06/28/1259009466/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%202011-4-14.pdf> (дата обращения: 12.11.2021).
7. *Евстигнеева О. В.* Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
8. *Шаталов А. С.* Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2.
9. *Гучок А. Е.* Криминалистическая структура преступления. Минск, 2007.
10. *Хлус А. М.* Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1.



УДК 343.102 © В. А. Гусев, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-184-23-32

Время как юридическая категория в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности



В. А. Гусев, Омская академия МВД России
✉ gusevva@mail.ru

Исследуются нормы оперативно-розыскного законодательства, регулирующие сроки осуществления отдельных оперативно-розыскных действий. Изучаются обоснованность и эффективность законодательного определения временных периодов исполнения должностными лицами оперативных подразделений своих обязанностей, имеющих определенные правовые последствия. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования оперативно-розыскных нормативных предписаний в целях повышения эффективности защиты прав и свобод граждан.

Ключевые слова: срок; суд; решение; права человека; оперативно-розыскные мероприятия; дела оперативного учета.

Time as a Legal Category in the Legislation on Crime Detection

V. A. Gusev, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ gusevva@mail.ru

The norms of the legislation related to crime detection regulating the terms of the implementation of certain measures of crime detection are under study. The validity and effectiveness of the legislative definition of time periods allocated for performing the duties by officials of operational units, which have certain legal consequences, are scrutinized. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve legal regulations on crime detection in order to improve the efficiency of protecting citizens' rights and freedoms.

Keywords: term; court; decision; human rights; measures of crime detection; files of operative registration.

Категория «время» (как и «пространство») воспринимается в философии в качестве основной формы существования материи [1, с. 69]. Действительно, время отражает всеобщее свойство объектов материального мира и процессов, с ними связанных, которые не могут существовать (во всяком случае, на планете Земля) вне данной категории. В результате изучения понятия «время» научное сообщество пришло к выводу, что оно характеризуется длитель-

ностью существования предметов, процессов, продолжительностью изменения и развития отдельных сторон, фаз, ступеней; порядком следования, сменой состояний, известной последовательностью (до, после, одновременно, ранее и т. п.); ритмичностью, интенсивностью [2, с. 101].

Само существование и развитие социума как процесс тоже подчинено времени; ему свойственны свои ритмы, цикличность, темпы протекания,

а также собственная наполняемость (событийность) и протяженность [3, с. 35]. Правовое регулирование общественных отношений как неотъемлемый элемент жизни общества представляет собой совокупность правовых событий, юридических фактов и явлений, происшедших на определенном отрезке времени и имеющих определенные правовые последствия. Как справедливо отметила Т. Л. Тенилова, правовое время как особая функциональная категория юридической науки и практики выражает начало, длительность и окончание какого-либо правового действия, процесса, нормы, состояния, события [4, с. 5]. Его уровень и состояние служат основными критериями оценки четкости, организации, регулирования, законности, целесообразности, эффективности, а также одновременно являются средствами их достижения [5, с. 106].

Через призму именно такого подхода представляется целесообразным рассмотреть «время» как юридико-функциональную категорию, используемую в законодательном регулировании правоотношений, возникающих при осуществлении уполномоченными государственными органами оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

Прежде всего необходимо отметить, что «время» как абстрактное понятие конкретизируется законодателем в более осязаемом юридическом термине «срок». Так, в соответствии со ст. 190 «Определение срока» Гражданского кодекса РФ «установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить». Фактически во всех отраслях российского законодательства именно так и осуществляется регулирование правоотношений во времени. Не является исключением и Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД). Более того, именно оперативно-розыскная деятельность представляет один из немногочисленных видов государственной деятельности, наиболее глубоко вторгающихся в сферу частной жизни граждан, существенно ограничивая их права, свободы и законные интересы. Полагаем, поэтому законодательное определение конкретных временных отрезков и пределов в системе оперативно-розыскных правоотношений приобретает особое значение.

Так, в статье 5 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» Закона об ОРД содержится ряд нормативных предписаний, регулирующих сроки хранения и уничтожения материалов, получен-

ных в результате ОРД. Первое законодательное положение предписывает органам, осуществляющим ОРД, все собранные оперативно-розыскные материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранить не более одного года, по истечении которого эти материалы подлежат уничтожению.

Анализ данной нормы позволяет предположить, что в указанную категорию лиц включаются те граждане, в отношении которых проводились оперативно-розыскные мероприятия, но уголовные дела либо не возбуждались вообще, либо возбуждались, но были прекращены по реабилитирующим основаниям, либо в результате судебного разбирательства был вынесен оправдательный приговор. Однако, как справедливо отмечают О. А. Вагин и А. Е. Чечётин, устанавливая годовой срок хранения оперативных материалов, законодатель не определил момент, с которого его следует считать: со дня проведения ОРМ (а в случае длящихся ОРМ — со дня его начала или окончания) или со дня принятия уголовно-процессуального решения о невиновности лица (если такое решение вообще принималось, например, в случае прекращения дела оперативного учета без представления оперативных материалов следователю для принятия решения о возбуждении уголовного дела) [6, с. 48]. Действительно, между указанными точками отсчета может пройти продолжительный период времени, поэтому решение этого вопроса имеет определяющее значение для исчисления годового срока. Следует согласиться с учеными, которые предлагают течение срока хранения оперативных материалов начинать с момента реабилитации лица в уголовно-процессуальном порядке [6, с. 48]. Отчасти здесь можно провести параллель с ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД: она предоставляет лицу, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, право истребовать сведения о полученной о нем информации. Однако и в этом случае без ответа остается вопрос об исчислении срока хранения оперативных материалов, если дело оперативного учета было прекращено так же негласно, как и было заведено, без уголовно-процессуального решения об отказе или возбуждении уголовного дела. Полагаем, что в такой ситуации срок хранения оперативных материалов должен исчисляться со дня прекращения оперативно-розыскного производства по делу.

Кроме того, возникает вопрос, почему законодатель установил срок хранения оперативных материалов в один год. Срок возможного истребования гражданином сведений, собранных о нем оперативными подразделениями, в соответствии с ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД не ограничен. Оперативные материа-

лы имеют гриф секретности и хранятся в условиях, исключающих ознакомление с ними посторонних лиц, поэтому период времени их хранения не влияет на возможность разглашения оперативных материалов или их утрату. В связи с этим предположим, что законодатель определил сакраментальный срок хранения оперативных материалов в один год весьма условно, что подтверждает его последующая оговорка после слова «уничтожаются» — «если служебные интересы или правосудие не требуют иного».

На наш взгляд, очевидно, что служебные интересы для органов, осуществляющих ОРД, это прежде всего интересы борьбы с преступностью, поэтому руководители данных органов могут принимать решения о продлении сроков хранения дел оперативного учета (или отдельных оперативно-служебных документов) в пределах, установленных соответствующими ведомственными нормативными актами. Здесь можно выделить две группы материалов, отражающих результаты ОРД: 1) дела оперативного учета, которые прекращены в связи с установлением полной непричастности лица к подготовке или совершению преступлений; 2) дела оперативного учета (оперативно-служебные документы), которые содержат информацию об участии лица в преступной деятельности, но при этом собранных оперативным путем данных недостаточно для его привлечения к уголовной ответственности. В первом случае не вызывает сомнений возможность и целесообразность уничтожения таких материалов по истечении одного года, а их хранение в этот период представляет интерес только для ведомственного контроля и прокурорского надзора за обоснованностью заведения этих дел. Во втором случае хранение оперативных материалов свыше одного года не только целесообразно, но и крайне необходимо, так как лицо, виновность которого в данный момент не доказана в уголовно-процессуальном порядке, с большой долей вероятности продолжит свою криминальную активность. Поэтому, принимая во внимание, что такие оперативные материалы наверняка будут востребованы в будущем, уничтожать их слишком расточительно, так как на их соби́рание были затрачены время, силы и средства оперативных подразделений.

Кроме того, срок хранения оперативных материалов может быть продлен более одного года в интересах правосудия. В данном случае инициатором продления срока может выступить исключительно суд (судья), который посчитал необходимым сохранить результаты ОРД, например, до окончания судебного разбирательства. Полагаем, что при этом соответствующая судебная инстанция должна также определить дату уничтожения оперативных материалов, хранившихся по ее решению сверх установленного законодателем срока.

Второе законодательное положение, содержащееся в ч. 7 ст. 5 Закона об ОРД, прямо предписывает уничтожать фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания. В данном случае законодатель четко определил точку отсчета срока хранения названных оперативных материалов, указал период, в течение (а не по истечении) которого материалы подлежат уничтожению, и при этом не указал каких-либо условий возможного продления срока их хранения. Такое законодательное решение повлекло за собой попытку отдельных правоприменителей безальтернативно толковать данную норму и требовать уничтожения оперативных материалов, отражающих результаты прослушивания телефонных переговоров. В частности, судья Центрального районного суда г. Омска 25 марта 2021 г. по уголовному делу № 1-15/2021 вынес частное определение, в котором установил, что должностные лица оперативного подразделения УМВД России по Омской области не уничтожили фонограммы телефонных переговоров и «использовали их практически через год как одно из оснований для возбуждения уголовного дела, а в последующем — и в доказывании вины...», и постановил «обратить внимание руководства УМВД России по Омской области на допущенные нарушения в ходе хранения полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий сведений с принятием необходимых мер по исключению в дальнейшем аналогичных нарушений...».

Полагаем, автор указанного частного определения не был знаком с неоднократными решениями Конституционного Суда РФ, который отмечал, что «уничтожение фонограмм и других материалов, полученных в результате прослушивания телефонных и иных переговоров, без учета служебных интересов, направленных на достижение целей и задач оперативно-розыскной деятельности, а также интересов правосудия, связанных с необходимостью защиты прав и свобод человека и гражданина, делало бы бессмысленным проведение оперативно-розыскных мероприятий и противоречило бы публичным интересам, для защиты которых такая деятельность осуществляется» (определения Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. № 86-О, от 19 июля 2016 г. № 1671-О и от 5 июня 2018 г. № 1404-О). При этом Конституционный Суд РФ подчеркнул, что сама по себе длительность (т. е. неопределенный срок) хранения фонограмм телефонных переговоров обусловлена необходимостью обеспечения служебных интересов, а также отправления правосудия и не означает незаконности их получения, недо-

верности содержащейся в них информации и невозможности использования в доказывании по уголовному делу¹.

Несмотря на весьма объективную и взвешенную позицию Конституционного Суда РФ, рассматриваемая ч. 7 ст. 5 Закона об ОРД, на наш взгляд, сформулирована ультимативно и потому нуждается в соответствующем изменении положений относительно срока хранения оперативных материалов в части прослушивания телефонных переговоров и дополнении условий возможного его продления. Аргументом нашей позиции может служить третье законодательное положение ч. 7 ст. 5 Закона об ОРД, которое устанавливает срок три месяца до дня уничтожения материалов, отражающих результаты ОРМ, проведенных на основании судебного решения, за который должен быть уведомлен соответствующий судья. По смыслу данного законодательного предписания судья может дать указание продлить срок хранения подлежащих уничтожению оперативных материалов, иначе это уведомление теряет смысл и превращается в формальный ритуал.

Полагаем, такое продление возможно и даже необходимо, например, в случае обращения гражданина в суд с жалобой на действия должностных лиц оперативных подразделений. Очевидно, что если суд будет изучать законность проведенного прослушивания телефонных переговоров, которое явилось предметом обжалования, ему объективно потребуются все оперативно-служебные документы, которые отражают правовые основания и процедуру проведения и оформления результатов.

В статье 8 Закона об ОРД, которая определяет условия проведения ОРМ, содержится широкий перечень юридически значимых сроков. В соответствии с ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД, в случаях, которые не терпят отлагательства, ОРМ, ограничивающие конституционные права человека и гражданина, могут проводиться на основании мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД. В данной норме словосочетание «не терпят отлагательства» предлагаем воспринимать как определенное законодателем время немедленного начала проведения ОРМ, так как срок на получение судебного разрешения на его проведение по объективным причинам отсутствует. Фактически такая необходимость обусловлена возможностью скоротечного совершения тяжкого или особо тяжкого

преступления, а также наличием данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, которые нуждаются в немедленном пресечении. Как справедливо отмечают ученые, «такие ситуации возникают при поступлении информации о подготавливаемом либо замышляемом преступлении, требующей неотложного реагирования, когда неприменение либо несвоевременное применение ОРМ позволит подозреваемым совершить тяжкое или особо тяжкое преступление с необратимыми последствиями» [6, с. 116].

Однако законодатель обязал оперативные подразделения в подобных случаях уведомлять суд (судью) в течение 24 часов, а также в течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия получить судебное решение либо прекратить его проведение. Необходимо отметить, что такие ОРМ проводятся нечасто, так как руководители оперативных подразделений, как правило, при наличии комфортного временного периода на подготовку ОРМ и получение судебного решения опасаются проводить неотложные мероприятия, тем самым привлекая особенно пристальное внимание к ним судебной инстанции. Именно поэтому процедура уведомления о проведении ОРМ и последующего получения судебного решения не вызывает особых дискуссий в юридической науке и практике. Вместе с тем в контексте заявленной нами темы эти действия оперативных подразделений и обозначенные законодателем сроки представляют определенный интерес.

Во-первых, форма уведомления суда или судьи в Законе об ОРД не оговорена — устное уведомление по телефону можно произвести значительно быстрее, чем письменное уведомление нарочным. Однако законодатель в любом случае предоставил ровно одни сутки на такое уведомление. Таким образом, если ОРМ, предусмотренные ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД, в случаях, не терпящих отлагательства, проводятся в дневное рабочее время, то уведомление (независимо от его формы) может быть направлено в течение 2–3 часов, а если в вечернее или ночное нерабочее время, то спустя 10–12 часов. Так или иначе, у должностных лиц оперативных подразделений имеется объективная возможность в течение 24 часов уведомить суд о проведенном или проводимом без судебного решения ОРМ, ограничивающем конституционные права граждан².

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мазуровой Дианы Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 5, 11 и 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статей 74, 75, 84 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 561-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В связи с этим С. В. Баженов предложил в течение 24 часов представлять в суд постановление с указанием времени начала проведения ОРМ, при этом его регистрация в суде исключила бы необходимость уведомления как такового [7, с. 32].

Во-вторых, возникает вопрос о том, какую смысловую нагрузку несет уведомление суда в течение 24 часов, если в последующем в течение 48 часов оперативным сотрудникам все равно необходимо обратиться в суд за соответствующим решением. На наш взгляд, процедуру уведомления суда и получения судебного решения необходимо рассматривать с учетом конкретного вида ОРМ. Как справедливо заметил А. Е. Чечётин, ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД рассчитана прежде всего на длящееся мероприятие, для продолжения которого требуется судебное решение [8, с. 58] (например, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи). Если оперативно-розыскное мероприятие имело разовый, кратковременный характер (например, обследование жилого помещения), то после его завершения требуется не судебное решение о его проведении, а скорее судебное решение о законности и обоснованности уже проведенного мероприятия.

В связи с этим законодатель определил, что оперативно-розыскной орган обязан в течение 48 часов получить судебное решение о проведении такого ОРМ либо прекратить его проведение. Иными словами, фактически предоставил должностным лицам оперативных подразделений выбор: или обращаться в суд за решением о проведении ОРМ, или самостоятельно прекратить проводимое ОРМ до завершения 48-часового временного периода, даже не пытаясь обратиться в суд. И в том, и в другом случае с формальной точки зрения юридическая процедура будет соблюдена и действия оперативных сотрудников следует признать законными, следовательно, и результаты ОРМ в обоих случаях должны быть признаны допустимыми. Несмотря на полное соответствие данного вывода формальной логике, остается сомнение о его соответствии духу закона.

Пожалуй, именно этим можно объяснить весьма противоречивые решения российских судов различных инстанций и определения Верховного Суда РФ. Так, в 2004 г. Верховный Суд РФ признал правомерным отказ в исследовании протокола расшифровки аудиозаписи разговора между К. и Х., поскольку, как правильно указано в постановлении председательствующего, аудиокассета получена с нарушением требований п. 14 ст. 6, ч. 3 ст. 8, ст. 11 Закона об ОРД, следовательно, протокол ее расшифровки как производный от аудиозаписи также является недопустимым доказательством³.

Затем в 2010 г. в своем кассационном определении Верховный Суд РФ принял решение, что суд предыдущей инстанции «обоснованно признал аудиозапись допустимым доказательством, поскольку она произведена в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД, и о прослушивании телефонных переговоров Байрамова Ф. В. 16 февраля 2009 г. был уведомлен заместитель председателя Верховного суда Республики <...>»⁴.

Уже в 2012 г. Верховный Суд РФ провел тщательную проверку представленных на кассационное рассмотрение материалов и установил, что в основу выводов о виновности Боголова и Журавского положены полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий переговоры Ч. и В.: в 18 часов 13 минут, 18 часов 53 минуты, 19 часов 40 минут 20 марта 2010 года; в 1 час 55 минут, 2 часа 18 минут, 2 часа 20 минут, 2 часа 26 минут, 2 часа 32 минуты, 2 часа 33 минуты, 2 часа 36 минут 21 марта 2010 г.; а также переговоры А. и Журавского в 22 часа 25 минут 27 августа 2010 г., Платыгина и Журавского в 8 часов 41 минута 28 августа 2010 г. как проведенные на основании постановления судей от 21 марта 2010 г. и 28 августа 2010 г. соответственно. Данные результаты ОРМ получены оперативными подразделениями как не терпящие отлагательства при наличии информации о совершении особо тяжкого преступления. При этом Челябинский областной суд был уведомлен о начале проведения оперативно-розыскных мероприятий, и в последующем получены судебные решения. Однако судом было установлено, что в постановлениях судей соответственно от 21 марта 2010 г. и 28 августа 2010 г. разрешено проводить прослушивание телефонных переговоров указанных лиц лишь с момента вынесения постановлений, «то есть фактически не получено судебное решение на прослушивание телефонных переговоров в указанное выше время. Поэтому данные доказательства являются недопустимыми»⁵. В 2015 г. в хитросплетениях части 3 ст. 8 Закона об ОРД вынужден был разбираться Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), который сделал вывод, что законодательство Российской Федерации не предусматривает эффективного судебного рассмотрения «экстренной процедуры» проведения ОРМ. Так, по мнению ЕСПЧ, несмотря на то что российское законодательство требует немедленного информирования судьи о каждом случае экстренного прослушивания в течение 24 часов, судебная

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 2004 г. № 41-004-8сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2010 г. № 20-О10-27. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 48-О12-110. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

власть «ограничена санкционированием продления меры по прослушиванию свыше 48 часов», так как суд «не имеет полномочий для оценки того, было ли оправданно использование экстренной процедуры, или решить, будет ли материал, полученный в течение предыдущих 48 часов, сохранен или уничтожен»⁶.

Затем в 2017 г. ЕСПЧ не согласился с решением российского суда, который не нашел нарушений ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД в действиях оперативных сотрудников, которые уведомили судью о проведении неотложных ОРМ в течение 24 часов, а затем до истечения 48 часов самостоятельно прекратили их проведение. Как отметил в своем постановлении ЕСПЧ, несмотря на то что судья был уведомлен об экстренном прослушивании телефонных переговоров, он не провел судебную проверку решения оперативного подразделения о проведении данного ОРМ на предмет его соответствия основаниям и условиям, закрепленным в законе⁷.

В свою очередь Конституционный Суд РФ определил, что проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, без предварительного судебного решения в случаях, которые не терпят отлагательства, на основании ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД, «предполагает, после обязательного уведомления об этом суда (судьи), разрешение вопроса об обоснованности ограничения прав граждан при их проведении» в порядке, предусмотренном статьей 9 Закона об ОРД⁸.

Таким образом, в действующей редакции части 3 ст. 8 Закона об ОРД уведомление суда в течение 24 часов имеет ключевое значение, так как в случае прекращения ОРМ в период до 48 часов с момента начала его проведения без обращения в суд за соответствующим решением в судебных органах сохранится информация о данном факте. Это позволит суду истребовать оперативно-служебные документы, отражающие сведения о проведении данного ОРМ, в случае, например, обжалования гражданами действий оперативных сотрудников. На наш взгляд, ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД нуждается в изменении, которое установит обязательное требование при проведении неотложных ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан,

в течение 48 часов обращаться в суд за решением о правомерности проведенного или проводимого мероприятия.

Часть 6 ст. 8 Закона об ОРД разрешает прослушивание переговоров, ведущихся с телефонов отдельных лиц, в случае возникновения угрозы их жизни, здоровью или собственности по заявлению этих лиц или с их письменного согласия на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. При этом законодатель установил обязательное уведомление суда (судьи) о проведении такого ОРМ в течение 48 часов. Принимая во внимание предыдущие выводы о наличии у оперативных подразделений объективной возможности уведомить суд в течение 24 часов, трудно объяснить такую «щедрость» законодателя, увеличившего срок уведомления в два раза. Остается только предполагать, что в данном случае угроза произвола со стороны оперативных сотрудников и жалоб граждан сведена к минимуму, так как само лицо письменно подтверждает свое разрешение (согласие) прослушивать его телефонные переговоры⁹, а соблюдение юридической процедуры проведения ОРМ вполне может быть проверено в рамках прокурорского надзора.

Вместе с тем возникает вопрос о временном периоде (сроке) прослушивания телефонных переговоров, осуществляемого в порядке ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД. По мнению В. Н. Омелина, в процессе получения письменного согласия лица на прослушивание его телефонных переговоров ему необходимо сообщить, что послужило для этого поводом и каков срок проведения данного ОРМ [10, с. 3–6]. Авторы многочисленных комментариев единодушны (слово в слово) и предлагают в заявлении или письменном согласии гражданина указывать, на какой срок он разрешает прослушивать свои телефонные переговоры [11; 12; 13]. Другие исследователи отмечают, что в случае реализации мер безопасности в отношении защищаемого лица срок прослушивания его телефонных переговоров должен соответствовать периоду применения таких мер [14, с. 38–41]. Принимая во внимание, что ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД вообще не предполагает получения судебного решения, в котором указывается срок прослушивания телефон-

⁶ Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2015 г. «Дело „Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации“». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 ноября 2017 г. «Дело „Константин Москалев (Konstantin Moskalev) против Российской Федерации“». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шаловой Надежды Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, статьей 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1421-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ В этом случае, как справедливо отмечают исследователи, «ограничение права на тайну... частной жизни основано на согласии, свободном волеизъявлении лица — суд всего лишь „уведомляется“» [9].

ных переговоров, полагаем, что с подобным подходом следует согласиться и отражать период проведения указанного ОРМ в постановлении руководителя органа, осуществляющего ОРД, на основании письменного заявления (согласия) гражданина.

Часть 7 ст. 8 Закона об ОРД допускает получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у без вести пропавшего лица, с иными абонентами, а также о местоположении данного абонентского устройства путем снятия информации с технических каналов связи на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, вынесенного в течение 24 часов с момента поступления сообщения о без вести пропавшем лице, но с последующим обязательным уведомлением суда также в течение 24 часов. Отсутствие в норме требования о получении судебного решения, на наш взгляд, объясняется отсутствием самого субъекта конституционных прав, которые ограничиваются в его же интересах, прежде всего в целях оперативно-го принятия мер по установлению его местонахождения, оказания помощи и обеспечения безопасности пропавшего лица¹⁰. В то же время из формулировки неясно, с какого момента исчисляется срок уведомления суда: с момента поступления сообщения об исчезновении лица или с момента вынесения постановления руководителем оперативно-розыскного органа. Логично предположить, что 24-часовой срок, предназначенный для уведомления суда, в данном случае следует отсчитывать с момента принятия решения руководителем органа, осуществляющего ОРД, о получении соответствующей информации об активности абонентского устройства и его местоположении.

В отношении отдельной категории граждан (несовершеннолетних и лиц, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными) получение указанных сведений ч. 7 ст. 8 Закона об ОРД разрешает только при наличии письменного согласия законного представителя такого без вести пропавшего лица. Эта норма процессуального регулирования определяет порядок истребования информации о геолокации и обеспечивает надлежащую правовую защиту законных прав и интересов граждан, а также повышает уровень ответственности правоохранительных органов за оперативность реагирования на сообщения по факту

исчезновения детей¹¹. Именно поэтому начать проведение необходимых ОРМ представляется возможным только на основании постановления руководителя оперативно-розыскного органа, но с последующим получением соответствующего судебного решения в течение 48 часов. В данном случае оговорка законодателя «получить судебное решение ... или прекратить его проведение», на наш взгляд, имеет вполне определенный смысл, так как в случае обнаружения пропавшего без вести лица до истечения 48 часов обращение в суд за разрешением дальнейшего проведения указанных ОРМ теряет свою актуальность.

В некоторых случаях законодатель вообще не предоставляет правоприменителю в сфере ОРД комфортного временного периода для принятия решения и сокращает его до минимума. Так, ч. 2 ст. 9 Закона об ОРД обязывает судей рассматривать оперативные материалы об ограничении конституционных прав граждан на предмет разрешения проведения соответствующих ОРМ незамедлительно. Очевидно, что это означает необходимость принять судебное решение без задержек и промедления. Безотлагательность принятия решения усиливается последующим законодательным предписанием, запрещающим судье отказывать в рассмотрении таких материалов в случае их представления.

Однако последующая юридическая процедура получения судебного решения, предусмотренная Законом об ОРД, создает определенные предпосылки для дискуссии. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 9 Закона об ОРД основанием для решения судьей вопроса о проведении ОРМ является постановление уполномоченного руководителя оперативно-розыскного органа. При этом по требованию судьи ему могут представляться иные материалы, подтверждающие наличие оснований для ограничения прав и свобод граждан и необходимости проведения того или иного ОРМ (ч. 4 ст. 9 Закона об ОРД). В результате такого рассмотрения судья разрешает проведение ОРМ, ограничивающее конституционные права граждан, или отказывает в его проведении, о чем выносит соответствующее постановление (ч. 5 ст. 9 Закона об ОРД). Если буквально толковать эти нормативные предписания, то в случае, когда судье недостаточ-

¹⁰ Как отмечают эксперты, использование сведений о месте нахождения абонента в сети подвижной радиотелефонной связи является эффективным способом реализации поисковых мероприятий. См.: *Заключение* Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству от 22 июня 2021 г. № 3.1-05/2358 по Федеральному закону «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“».

¹¹ *Заключение* Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по обороне и безопасности от 25 июля 2019 г. № 3.3-03/1617 по Федеральному закону «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“».

но сведений, содержащихся в постановлении руководителя оперативно-розыскного органа, и он требует представить ему дополнительные оперативные материалы, судья обязан самостоятельно и незамедлительно напечатать постановление об отказе в проведении ОРМ. Затем по истечении определенного времени, когда должностные лица оперативного подразделения представят требуемые материалы, он должен вновь незамедлительно принять решение (положительное или отрицательное) и вынести соответствующее постановление.

Безусловно, такой формальный подход значительно усложнил бы процесс принятия судебного решения о проведении ОРМ, поэтому оперативно-розыскная практика выработала иной алгоритм. Как правило, оперативный сотрудник прибывает в суд с постановлением руководителя оперативно-розыскного органа, содержащего ходатайство о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, и с уже готовым проектом постановления судьи о разрешении его проведения. В большинстве случаев судьи удовлетворяются сведениями, содержащимися в постановлении руководителя оперативно-розыскного органа, и подписывают заранее подготовленный оперативным сотрудником проект судебного решения. В том случае, если судья не смог сразу принять решение и запросил дополнительные материалы, оперативный сотрудник вынужден убыть из суда ни с чем и потратить определенное время на изготовление справки, содержащей более детальную информацию о причастности лица к преступной деятельности и обоснованности ограничения его конституционных прав и свобод. В данной ситуации очевидно, что законодательное требование незамедлительно рассмотреть материалы и принять по ним решение не соблюдается, но так как факт первого обращения оперативного подразделения в суд не фиксируется, то и формальные следы нарушения отсутствуют. Со своей стороны должностные лица оперативных подразделений к таким нарушениям относятся терпимо во избежание конфликтов с судебными органами.

Особое значение время приобретает при определении периода, в течение которого действует разрешение суда на проведение соответствующих ОРМ, так как только в этот период могут легально осуществляться действия, непосредственно ограничивающие конституционные права граждан. Как справедливо отмечается в юридической литературе, четкие временные границы проведения таких ОРМ нужны для того, чтобы ОРД не превратилась в тотальный контроль государства за своими

гражданами [15]. В связи с этим законодатель в ч. 6 ст. 9 Закона об ОРД определил, что срок действия судебного постановления ограничен шестью месяцами, если иное не указано в самом постановлении. При этом в Законе оговорены весьма значимые условия: исчисляется срок в сутках и со дня его вынесения, течение срока не прерывается, и при необходимости его продления судья выносит новое постановление на основании вновь представленных материалов. На этой группе нормативных предписаний следует остановиться подробнее.

Во-первых, правоприменителю крайне важно понимать начало и окончание временного периода, в течение которого его действия будут легальными. Подчеркнем, что результаты разрешенного судьей ОРМ, датированные днем раньше вынесенного постановления или днем позже указанного в нем срока, признаются полученными незаконно и становятся недопустимыми доказательствами.

Во-вторых, срок действия судебного постановления, ограниченный шестью месяцами, которые должны исчисляться в сутках¹², может и не соответствовать этому требованию, если иное указано в самом постановлении судьи. Данная норма вызывает определенное недоумение в юридическом сообществе. Одни ученые в многочисленных комментариях к Закону об ОРД категорично утверждают, что указанный срок не может превышать шести месяцев, но может быть меньше по решению судьи [6, с. 139; 16]. Другие резонно отмечают, что законодательная формулировка «не может превышать шести месяцев, если иное не указано в постановлении» фактически снимает какое-либо ограничение и предоставляет возможность увеличения срока действия постановления исходя из обстоятельств конкретного дела [17, с. 122–130]. Действительно, буквальное толкование этой нормы позволяет утверждать, что период проведения мероприятия, требующего судебного санкционирования, может составлять и более шести месяцев, если это указано в самом постановлении судьи [18, с. 37].

В-третьих, определение срока действия судебного постановления о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права человека, рассчитано прежде всего на длящиеся мероприятия, например, такие как прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений или снятие информации с технических каналов связи. Но возникает вопрос о сроке действия судебного постановления на проведение оперативного эксперимента и проверочной закупки, осуществляемых в жилище,

¹² Именно поэтому в соответствующих постановлениях судьи и руководители органов, осуществляющих ОРД, в качестве срока действия разрешения на проведение ОРМ указывают 180 суток, а не шесть месяцев.

или обследования жилого помещения. Указанные ОРМ, независимо от гласной или негласной формы их проведения, нуждаются в соответствующей организационно-тактической подготовке и выборе оптимального времени их проведения, поэтому логично, если срок действия судебного постановления не будет ограничен одними сутками, а будет определен как один месяц и более. Однако велика вероятность, что, используя такое судебное решение, оперативные подразделения могут неоднократно провести одно и то же ОРМ (например, негласное обследование жилища) до получения необходимого результата, при этом не нарушая ч. 6 ст. 9 Закона об ОРД, в рамках срока, определенного в постановлении судьи. С формальной точки зрения все будет соответствовать законодательным требованиям, а вот с точки зрения духа закона, на наш взгляд, такое положение дел не выдерживает никакой критики. Полагаем, что проведение неограниченного количества повторений разрешенного судьей ОРМ в течение срока действия судебного постановления недопустимо, и в Законе об ОРД должен быть установлен соответствующий запрет, а в ведомственных нормативных актах определена процедура однократного проведения такого ОРМ.

И в заключение необходимо остановиться на сроках, предусмотренных процедурой оперативно-розыскного изъятия документов (п. 1 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД). Законодатель фактически предписывает должностным лицам оперативных подразделений в случае изъятия документов изготовить и заверить их копии, а затем передать лицу, у которого они были изъяты, до истечения пятидневного срока после изъятия. Если выполнить это требование не представилось возможным, оперативные сотрудники должны направить эти копии указанному лицу в течение трех дней заказным почтовым отправлением.

Как справедливо отмечают некоторые исследователи, данные нормы содержат гарантии лицам, у которых в ходе оперативно-розыскного мероприятия были изъяты документы [13]. Действительно, изъятие документов ограничивает возможности лица производить те или иные правовые действия: распоряжаться собственностью, подтверждать факт законного владения собственностью, совершать сделки имущественного характера и т. п. Именно поэтому обязательное предоставление копий, заверенных должностным лицом, осуществившим изъятие, гарантирует лицу не только возможность подтвердить факт существования таких документов, но и указать место их нахождения в настоящее время. Кроме того, наличие заверенных копий наряду с протоколом обеспечивает право лица требовать вернуть ему документы

в том количестве и качестве, в каком они были на момент изъятия.

Такие обстоятельства объективно определяют кратчайшие сроки исполнения указанных законодательных требований. Поэтому оперативные сотрудники обязаны произвести копирование изымаемых документов, заверить их и передать лицу непосредственно в процессе производимого изъятия. Однако если копировать документы и передать их копии владельцу в момент изъятия не представляется возможным, они должны быть переданы ему в течение пяти дней после изъятия. В связи с этим интересную мысль высказал А. П. Рыжаков: «Невозможность изготовления копии документа или передачи таковой одновременно с изъятием самого документа должна быть подтверждена документально (рапортом, справкой и т. п.), иначе передача копий документов лицу, у которого они были изъяты, в другой день должна быть признана нарушением законности, которое ставит под сомнение юридическую силу всего протокола» [19]. Подобный вывод представляется излишне радикальным, тем более что последующий установленный законодателем срок в пять дней вообще не предполагает каких-либо условий его соблюдения. Законодатель констатирует, если по истечении пяти дней копии не были переданы, то они должны быть отправлены почтой. Более того, последующие действия оперативного сотрудника заключаются в почтовом отправлении копий в течение трех дней, т. е. он должен их отправить по почте до истечения трехдневного срока, исчисляемого с даты окончания предыдущих пяти дней. Таким образом, фактически у оперативного сотрудника есть в распоряжении восемь суток, в течение которых лицо по различным причинам может не получить соответствующих копий. Такой вариант развития событий представляется нам противоречащим законодательной цели обеспечения правовых гарантий для лица, подвергнутого государственному принуждению в виде оперативно-розыскного изъятия документов.

Подводя итог изучению норм Закона об ОРД через призму временных периодов выполнения отдельных оперативно-розыскных действий, следует сделать вывод, что действующее оперативно-розыскное законодательство нуждается в соответствующей корректировке. Приведенные в данной публикации аргументы и умозаключения позволяют сформулировать изменения и дополнения в оперативно-розыскной закон, которые смогут повысить эффективность ОРД, устранить неоднозначное толкование законодательных норм и обеспечить эффективную защиту граждан, чьи права и свободы были ограничены.

Список литературы

1. *Философский словарь* / под ред. М. М. Розенталя. Изд. 3-е. М., 1975.
2. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1989.
3. *Краткий словарь по социологии* / под ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. М., 1988.
4. *Тенилова Т. Л. Время в праве*. Н. Новгород, 2001.
5. *Тенилова Т. Л. Пространство и время в жизни общества: соотношение категорий* // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2.
6. *Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»* : науч.-практ. ком. Хабаровск, 2013.
7. *Баженов С. В. Некоторые вопросы судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий* // Оперативник (сыщик). 2010. № 2.
8. *Чечётин А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности* : монография. Барнаул, 2006.
9. *Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Об ограничении конституционного права на тайну личной (частной) жизни* // Общество и право. 2008. № 2.
10. *Омелин В. Н. Проведение оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» по заявлению отдельных лиц* // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 1.
11. *Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечётин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный*. М., 2009.
12. *Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный* / под ред. А. И. Алексева, В. С. Овчинского. М., 2011.
13. *Киселев А. П., Васильев О. А., Белянинова Ю. В. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*
14. *Воробей Д. А., Зарубин А. А. Обеспечение безопасности защищаемых лиц оперативно-розыскными мерами* // Российский следователь. 2014. № 11.
15. *Астафьев Ю. В. Совершенствование форм и методов оперативно-розыскной деятельности в правовом государстве* // Право и политика. 2005. № 11.
16. *Дубягин Ю. П., Дубягина О. П., Михайлычев Е. А. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный*. М., 2005.
17. *Маслов В. В. Порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав и свобод граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий* // Российский юридический журнал. 2011. № 2.
18. *Железняк Н. С. Использование положений оперативно-розыскного законодательства в обеспечении функций защиты* // Проблемы осуществления функции защиты : мат-лы науч.-практ. конф. (1 июля 2005 г.). Красноярск, 2005.
19. *Рыжаков А. П. Изъятие документов в ходе гласного оперативно-розыскного мероприятия: комментарий к ст. 15 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*



Правообразование и правотворчество в теоретико-правовой науке

Ю. В. Анохин, Барнаульский юридический институт МВД России
✉ anohinuv@buimvd.ru

Рассматриваются актуальные вопросы правообразования в отечественной юридической науке. Демонстрируются различные трактовки понятий «правообразование» и «правотворчество» в правовой науке. Выявляются особенности влияния на правотворчество и правообразование различных факторов в контексте научных концепций исследования правообразовательного процесса. Определяются приоритетные варианты теории правотворчества в российской юриспруденции.

Ключевые слова: право; формирование права; правообразование; правотворчество; юридическая наука; теория права; правовое сознание; правовые потребности.

The Formation of Law and Lawmaking in Theoretical Legal Science

Yu. V. Anokhin, the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal
✉ anohinuv@buimvd.ru

Current issues of law formation in domestic legal science are considered. Various interpretations of the concepts of "law formation" and "lawmaking" in legal science are demonstrated. The features of the influence of various factors on lawmaking and law formation in the context of scientific concepts of studying the law formation process are revealed. Priority options for the theory of lawmaking in Russian jurisprudence are determined.

Keywords: law; formation of law; lawmaking; legal science; theory of law; legal consciousness; legal needs.

Рассматривая вопросы правообразования и правотворчества, можно с уверенностью констатировать, что в юридической науке, особенно в последние десятилетия, эта тема нашла свое отражение. Но нашла ли эта научная проблема свое полномасштабное решение? Как верно заметила Н. П. Колдаева, «по существу, наука еще только приближается к ней: не определены ее границы, и даже очертания самого объекта исследования представляются нечеткими» [1, с. 30].

В юридической литературе применительно к рассматриваемому аспекту авторы часто используют такие категории, как «законотворчество», «нормотворчество» и «правотворчество».

Считая эти понятия нетождественными, Н. П. Алешкова и В. А. Томин объясняют свою позицию тем, что «законотворчество — это деятельность по принятию правовых актов в виде законов, нормотворчество — по изданию нормативных правовых актов, а правотворчество — по изданию правовых актов вообще» [2, с. 14; 3].

С нашей точки зрения, предлагаемое разграничение этих понятий основано исключительно на

теоретических умозаключениях и не имеет практического воплощения. Полагаем, что термины «законотворчество», «нормотворчество» и «правотворчество» тождественны. В противном случае нам следует вводить в научный оборот и проводить разграничение в понятиях «правоотношение», «нормотношение» и «законоотношение». Вряд ли это будет способствовать качеству принимаемых нормативных правовых актов и эффективности регулирования отношений в обществе.

Большинство правоведов разграничивают понятия «правообразование» и «правотворчество» и оперируют ими. В частности, А. С. Пиголкин подчеркивает необходимость «различать правотворчество в собственном смысле слова и более широкое и многоаспектное понятие — формирование права, правообразование» [4, с. 309].

Правотворчество — это составная часть более широкого процесса, правообразования. При этом правообразование (формирование права) представляет собой поиск потребности, необходимости правового урегулирования определенных обще-

ственных отношений или изменения такого регулирования. Формирование права протекает на различных уровнях, в зависимости от субъектов права, которыми выявляется необходимость урегулирования определенных общественных отношений, придания им статуса правовых. В результате процесса правообразования в действующую правовую систему вводятся новые либо изменяются и отменяются существующие нормы права. Формирование права включает в себя анализ социально-экономического положения, оценку действительности учеными-теоретиками, специалистами-практиками, разработку научных концепций, правовых доктрин о будущем правовом регулировании, учет общественного мнения. В последние годы интерес к проблеме правообразования и правотворчества в науке возрос и данная категория исследуется с различных точек зрения. До сих пор актуальна позиция, согласно которой «правообразование — это процесс формирования государственной воли в законе» [5, с. 202].

На процесс правообразования воздействуют многие факторы, в том числе «естественные и социальные, объективные и субъективные, постоянные и временные, устойчивые и неустойчивые, важные и неважные, благоприятные и неблагоприятные. В обществе наиболее ощутимыми факторами, предопределяющими образование правовых новаций, являются закономерности природы, географические условия, в которых находится население, а также условия экономические, технические, демографические, нравственные, религиозные, культурные, политические, юридические» [6, с. 19].

Вместе с тем следует иметь в виду, что основным правообразующим фактором является государство, так как именно государственная воля придает определенным нормам правовое значение. Обозначенная нами позиция находит отражение в работах многих авторов. Так, С. В. Масалыгина пишет о том, что «российская правовая доктрина вот уже в течение многих лет отдает приоритет целям и интересам государства, а уже опосредованно речь идет о целях, ориентациях, потребностях индивидов, составляющих социум. По отношению к личности интересы государства выступают в качестве определенной системы требований, направляющих, ограничивающих и регулирующих ее социальное поведение. В процессе реализации большинства юридических форм осуществления государственной власти движущими силами являются главным образом не личные интересы, а потребности государства, в той или иной мере предлагаемые индивидам для усвоения» [7].

Но существует иная точка зрения: «Если право — особый социальный регулятор, обладающий собственным специфическим содержанием, то и проблема его образования не может быть сведена

к государственному нормотворчеству. Ведь не санкционирование превращает нечто неправовое в право (как утверждают позитивисты), а только то, что изначально является правовым, может и должно обеспечиваться государством» [8, с. 97]. По мнению М. В. Долгополовой, «если рассматривать сферу правообразования, то... можно утверждать, что нормы права формируются в обществе спонтанно, без вмешательства какой-либо внешней силы (в том числе государства). При этом как назвать процесс упорядочения общественных отношений на основе спонтанно формирующихся в обществе норм права? Разве это не правовое регулирование?!» [9]. С. В. Поленина отмечает, что какие бы субъекты ни участвовали в образовании правотворческой политики, она всегда остается политикой государственной, так как в организационном аспекте действие политико-правового фактора законодательной деятельности выражается в функционировании различных элементов правовой системы, но в первую очередь системы органов государственной власти [10, с. 4].

Действительно, процесс формирования права как осознанное начало подвержен влиянию большого числа факторов. Профессор А. С. Пиголкин, рассматривая вопросы правообразования, также выделяет ряд факторов, определяющих формирование права. В частности, он говорит об экономических, политических, национальных, внешнеполитических, идеологических, организационно-волевых и социальных факторах [4, с. 309–310].

На процесс формирования права оказывают влияние многие факторы (экономические, политические, национальные, культурные, социальные и др.). Они подразделяются на две группы — объективные и субъективные факторы, связующим звеном между ними выступают интересы. Именно с их осознания начинается субъективный этап процесса формирования права [11, с. 37]. Как справедливо отмечается в юридической литературе, процесс формирования правовых норм не следует сводить только к воле законодателя. Правовая норма привносится в волевые рамки субъектов правотворчества извне, под влиянием разнообразных факторов (природных и социальных, объективных и субъективных, позитивных и негативных и пр.), которыми, еще до того, как начинается правотворческий процесс, запускается механизм формирования моделей, стандартов правового свойства, тех образцов правомерного и неправомерного, справедливого и несправедливого, становящихся впоследствии содержательной частью законодательных формулировок [12, с. 90].

Следовательно, одной из основополагающих задач правообразования является не только закрепление в государственно установленных предписаниях правил поведения субъектов правоотношений, но

и обеспечение правовыми способами необходимых условий для реального действия норм права. Таким образом, правообразование представляет собой процесс упорядочения общественных отношений посредством формирования правовых предписаний по воле государства, т. е. создание сферы правового регулирования.

Важно подчеркнуть, что правообразование происходит на основе тесного взаимодействия правовой идеологии, которой принадлежит главная роль, и правовой психологии. Правообразование — это созидательная деятельность, основанная на познаниях окружающей действительности, научно-аналитическом синтезе взглядов, учений, концепций применительно к определенной сфере регулирования общественных отношений. Если процесс правообразования не формален, а основан на глубинном познании проблемы, требующей правового регулирования, с учетом общественного мнения и реального положения вещей в обществе, будет достигнута эффективность правового регулирования общественных отношений.

Начальная ступень правообразования — возникновение объективно обусловленной экономической, социально-политической или иной общественной потребности в юридическом регулировании (или изменении регулирования) соответствующих отношений [13, с. 307–308].

Подчеркивая социальные аспекты правообразования, А. А. Соколова формулирует данное понятие как «сложный, относительно долговременный процесс социального становления, юридического оформления и последующей социализации правовых норм в конкретных жизненных условиях» [14, с. 79].

По мнению Д. В. Казакова, «право есть не просто нормативное установление, приказ, “воля” и т. д., а то, что реально определяет поведение субъектов, их права и обязанности. Социология играет роль одного из главных элементов в процессе разработки юридического правила, его эволюции, оценки, толкования. Юридическая социология может послужить вспомогательным средством для законодателя, когда последний готовит почву для принятия закона путем соответствующей обработки общественного мнения, либо подготавливая общественное мнение к реформе, либо обеспечивая лучшее освещение проводимой реформы. Можно сказать, что это есть изучение воздействия права на поведение людей как опосредованного воздействия на интересы и нужды населения, сочетающегося с целями правового регулирования. Здесь, на наш взгляд, просматривается связь между социологическим и аксиологическим подходами. Особенностью социологического подхода в данном случае является раскрытие социальных

потребностей, порождающих данные отношения, особенностью аксиологического — выделение в многообразии социальных связей собственно правовых отношений» [15].

А. В. Поляков выделяет три момента при определении правовых возможностей государства: 1) творческий момент — «государственная власть может инициировать возникновение права...»; 2) консервативный момент — государство признает уже «сложившиеся общественные отношения, органичные для данного общества, в качестве отношений правовых и придает отражающим их нормам статус норм официального права»; 3) «поскольку определенные общественные отношения зачастую уже имеют правовую форму независимо от государства, то последнее может санкционировать существующие правовые нормы, также придав им статус норм официального права» [16, с. 357–359]. А. В. Демин также отмечает, что «по своей сути право имеет социальное, а не государственное происхождение. Поэтому правотворчество не является исключительной привилегией государства» [17, с. 16].

Таким образом, правообразование — это относительно длительный по времени процесс формирования и оформления юридических норм. Он начинается с анализа социальной ситуации, осознания необходимости ее правового регулирования, общего представления о юридическом предписании, которое следует издать, и заканчивается разработкой и принятием нормативного правового акта. Последний этап правообразования и есть правотворчество. Лишь в результате правотворчества накапливающиеся до того предпосылки, потребности, все то, что можно отнести только к возможности и необходимости преобразований в действующей юридической системе, становятся действительностью, юридической реальностью, воплощаются в правовых нововведениях [11, с. 309].

Проблема правотворчества весьма значима в юридической науке, так как без правотворчества немислимо «одно из величайших свершений человечества на пути прогресса — право» [18, с. 304].

В юридической науке уже давно правотворчество понимается в двух смыслах — широком и узком. В широком понимании правотворчество является системообразующим фактором в механизме правовой регуляции жизни общества. Это динамически развивающаяся система непосредственного правового воздействия на общественные отношения в целях гармонизации интересов субъектов права, групп населения, государства и общества [3, с. 7].

В широком смысле это «комплекс мероприятий по возведению воли в закон»; в узком смысле — «совокупность организационных действий государственных органов по рассмотрению и утверждению

законопроекта. Именно здесь происходит качественный скачок в правообразовании, приводящий к появлению правового акта как такового» [19, с. 17].

В приведенных позициях авторы несколько уклончиво раскрывают содержание узкого и широкого подходов к пониманию правотворчества.

Более конкретно их содержательную основу описывают авторы учебного пособия Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Н. Н. Черногор и М. В. Залоило: «В узком смысле под правотворчеством принято понимать деятельность компетентных органов власти (государственных, муниципальных и др.), организаций, граждан по разработке и принятию, изменению, отмене нормативных правовых актов. Широкое понимание правотворчества включает в себя также процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства и создание в соответствии с выявленными потребностями новых нормативных правовых актов, изменение и отмену действующих. По существу, представители широкого подхода к правотворчеству отождествляют его с правообразованием — естественно-историческим процессом формирования права, включающим в себя не только собственно правотворческий, но и весь предшествующий ему подготовительный процесс формирования права. В свою очередь, согласно узкому пониманию правотворчества правотворчество и правообразование соотносятся как часть и целое» [20, с. 23].

По мнению К. Н. Дмитриевцева, в правотворчестве необходимо выделять две взаимосвязанные стороны: социальную и юридическую. «В чисто юридическом аспекте правотворчество представляет собой особый вид юридической деятельности специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц. В социальном разрезе правотворчество представляет собой деятельность по принятию особого рода правовых решений, которые должны быть результатом согласования интересов различных социальных групп и слоев, являться итогом равноправной конкуренции правовых взглядов и мнений» [21, с. 160].

Следует согласиться с тем, что правотворчество — это основное направление социальной деятельности, создающее условия для существования и воспроизводства самого общества [22, с. 416]. Также не вызывает сомнения наличие связи правотворчества и правового сознания. В ходе правотворчества законодатель неизбежно стремится воплотить господствующие в обществе правовые идеи в законах [23]. Важно подчеркнуть, что «в правотворческом процессе ведущую роль играет правовая идеология как научный структурный элемент правосознания» [24, с. 167].

Существенное, а в ряде случаев и ключевое значение отводится субъектам правотворчества, так как они должны правильно и своевременно в комплексе всех правообразующих факторов осмыслить и выявить правовые потребности современного периода и в перспективе с учетом существующих отрицательных и положительных тенденций.

С нашей точки зрения, главное звено в правотворчестве — принятие законодательным органом проекта нормативного правового акта, в результате которого он становится законом — документом, имеющим высшую юридическую силу. Особый характер имеет правотворчество при проведении всенародного референдума, так как здесь закон принимается непосредственно народом.

Правотворчество представляет собой важнейшее средство управления обществом и непосредственно связано с типом государства, его формой, механизмом и функциями. Посредством правотворчества нормы естественного права облекаются в форму нормативных правовых актов и становятся положительным правом, т. е. правом, существующим в виде законодательства. Процедура возведения норм и принципов естественного права, социальных потребностей и интересов граждан в закон составляет содержание правотворчества.

Одна из важных причин, воздействующих на качество правотворчества, связана с серьезными проблемами организационного свойства. Речь идет о несогласованности в законопроектной деятельности. Законопроекты готовит большое количество ведомств, далеко не всегда в полной мере подготовленных к этой деятельности. Их проекты, часто друг с другом не согласованные, подчас одновременно вносятся в законодательные органы. В результате не обеспечиваются ни их доктринальная выдержанность, ни концептуальное единство [25, с. 3]. Необходимо, чтобы в государственных законопроектных работах присутствовала единая линия.

В данном случае целесообразно говорить о планировании правотворческой деятельности. Ю. Г. Арзамасов называет девять последовательных этапов подготовки проектов нормативных правовых актов: 1) сбор, изучение, анализ материалов и сведений, относящихся к регулируемым общественным отношениям; 2) разработка концепции нормативного акта (определение цели издания акта, обоснование основных его положений, оценка возможностей альтернативного урегулирования, ожидаемый результат принятия акта); 3) составление плана-проспекта нормативного акта и плана-графика его подготовки; 4) разработка вариантов проекта; 5) доработка проекта с учетом поступивших замечаний и предложений; 6) комплексная оценка проекта и подготовка окончательного варианта; 7) визирование и согласо-

вание проекта нормативного акта; 8) представление проекта на подпись; 9) государственная регистрация ведомственного нормативного акта» [26, с. 35–42].

Важным назначением правотворчества является создание эффективной системы правового регулирования общественных отношений. Следует обратить внимание на два уровня эффективности правотворчества. Первый включает юридическую эффективность, которая характеризуется соответствием поведения адресатов правовых норм с требуемым поведением, указанным в норме, выработанной законодателем. Второй определяет социальную эффективность. Ее смысл состоит в том, что эталоном оценки права является не само правомерное поведение ее адресатов, а более отдаленная социальная цель, находящаяся вне непосредственной сферы правового регулирования.

В связи с тем, что социальная эффективность предполагает выбор оптимальных средств, необходимо также поиск дополнительных критериев самой юридической специфики правового регулирования. Если благодаря действиям правовых предписаний социальная цель достигается, их следует считать эффективными. Неэффективны с социальной точки зрения

те нормативные правовые акты, действия которых относительно заданной цели бесперспективны.

Поддерживаем позицию С. Г. Дробязко, который считал, что «главным в научно-юридическом подходе к правотворчеству является осуществление совершенствования законодательства в духе правильного понимания и практического воплощения принципов права и его генетических и функциональных закономерностей, особенно основного объективного правового закона — стимулирования социально полезной активности субъектов права, кроме того, очень важно в правотворчестве соблюдение его принципов» [6, с. 24].

Таким образом, и правообразование, и правотворчество в конечном итоге ориентированы на достижение эффективной системы правового регулирования общественных отношений. Только всестороннее исследование потребностей в правовом регулировании, профессионализм разработчиков текстов нормативных правовых актов, апробирование их результативности в рамках социально-правового эксперимента способны обеспечить качество закона, который отвечает потребностям человека и становится его ориентиром.

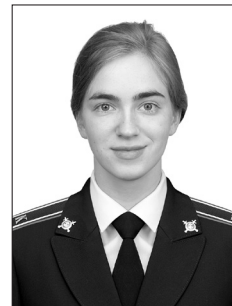
Список литературы

1. *Проблемы* правовой ответственности государства, его органов и служащих : круглый стол журнала «Государство и право» // Государство и право. 2000. № 3.
2. *Алешкова Н. П.* Современное понятие муниципального правотворчества // Административное и муниципальное право. 2009. № 5.
3. *Томин В. А.* Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации : учеб. пособие. СПб., 2017.
4. *Проблемы* общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д-ра юрид. наук., проф. В. С. Нерсесянца. М., 2002.
5. *Общая теория права* : учебник для юридических вузов / под общ. ред. А. С. Пиголкина. М., 1995.
6. *Дробязко С. Г.* Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Право и демократия : сб. науч. тр. Минск, 2003. Вып. 14.
7. *Масальтина С. В.* Совершенствование юридических форм государственной деятельности в процессе политико-правовой модернизации // История государства и права. 2009. № 3.
8. *Правотворчество и законность* / отв. ред. Н. С. Соколова. М., 1999.
9. *Долгополова М. В.* О предмете правового регулирования // История государства и права. 2009. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. *Поленина С. В.* Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996.
11. *Степанян В. В.* Теоретические проблемы правообразования в социалистическом обществе. Ереван, 1986.
12. *Правовая культура. Правовая политика. Права человека: XXI век* / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова, А. С. Мордовца. Саратов, 2020.
13. *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1.
14. *Соколова А. А.* Социальные аспекты понятия «правообразование» // Государство и право. 2004. № 7.
15. *Казаков Д. В.* Методологические проблемы исследования законотворчества // История государства и права. 2009. № 6.
16. *Поляков А. В.* Общая теория права : курс лекций. СПб., 2001.
17. *Демин А. В.* Нормативный договор как источник административного права // Государство и право. 1998. № 2.

18. *Алексеев С. С.* Линия права. Институт частного права. М., 2006.
19. *Антонова Л. И.* Некоторые вопросы теории правотворчества // Правоведение. 1963. № 3.
20. *Черногор Н. Н., Залоило М. В.* Актуальные проблемы правотворчества : учеб. пособие. М., 2018.
21. *Дмитриевцев К. Н.* Процесс правотворчества в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1994.
22. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права : учебник для юрид. вузов. М., 2000.
23. *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права : учебник для вузов. М., 2001.
24. *Лукашева Е. А.* Социалистическое правосознание и законность. М., 1973.
25. *Иванов А. А.* Качество законов и деятельность арбитражных судов // Журнал российского права. 2005. № 4.
26. *Арзамасов Ю. Г.* Нормотворческая деятельность МВД России в механизме реализации прав человека и гражданина. М., 2000.

УДК 340.114.5 © Е. С. Зайцева, В. Д. Терских, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-184-39-43

Мораль как основа современного российского законодательства



Е. С. Зайцева, Санкт-Петербургский университет МВД России

✉ zay_tseva@mail.ru

В. Д. Терских, Омская академия МВД России

✉ vera.terskikh@bk.ru

Мораль и право — два самостоятельных, но тесно взаимосвязанных социальных регулятора. Опора законодателя на сложившиеся моральные ценности способствует повышению эффективности правового регулирования. В то же время отсутствие универсального определения добра и зла вызывает определенные сложности в процессе как законотворческой, так и правоприменительной деятельности. Несмотря на возникающие разногласия, связанные с различными представлениями о морали у субъектов законотворчества, в большинстве случаев они находят необходимый баланс, закладывая моральные ценности, понятия и категории в основу современного российского законодательства. В свою очередь абстрактность и, как следствие, субъективное восприятие принципов и понятий, основанных на морали, приводят к неоднозначному и даже противоположному их толкованию и применению, вследствие чего большое значение имеет личность интерпретатора и правоприменителя, уровень его правового и нравственного сознания.

Ключевые слова: мораль; право; российское законодательство; принципы права; добросовестность; злоупотребление.

Morality as the Basis of Modern Russian Legislation

E. S. Zaitseva, St Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ zay_tseva@mail.ru

V. D. Terskikh, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ vera.terskikh@bk.ru

Morality and law are two independent but closely interrelated social regulators. The reliance of the legislator on the established moral values contributes to the increased effectiveness of legal regulation. At the same time, the lack of a universal definition of good and evil causes certain difficulties both in the lawmaking process and law enforcement activities. Despite the disagreements that arise in connection with different ideas about morality among the subjects of lawmaking, in most cases they find necessary balance and introduce moral values, concepts and categories into the basis of modern Russian legislation. In its turn, the abstractness and, consequently, the subjective perception of principles and concepts based on morality, lead to their ambiguous and even opposite interpretation and application, and, therefore, the personality of the interpreter and law enforcer, his level of legal and moral consciousness is of great importance.

Keywords: morality; law; Russian legislation; principles of law; conscientiousness; abuse.

Система нормативного регулирования общественных отношений многообразна и сложна, включает значительное количество правил, которыми люди руководствуются в процессе своей жизнедеятельности. Особое место среди них занимают право и мораль. Чтобы право было действенным и воспринималось обществом, оно должно отвечать интересам и потребностям людей, а также не противоречить сложившимся моральным ценностям, поскольку

«выполнение правовых норм в значительной мере обуславливается тем, в какой мере они соответствуют требованиям морали» [1, с. 3]. Однако сбалансировать мораль и право нелегко, более того, моральные ценности не являются универсальными и находятся под влиянием различных факторов: периода исторического развития, особенностей менталитета, религии и т. п. Разница в представлениях о моральных ценностях характерна не только для индивидов,

представляющих различные слои общества, но и для субъектов правотворчества, выступающих в качестве «проводников» этих ценностей в нормативные правовые акты.

Это можно заметить, проанализировав дискуссионные законопроекты, имеющие моральный подтекст. Например, законопроекты, предлагающие различные варианты регулирования «бэби-боксов», которые на протяжении последнего десятилетия три раза вносились в Государственную Думу РФ. В указанных законопроектах нашли отражение два полярных подхода, из которых каждый апеллировал к моральным ценностям. В рамках первого подхода предлагалось законодательное закрепление существования «бэби-боксов»¹. Главная цель этих законопроектов — сократить младенческую смертность на территории Российской Федерации, обеспечить детям право на жизнь, которое у них отнимают родители, оставляя своих новорожденных детей в опасных для их жизни и здоровья местах. «Бэби-боксы» рассматриваются как эффективное средство достижения этой цели. Основной моральный аргумент их авторов — сохранение жизни ребенка, пусть даже путем законодательного допущения и поддержки государством аморального поведения матери, которая подобным образом отказывается от своего ребенка. Второй подход к проблеме «бэби-боксов» нашел отражение в законопроекте 2017 г.², главной идеей которого был запрет на существование «бэби-боксов» и введение административной ответственности за создание таких мест. Основной целью этого законопроекта являются спасение жизни ребенка и защита его прав, но моральное обоснование выглядит уже по-иному. По мнению авторов законопроекта, государство не должно создавать удобные условия для оставления детей, это аморально.

Следует отметить, что моральные аргументы обеих сторон выглядят вполне убедительно, и утверждать, что должно быть в приоритете, весьма сложно [2, с. 328]. Это обусловлено тем, что нет и не может быть универсального определения зла или добра, любое социальное явление можно объяснить с противоположных позиций, а значит, и применить разные варианты его юридической квалификации, если этому социальному явлению приписывается правовое значение [3, с. 13]. Неслучайно проблема «бэби-боксов» так и не получила своего разрешения, и государство законодательно не подержало ни одну из обозначенных позиций.

Тем не менее в большинстве случаев законодатель находит необходимый баланс, закладывая моральные ценности, понятия и категории в основу современного российского законодательства. В целом практически каждая правовая норма несет в себе моральную составляющую, формируя правильное поведение (хорошее) и запрещая неправильное (плохое) поведение, тем самым отражая нравственные ценности общества [4, с. 39].

Анализ современного российского законодательства позволяет выделить следующие формы закрепления и отражения моральных ценностей. Прежде всего, нужно отметить, что моральные ценности устанавливаются посредством общесоциальных принципов права, которые могут как закрепляться на уровне нормы-принципа, так и растворяться в содержании различных статей нормативного правового акта. Наиболее показательными в связи с этим будут принципы гуманизма и справедливости. Так, ст. 6 Уголовного кодекса РФ одним из основных принципов уголовного права определяет справедливость: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности».

Ярким примером косвенного отражения «растворения» моральных ценностей в тексте нормативного правового акта является ст. 51 Конституции РФ, которая гласит: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников». Прямого обращения к морали в этой норме нет, но по смыслу это правило определяется моральными ценностями и закрепленными на их основе принципами гуманизма и справедливости.

Возможны ситуации, когда законодатель напрямую апеллирует к понятиям «мораль» и «нравственность». Так, в ч. 4 ст. 167 Гражданского кодекса РФ нравственность закрепляется как важнейший элемент общественной жизни, противоречие которому недопустимо: «Суд вправе не применять последствия недействительности сделки (пункт 2 настоящей статьи), если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности». В Уголовном кодексе РФ нравственность является объектом преступлений, преступлениям против общественной нравственности посвящена целая глава (глава 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»). При этом законо-

¹ Законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» № 862162-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/862162-6> (дата обращения: 05.10.2021).

² Законопроект о внесении изменений в статьи 14.2 и 15 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в целях защиты ребенка от анонимного оставления после его рождения № 1090105-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1090105-6> (дата обращения: 05.10.2021).

датель не дает общего определения нравственности, возлагая ответственность за толкование на правоприменителя. В статье 40.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в качестве обязательного требования к лицам, назначаемым на должность прокуроров, отражено «обладание моральными качествами»³.

Среди многообразия иных понятий, так или иначе имеющих моральные основания и нашедших отражение в современном российском законодательстве, существенный интерес представляют два понятия, которые следует рассматривать как парные — «**добросовестность**» и «**злоупотребление**», поскольку в их основе лежат базовые для понимания морали парные категории «**добро**» и «**зло**».

Названные понятия закрепляются во многих законах и часто имеют разные смысловые оттенки. Так, «добросовестность» находит закрепление в виде принципа (п. 3 ст. 1, ст. 6 Гражданского кодекса РФ, ст. 7 Жилищного кодекса РФ), презумпции (п. 5 ч. 2 ст. 10 Гражданского кодекса РФ), характеристики действий субъекта (ст. 29 Гражданского кодекса РФ, ст. 35 Гражданско-процессуального кодекса РФ, ст. 32.13 КоАП РФ) или характеристики самого субъекта (ст. 30 Семейного кодекса РФ). Несмотря на то что конкретизацию понятия «добросовестность» можно найти и в законодательстве (ст. 307 Гражданского кодекса РФ), и в судебной практике (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25)⁴, моральная категория «добро», предполагая множество смысловых оттенков, определяет его оценочный характер и обуславливает возможность различного толкования в зависимости от конкретной ситуации.

Не менее широкое распространение в современном законодательстве имеет антоним добросовестности — понятие «злоупотребление», которое используется в еще более широком смысловом диапазоне. Прежде всего, понятие «злоупотребление» законодательно закрепляется в ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ как осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Самостоятельное значение, выходящее за рамки злоупотребления правом, имеет понятие «злоупотребление должностными полномочиями»

(например, ст. 201 Уголовного кодекса РФ), которое рассматривается как преступное деяние. Глобально злоупотребление должностными полномочиями — это все то же злоупотребление правом, так как лицо злоупотребляет именно правами, которыми оно наделено в связи с осуществлением служебной деятельности. Логика законодателя в данном случае понятна, злоупотребление должностными полномочиями властным субъектом выделяется среди других вариантов злоупотребления правом, поскольку способно причинить большее зло (вред, опасность) охраняемым законом интересам общества или государства.

Таким образом, законодатель использует мораль, моральные ценности как основу в процессе создания и закрепления правовых норм. В то же время использование ресурсов морали может вызывать некоторые трудности. Общесоциальные принципы права абстрактны, понятия и категории, имеющие моральную основу, оценочны, их восприятие субъективно, что приводит к определенным проблемам в процессе их толкования и применения.

Наиболее ярко эта проблема проявляется в деятельности Конституционного Суда РФ. Примером может служить постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона „О погребении и похоронном деле“ и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е. Х. Кармовой»⁵. Сущность рассматриваемой Конституционным Судом РФ нормы состоит в том, что тела лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, не выдают родственникам, также им не сообщают место захоронения. Конституционный Суд РФ признал данную норму конституционной, опираясь на принцип справедливости, и обосновал свое решение необходимостью охраны общественной безопасности, общественного порядка. По особому мнению судьи А. Кононова, такое решение не только противоречит, а фактически отрицает уважение достоинства личности как базисный принцип в сфере личных прав и свобод. Оспариваемые нормы противоречат принципу справедливости. Апеллируя к одним и тем же принципам и лежащим в их основе ценностям, Конституционный Суд РФ и отдельный судья пришли к прямо противоположным выводам.

³ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О применении судами некоторых положений раздела I Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Еще одним примером, демонстрирующим сложность в применении понятий, имеющих моральное основание (злоупотребление правом), является дело И. Варламова, известного фотоотчетами из путешествий по России, где он демонстрирует проблемы инфраструктуры российских городов. Региональные СМИ, освещая критику блогера, иногда публикуют и его фотографии. Кто-то делает это без разрешения автора и выплаты компенсаций, что И. Варламов считает воровством. С начала 2015 г. он подал к журналистам двадцать один иск. По большей части суды полностью или частично удовлетворили требования, несколько дел закончились мировым соглашением. Однако, по мнению некоторых региональных СМИ, И. Варламов зарабатывает на злоупотреблении своими правами и огромными суммами требований ставит небольшие редакции на грань выживания. Они утверждают, что всего лишь освещают полемику, а фотографии используют как цитаты по общественно значимым вопросам, что допустимо и без согласия автора, но с указанием источника (ст. 1274 ГК РФ). Возникает вопрос о том, как оценивать подобную ситуацию: как злоупотребление правом или же как желание восстановить справедливость и защитить свои права.

Суды имеют неоднозначную позицию по этому вопросу. Доказательство тому — судебное разбирательство с издательством «Архи.ру». Данное дело прошло через апелляционную⁶, кассационную⁷ и надзорную инстанции⁸. Каждый раз суд трактовал вопрос о возможности цитирования фотографий по-своему. В итоге Верховный Суд РФ признал действия издательства «Архи.ру» законными, аргументируя решение тем, что закон не запрещает цитирование фотографий, которые были взяты из открытых источников в сети Интернет⁹.

Анализ дел И. Варламова с «Архи.ру» заставляет задуматься о злоупотреблении правом со стороны блогера. Ссылаясь на защиту своих авторских прав, он подавал множество исков на издательства с огромными суммами компенсаций, которые явно не соответствовали разумным пределам по такого рода делам. При буквальном толковании закона И. Варламов действует правомерно, он на законных основаниях отстаивает свои авторские права, но в данной ситуации стоит обратить внимание на умысел, с которым он это делает. Из описанной ситуации видно, что умысел

направлен не только на защиту своих законных прав и интересов, но и на получение денежных компенсаций. Это прямо вытекает из действий И. Варламова. Анализируя приговор суда, можно отметить, что И. Варламовым не был соблюден досудебный порядок урегулирования споров, а сразу были заявлены компенсационные требования, причем весьма больших размеров (до 500 000 руб.), когда для такого рода дел судьи определяют иск в пределах до 200 000 рублей. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что И. Варламов действительно злоупотребляет своим правом, так как его действия явно противоречат принципу добросовестности участников правоотношений, закрепленному в Гражданском кодексе РФ.

В то же время наличие разнообразия мнений в оценке данной ситуации и со стороны государственных органов, и со стороны общественности ярко демонстрирует проблему оценки злоупотребления правом как понятия, имеющего моральную основу и предполагающего возможность широкого и очень разнообразного толкования.

С одной стороны, закрепление в законодательстве принципов и понятий, имеющих моральную основу, можно оценивать как положительное явление, поскольку взаимодействие таких значимых социальных регуляторов, как право и мораль, должно способствовать укреплению правового порядка, формированию должного уровня правосознания и правовой культуры. С другой стороны, их абстрактность, субъективное восприятие, предполагающие неоднозначное, а иногда противоположное толкование, приводят к определенным сложностям их применения на практике. Именно поэтому использование ресурсов морали требует серьезного внимания как со стороны законодателя в процессе правотворческой деятельности, так и со стороны субъектов толкования и правоприменения в процессе их воплощения в жизнь. Определенной гарантией их наиболее правильного и целесообразного правоприменения является личность интерпретатора и правоприменителя, обладающего высокими моральными качествами и должным уровнем профессионализма. Законодатель должен учитывать, что возможности усмотрения и конкретизации принципов, категорий и понятий, основанных на моральных ценностях, находятся в прямой зависимости от уровня субъекта толкования и правоприменения.

⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 апреля 2016 г. и постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 сентября 2016 г. по делу № А40-142345/2015. URL: www.vsrfr.ru/stor_ec.php?id=1572180stor_pdf_ec.php.pdf.

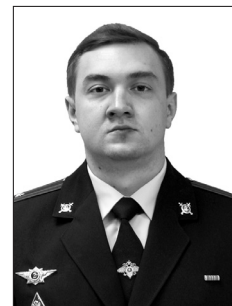
⁷ Определение Верховного суда Российской Федерации от 25 апреля 2017 г. № 305-ЭС16-18302. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25042017-n-305-es16-18302-po-delu-n-a40-1423452015/> (дата обращения: 07.10.2021).

⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 августа 2017 г. № 218-ПЭК17. URL: www.vsrfr.ru/stor_ec.php?id=1572180stor_pdf_ec.php.pdf.

⁹ Там же.

Список литературы

1. Аюпов В. Ш. Право и мораль в условиях глобализации. М., 2009.
2. Терских В. Д. Правовое регулирование сквозь призму морали // Проблемы совершенствования российского законодательства : электронный сб. тезисов Всерос. (с международ. участием) науч. конф. курсантов, слушателей и студентов. Барнаул, 2021.
3. Честнов И. Л. Универсальное/контекстуальное в нормировании правом свободы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 2.
4. Крохина М. С. Моральная составляющая норм корпоративного российского законодательства // Право и практика. 2015. № 3.



Развитие электронной демократии в России

Г. Е. Москаленко, Омская академия МВД России
✉ glmos55@yandex.ru

Рассматриваются теоретические вопросы, связанные с внедрением механизмов электронной демократии в Российской Федерации. Анализируются возможности осуществления электронного голосования при проведении выборов различных уровней, а также механизмы, при помощи которых граждане России могут принимать непосредственное участие в правообразовательном процессе. Автор приходит к выводу, что современные технологии способны трансформировать классические институты демократии в направлении их развития и повышения эффективности.

Ключевые слова: электронная демократия; непосредственная демократия; выборы; право; правообразование; общественная инициатива.

Development of Electronic Democracy in Russia

G. E. Moskalenko, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ glmos55@yandex.ru

Theoretical issues related to the introduction of e-democracy mechanisms in the Russian Federation are under consideration. The possibilities of implementing electronic voting during elections at various levels are analyzed, as well as the mechanisms by which Russian citizens can take a direct part in the legislative process. The author comes to the conclusion that modern technologies are able to transform the classical institutions of democracy in the direction of their development and increased efficiency.

Keywords: electronic democracy; direct democracy; elections; law; formation of law; social initiative.

Дискуссии о преимуществах и недостатках демократического политического режима не имеют строгого хронологического исчисления. Современной политико-правовой науке достоверно известно, что расцвет афинской демократии пришелся на V в. до н. э. С этого момента и до сегодняшнего дня великие умы человечества, такие как Платон, Аристотель, Цицерон, Дж. Локк, Вольтер, Ж. Ж. Руссо, И. Кант, В. С. Соловьев и многие другие, с различной степенью упорства обсуждали вопросы участия населения в политической и правовой жизни государства. Отдельного внимания заслуживает указание на неисчисляемое количество войн и революций, имевших место практически во всех точках земного шара, целями которых являлись установление демократических порядков и утверждение сопутствующих им прав и свобод человека и гражданина.

К концу XX в. демократический политический режим стал общепризнанным идеалом для абсолютного большинства государств, тексты конституций которых закрепили широкий объем личных, политических

и социально-экономических прав и свобод, а также отразили взятие строгого вектора в направлении народовластия. Ставшие уже классическими «рецепты» развития демократического режима, разработанные и активно внедряемые в политическую практику конца XX столетия, уже не способны удовлетворить запросы общества, нацеленные на новый уровень политического представительства. Речь идет о «прямой демократии», дающей возможность каждому гражданину влиять на принятие различных политических решений без делегирования полномочий своим представителям. Несмотря на тот факт, что в настоящее время человечество сформировало четкие представления о правилах и порядке функционирования демократических институтов, формах организации представительных органов, содержании и объеме прав и свобод, позволяющих человеку принять участие в осуществлении власти, развитие информационных технологий дает не только ученым, но и простым обывателям основания для переосмысления вопросов организации демократических практик в стране.

Стремительное развитие информационных технологий привело к тому, что сегодня практически каждый житель России постоянно носит с собой мобильный телефон, производительность которого превышает производительность среднестатистического домашнего персонального компьютера, произведенного десять лет назад. Доступ к быстрому и качественному интернету с того же телефона является нормой жизни для большинства людей. Согласно данным Росстата, в 2021 г. доля населения, представляющего активных интернет-пользователей, составила более 85%¹.

Очевидно, что в подобных условиях открываются широкие возможности для использования растущих технических достижений в сфере развития демократии. Таким образом, на современном этапе недостатки практической реализации идей народного суверенитета, парламентаризма, а также всеобщего избирательного права, о которых так много писали отечественные и зарубежные правоведы [1, с. 109–110], должны быть преодолены силой технического прогресса. Речь в данном случае идет о таком явлении, как «электронная демократия», которую еще называют «э-демократия», «сетевая демократия», «облачная демократия» и «виртуальная демократия».

Названную форму демократии еще в 1970 г. спрогнозировал американский футуролог Э. Тоффлер. Он обоснованно полагал, что политические режимы нового тысячелетия ждут глобальные перемены, связанные с невозможностью удержания власти технократами и формированием так называемой адхократии, приходящей на смену традиционной бюрократии [2, с. 158–159]. Суть демократического политического режима, построенного на основе адхократии, сводится к тому, что граждане откажутся от институтов представительства и пожелают выражать свои политические решения непосредственно, при помощи вступления в различные временные комитеты, созданные для решения конкретных политических вопросов, а с развитием информационных технологий — напрямую в государственные органы.

Еще в 2012 г. Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации разработало проект Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. Согласно данному документу электронная демократия — это такая форма организации общественно-политической деятельности граждан,

которая обеспечивает за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими структурами².

Анализируя основные направления развития электронной демократии, в первую очередь следует сказать о возможностях осуществления электронного голосования при проведении выборов различных уровней. Впервые успешное использование интернет-голосования было апробировано в 2007 г. на парламентских выборах в Эстонии. Российская Федерация также не осталась в стороне. Первый опыт внедрения интернет-голосования в нашей стране был организован в 2008 г. на муниципальных выборах в г. Новомосковске Тульской области. Спустя год возможность электронного голосования была предоставлена в Томской, Владимирской, Вологодской, Волгоградской областях и в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре³. Однако данный опыт носил исключительно экспериментальный характер и не влиял на официальный исход голосования. Результаты электронного голосования были использованы в целях их соотнесения с официальными итогами голосования, после чего данный опыт повторялся еще несколько раз.

29 мая 2019 г. принят Федеральный закон № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва», на основе которого в сентябре 2019 г. наряду с традиционным было организовано дистанционное электронное голосование через портал государственных и муниципальных услуг города Москвы.

В период с 17 по 19 сентября 2021 г. в семи субъектах Российской Федерации было проведено дистанционное электронное голосование на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва. Следует отметить, что итоги проведения выборов с использованием возможностей электронного голосования оказались весьма противоречивыми. С одной стороны, электронное голосование вызвало шквал критики ввиду выявления фактов сбоя, рисков технической уязвимости электронных ресурсов, а самое глав-

¹ Статистический сборник «Информационное общество в Российской Федерации». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14478> (дата обращения: 21.12.2021).

² Проект Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. URL: <http://e-democratia.ru/about/> (дата обращения: 21.12.2021).

³ Экспериментальный электронный опрос избирателей с использованием сети «Интернет» в единые дни голосования 12 октября 2008 года и 1 марта 2009 года. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: https://www.rcoit.ru/upload/iblock/1db/eksperimentalniy_elektronniy_opros.pdf (дата обращения: 21.12.2021).

ное — ввиду непрозрачности системы подсчета голосов и затруднения проведения цифрового аудита. С другой стороны, такая форма проведения выборов, несомненно, повышает удобство голосования, тем самым способствует вовлечению граждан в политическую жизнь страны.

Ряд критиков выступил с предложением об отказе от проведения выборов с использованием возможностей дистанционного электронного голосования. Мы же полагаем, что, несмотря на данную критику, невозможно игнорировать развитие информационно-коммуникационных технологий, оказывающих влияние на классические демократические институты в глобальном масштабе. Очевидно, что в перспективе будут разработаны и внедрены эффективные инструменты, позволяющие обеспечить техническую защищенность и прозрачность подсчета голосов. Сейчас же, пока практика использования возможностей дистанционного электронного голосования не внедрена повсеместно, следует идти на умеренные риски, заниматься выявлением проблем и активным исследованием вопросов, связанных с организацией такой формы голосования, прежде всего с технической точки зрения. Все это позволит в будущем только углубить основы гражданского общества, усовершенствовать демократические институты и повысить эффективность их функционирования.

Более подробно следует остановиться на другой, не менее важной возможности, предоставляемой электронной демократией. Речь идет о механизмах, при помощи которых граждане России могут принимать прямое участие в правообразовательном процессе, используя современные информационные технологии. В связи с этим отдельное внимание необходимо уделить Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», который стал юридическим основанием для развития электронной демократии в стране. Так, во исполнение данного нормативного правового акта в 2012 г. был создан фонд информационной демократии, целью которого стало создание и развитие официальных платформ и ресурсов в интернете, позволяющих гражданам России выступать с инициативой законодательного или управленческого характера, осуществлять интернет-коммуникацию по вопросам, связанным с обсуждением выдвинутых инициатив и нормативных правовых актов, принимаемых в стране.

Наиболее значимым проектом данного фонда является интернет-ресурс «Российская общественная инициатива» (www.roi.ru). Этот проект появился

благодаря Указу Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса „Российская общественная инициатива“». Содержание данного Указа раскрывает цель проекта — защита прав человека и гражданина, расширение возможностей участия граждан страны в управлении делами государства, а также развитие и укрепление гражданского общества.

В настоящее время именно данный проект является средством демократизации процесса правообразования в Российской Федерации. Суть проекта сводится к следующему: любой гражданин Российской Федерации, достигший 18-летнего возраста и зарегистрированный на сайте государственных услуг (www.gosuslugi.ru), имеет возможность сформулировать инициативу, после чего разместить ее на портале «Российская общественная инициатива» (www.roi.ru). Размещенная информация публикуется, и ознакомившиеся с ней пользователи получают возможность проголосовать «за» такую инициативу или «против» нее. Для того чтобы инициатива была передана на рассмотрение органов власти, она в течение одного года должна набрать не менее 100 000 голосов «за» в том случае, если такая инициатива имеет федеральный характер, либо не менее 5% от численности зарегистрированного населения в том случае, если инициатива предполагает свое воплощение на региональном или муниципальном уровнях. Любая предложенная инициатива проходит предварительную экспертизу, которая направлена на соответствие ее содержания действующему российскому законодательству. Если кто-либо из пользователей проголосует против размещенной инициативы, то такой голос не уменьшает число голосов, поданных за нее. Однако число проголосовавших «против» учитывается экспертной группой государственного органа, в который передается инициатива, набравшая необходимое количество голосов за нее. Срок принятия решения по инициативе — не более двух месяцев с момента получения необходимого количества голосов.

По данным интернет-портала «Фонд информационной демократии» в 2021 г. было подано более 39 000 инициатив «за» нее, «против» было подано свыше 16 000 000, однако всего лишь 14 инициатив смогли набрать более 100 000 голосов⁴. Такие данные свидетельствуют о том, что абсолютное большинство инициатив так и не доходят до адресата, хотя именно за ними стоят те вопросы и предложения, которые в большей степени волнуют граждан нашей страны. Критерии отбора общественных инициатив представляются вполне возможными и адекватными, ре-

⁴ Интернет-портал «Фонд информационной демократии». URL: <https://www.f-id.ru/description/projects/rossijskaya-obshhestvennaya-initsiativa/> (дата обращения: 21.12.2021).

альная же проблема, связанная с отсутствием набора необходимого количества голосов, видится в слабой активности граждан, а также в незнании описанных способов влияния на процесс правообразования в стране.

Важно уделить внимание еще одному интернет-ресурсу, направленному на вовлечение граждан в процесс правообразования с помощью информационных технологий. Речь идет о Федеральном портале проектов нормативных правовых актов (www.regulation.gov.ru). Целью создания данного портала является повышение прозрачности деятельности органов государственной власти путем информирования населения о законодательческих инициативах. Зарегистрированным пользователям предоставляется возможность открытого обсуждения проектов нормативных правовых актов, формулирования предложений, нацеленных на их улучшение. Можно оценить проект либо действующий нормативный правовой акт с точки зрения его юридической эффективности, оценить его влияние на ведение бизнеса либо же просто поставить проекту «лайк» или «дизлайк». Кроме того, предоставляется возможность принять участие в независимой антикоррупционной экспертизе проекта.

К числу возможностей, предоставляемых развитием механизма электронной демократии, следует

отнести возможность создания различных сетевых сообществ, нацеленных на отстаивание групповых интересов, решение локальных управленческих вопросов, защиту прав и свобод граждан. В России функционирует портал «Демократор», который является универсальной и структурированной площадкой публичного и открытого взаимодействия людей, политических партий, органов государственной власти и местного самоуправления, общественных и благотворительных организаций и движений. Согласно данным портала, более 2 000 000 человек воспользовались его возможностями для решения проблем, было составлено более 15 000 петиций, из которых свыше 900 были приняты и удовлетворены органами власти⁵.

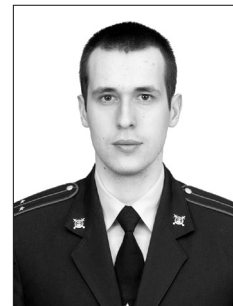
Таким образом, современные технологии способны трансформировать классические институты демократии в направлении их развития и повышения эффективности, они открывают гражданам возможности не только электронного голосования, но и непосредственного участия в процессе правообразования и управления государством. С помощью подобных механизмов властям становится гораздо проще дать реальные ответы на запросы современного общества — оптимизацию правотворческой деятельности и повышение эффективности правового регулирования в целом.

Список литературы

1. Москаленко Г. Е. Право и принцип свободного универсализма в интерпретации П. И. Новгородцева // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 1(25).
2. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002.

⁵ Интернет-портал «Демократор». URL: <https://democrator.ru/about/> (дата обращения: 25.11.2021).

Совершенствование нормативного правового регулирования в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации



Д. Е. Баталов, Омская академия МВД России

✉ ya.Leo620@yandex.ru

Исследуются вопросы, посвященные обеспечению национальной безопасности Российской Федерации. Подчеркивается, что это направление является одним из приоритетных в деятельности государства, что обусловлено наличием внутренних и внешних угроз национальной безопасности, затрагивающих важные сферы жизни общества. Автором поднимается вопрос о необходимости повышения качества нормативного правового регулирования деятельности по обеспечению национальной безопасности в целях ее оптимизации и повышения эффективности.

Ключевые слова: обеспечение национальной безопасности; государственный суверенитет; угрозы; национальные интересы; стратегические национальные приоритеты.

Improving the Legal Regulation in the Field of Providing the National Security of the Russian Federation

D. E. Batalov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ ya.Leo620@yandex.ru

The issues devoted to provision of national security of the Russian Federation are under consideration. It is emphasized that this area is one of the priority activities of the state, which is determined by the presence of internal and external threats to national security, affecting all vital spheres of society. The author argues it necessary to improve the quality of the normative legal regulation of activities related to maintaining national security in order to optimize it and increase its efficiency.

Keywords: safety; provision of national security; state sovereignty; threats; national concerns; strategic national priorities.

Обеспечение национальной безопасности для России возведено в ранг первостепенных задач, что обусловлено особенностями исторического и социально-политического развития государства, а именно полиэтничным национальным составом страны, его многоконфессиональностью, наличием протяженной государственной границы с 18 государствами. С некоторыми из них сложилась нестабильная политическая ситуация, что демонстрирует возможные детерминанты дестабилизации в приграничных регионах. Все это актуализирует вопрос о степени защищенности Российской Федерации от внешних и внутренних угроз и необходимости защиты ее государственного суверенитета.

Национальная безопасность есть не что иное, как первостепенная потребность в защищенности от потенциальных угроз не только отдельно взятого человека, но и всего общества. Государство же, являясь

политической формой организации общества, выступает в лице ведущего субъекта обеспечения национальной безопасности, что определяется основными функциями государства, к которым относятся охрана общественного порядка и обеспечение безопасности человека и страны. Именно на этих направлениях деятельности акцентируют внимание А. С. Автономов и В. А. Попов, исследуя особенности государства как политико-правового образования [1, с. 543].

Согласно Стратегии национальной безопасности под деятельностью по обеспечению национальной безопасности понимается реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности¹. Следует отметить, что представ-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ленный понятийный аппарат не дает четкого ответа на вопрос о понимании национальной безопасности, что, по всей видимости, свидетельствует о сложности рассматриваемого феномена. Обращаясь к Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона 1891 г., при толковании слова «безопасность» можно заметить, что опасности, предупреждением которых и создается безопасность в стране, представляют три категории: одни могут грозить обществу и государству; другие — непосредственно правительству; третьи — главным образом отдельному гражданину. Некоторые опасности грозят всему государству, но прямо и непосредственно они проявляются по отношению к правительству [2, с. 309].

Анализ, в том числе ретроспективный, нормативно-правового регулирования данной сферы общественных отношений показывает, что имеется значительный массив нормативных документов, регулирующих вопросы безопасности. Это объясняется многоаспектностью регулируемых отношений, особенностями разновидностей безопасности, присутствием не только национального, но и международного компонента национальной безопасности. В связи с этим должны быть созданы комплексность и системность в обеспечении национальной безопасности.

Однако ученые, исследующие вопросы национальной безопасности, указывают на отсутствие системного подхода к регулированию данной сферы отношений. Так, Ю. А. Крохин отмечает, что большинство документов в сфере национальной безопасности носят фрагментарный характер, их регулятивная функция направлена на обеспечение общественных отношений, которые складываются по вопросам отдельных видов безопасности и угроз [3, с. 70]. Следствием данного факта являются «локальные, разрозненные массивы правовых норм, относящиеся к различным отраслям права» [3, с. 70]. По мнению Г. З. Мансурова, на момент принятия Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» действовало 86 законов, более 60 указов Президента Российской Федерации и иных подзаконных актов, регламентирующих отдельные аспекты обеспечения национальной безопасности [4, с. 48]. По мнению автора, системность должна быть важным качеством в процессе конституционно-правового регулирования данной сферы общественных отношений, а национальная безопасность как феномен должна рассматриваться с позиции эффективности ее обеспечения в Российской Федерации.

Впервые на законодательном уровне вопросы национальной безопасности в Российской Федерации были урегулированы Законом РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности»². Данный норматив-

ный правовой акт стал основой для формирования системы национальной безопасности государства. В нем были закреплены дефиниции таких системообразующих понятий, как «безопасность», «угроза безопасности», «жизненно важные интересы», а также принципы обеспечения безопасности, субъекты и объекты данной деятельности. Важной составляющей указанного Закона стало наличие нормы, которая предусматривала ответственность должностных лиц за превышение полномочий и нарушение установленного порядка деятельности по обеспечению безопасности, что подчеркивало ответственность государства в лице органов государственной власти по обеспечению безопасности. В связи с этим уместно привести слова первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, который, говоря о значении данного нормативного правового акта, отметил, что идея обеспечения интересов человека, его защита от внутренних и внешних угроз проходит красной нитью сквозь все содержание рассматриваемого Закона³. Значимость данного Закона состоит в том, что законодатель установил в нем понятие безопасности, под которым понималось состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Несмотря на простоту и лаконичность приведенной формулировки, она в полной мере объясняет сущность безопасности Российской Федерации.

Действующая Конституция РФ закрепила положение о безопасности не только государства, как это было в Конституции РСФСР 1978 г., но и личности. Человек и гражданин признаны в качестве объекта защиты от различного рода угроз. Государство выступает также в качестве важнейшего субъекта обеспечения национальной безопасности, что подтверждается ч. 3 ст. 55 Основного закона. Данная норма закрепила положение о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Обладая материальным и административным ресурсом, только государство способно выявлять и оперативно устранять возникающие угрозы, способные нанести вред интересам личности, общества и государства.

В развитие конституционных положений был принят ряд законов и подзаконных актов, регламентирующих отдельные сферы безопасности. К таковым можно отнести: федеральные законы от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»; от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и без-

² О безопасности : закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Рос. газета. 1992. 6 мая.

³ Первое заседание Совета Безопасности Российской Федерации. Выступление Бориса Ельцина // Рос. газета. 1992. 21 мая.

опасности пищевых продуктов»; от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»; от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» и т. д. Совокупность законодательных актов, направленных на регулирование безопасности в различных сферах жизнедеятельности общества, позволяет говорить о национальной безопасности как системе, составными элементами которой являются отдельные взаимосвязанные виды, имеющие свои особенности, обусловленные спецификой общественных отношений. Одновременно общим для всех перечисленных сфер выступают состояние национальной безопасности и деятельность соответствующих государственных и муниципальных структур, направленная на ее обеспечение.

Стоит отметить, что деятельность по обеспечению национальной безопасности является процессом, имеющим целенаправленный и непрерывный характер. На государственном уровне разрабатываются и действуют документы концептуального характера, в которых закрепляются цели и задачи долгосрочного характера, а также средства их достижения. Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300⁴, стала первым шагом в построении системы долгосрочного планирования в целях преодоления глубокого социально-экономического кризиса второй половины 90-х г. XX в.

Определяя перспективы развития страны, складывалась государственная стратегия обеспечения национальных интересов России, формировалась система нормативного правового регулирования в сфере обеспечения национальной безопасности. Основу данной конструкции составляли Конституция РФ и Закон РФ «О безопасности».

В дальнейшем в целях развития системы обеспечения национальной безопасности и приведения национального законодательства в соответствие с действующей Конституцией РФ был принят Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (далее — Закон о безопасности). Несмотря на закрепление в этом нормативном правовом акте основополагающих принципов и содержания деятельности по обеспечению национальной безопасности, в нем отсутствует легальная дефиниция безопасности, что порождает различные интерпретации данного понятия, а также создает сложности в его применении. По мнению Е. Г. Стрежнева, такой подход «неминуемо влечет большие разногласия при разработке единой методо-

логии формирования понятийного аппарата» [5, с. 26]. Отсутствие в Законе о безопасности таких основополагающих понятий, как «национальная безопасность», «угроза национальной безопасности», «обеспечение национальной безопасности», свидетельствует о несовершенстве действующего законодательства и требует его корректировки в целях единообразного применения.

Закон о безопасности, как справедливо отмечает Н. М. Самородов, по существу, является рамочным, так как его положения детализируются в иных законах и подзаконных актах, регулирующих данную сферу правоотношений [6, с. 22]. Следовательно, вполне обоснованно обсуждение в среде ученых вопроса о необходимости не только повышения правового статуса Закона о безопасности, но и конкретизации его положений. По нашему мнению, нормативный правовой акт такого рода должен иметь статус федерального конституционного закона, что вполне коррелируется с положениями Конституции РФ. Для этого есть и правовые предпосылки. Из положений ч. 1 ст. 76 Основного закона, нормы которой посвящены основам федерального правового регулирования, следует, что федеральные конституционные законы принимаются по предметам ведения Российской Федерации. Согласно п. «м» ч. 1 ст. 71 Конституции РФ оборона и безопасность отнесены к предмету ведения Российской Федерации. Следовательно, та система подзаконных актов, которая направлена на урегулирование отдельных сторон национальной безопасности, должна быть приведена в соответствие с нормами данного нормативного правового акта.

Подчеркивая высокую значимость должного и более четкого правового регулирования тех отношений, которые складываются в ходе обеспечения национальной безопасности, актуальным является высказывание В. Ю. Варламова о том, что такие правовые акты не должны давать «повода в правоприменительной практике сомневаться в их содержании и юридической силе» [7, с. 36]. Кроме того, учитывая социальную значимость безопасности и правовые возможности, а также национальный характер данного явления, считаем обоснованным предложение о принятии Федерального конституционного закона «О национальной безопасности». Он может стать основой для дальнейшего развития законодательства, посвященного вопросам обеспечения национальной безопасности. К тому же введение специальных правовых режимов в целях обеспечения национальной безопасности устанавливается федеральными конституционными законами⁵, в то время как

⁴ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 // Рос. газета. 1997. 26 дек.

⁵ О чрезвычайном положении : федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О военном положении : федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вопросы национальной безопасности в целом регулируются нормативным правовым актом, имеющим статус федерального закона, что нарушает стройную архитектуру системы правовых актов, регулирующих обеспечение национальной безопасности.

Исходя из действующего Закона о безопасности, из числа субъектов обеспечения безопасности исключена судебная власть, являющаяся одной из ветвей государственной власти, что, по нашему мнению, в корне неверно. Более того, в Законе РФ о безопасности 1992 г. судебная власть называлась в качестве субъекта обеспечения безопасности. В процессе защиты прав и основных свобод человека и гражданина значительное место отведено судебной системе Российской Федерации. Она выступает независимым арбитром в разрешении конфликтов между органами власти и обществом. Наравне с иными полномочиями суд призван обеспечить соблюдение положений Основного закона в сфере дифференциации предметов ведения между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов по вопросам обеспечения безопасности. По мнению А. А. Фомина, такие суды участвуют в обеспечении баланса между интересами конкретного индивида, общества и государства, вовлечены в противодействие превышению и злоупотреблению полномочиями со стороны законодательной и исполнительной ветвей власти в сфере обеспечения национальной безопасности [8, с. 158].

Конституционный Суд РФ как высший орган конституционного контроля осуществляет судебную власть в целях защиты основ конституционного строя, обеспечивает верховенство Конституции РФ на всей территории государства, предупреждая деструктивные антиконституционные действия как со стороны органов власти, так и общества в целом. Правовые позиции Конституционного Суда РФ формируют подходы к вопросам национальной безопасности о необходимости соблюдения баланса между публично-правовыми интересами и интересами личности [5], что нашло отражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина» в части ограничения прав и свобод личности.

Неоднократно Конституционный Суд РФ в своих решениях формулировал правовую позицию относительно верховенства Конституции РФ и согласования конституционных норм и норм международных правовых актов, что входит в систему

национальных интересов Российской Федерации (п. 2 ст. 26 Стратегии национальной безопасности). Введение в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» главы XIII.2. «Рассмотрение дел о возможности исполнения решений иностранных или международных (межгосударственных) судов, иностранных или международных третейских судов (арбитражей)» направлено на урегулирование вопросов, связанных с исполнением решений наднационального судебного органа в границах правового поля и вынесением решения о согласовании норм Основного закона и международного договора на основе принципа верховенства Конституции РФ и приоритета национальных интересов. В частности, в постановлении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу „Анчугов и Гладков против России“ в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»⁶ и в постановлении Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу „ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»⁷ Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях отмечал, что Европейский Суд по правам человека при толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод использовал формальный подход, не считаясь с интересами и потребностями Российской Федерации. Данный факт привел к удовлетворению интересов небольшой группы субъектов при явной несоразмерности с интересами широкого круга лиц.

Таким образом, на современном этапе в Российской Федерации происходит процесс формирования системы национальной безопасности, основным элементом которой выступают нормативные правовые акты, направленные на урегулирование общественных отношений в данной сфере. Имеющиеся недостатки правового регулирования позволяют поставить вопрос о его совершенствовании в части принятия нового закона, имеющего более высокий юридический статус — Федерального конституционного закона, в котором требуется закрепление понятийно-категориального аппарата, включающего следующие понятия: «национальная безопасность»,

⁶ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Там же.

«обеспечение национальной безопасности», «угрозы национальной безопасности», «национальные интересы». Разрозненность в наименовании документов стратегического планирования, используемых в вопросах обеспечения национальной безопасности

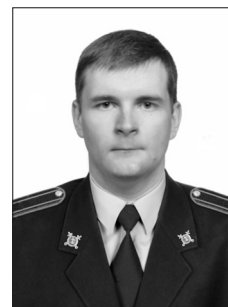
(стратегия, доктрина, концепция), требует формирования единой и стройной системы единого государственного стандарта. Также необходимо переосмыслить систему субъектов обеспечения национальной безопасности и включить в нее судебные органы.

Список литературы

1. Автономов А. С., Попов В. А. Государство // Большая российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона : в 5 т. М., 1998. Т. 3.
3. Крохина Ю. А. Контроль реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Законодательство. 2012. № 3.
4. Мансуров Г. З. Новый закон о безопасности и старые проблемы законодательства о безопасности // Управленец. 2011. № 1-2.
5. Стрежнев Е. Г. Некоторые выводы из анализа проекта Федерального закона «О безопасности» // Современное право. 2010. № 11.
6. Самородов Н. М. Совершенствование правовой базы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5.
7. Варламов В. Ю. Каким быть закону о национальной безопасности? // Право и безопасность. 2004. № 1.
8. Фомин А. А. Судебная власть в механизме национальной безопасности Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1.

УДК 340.102 © Е. В. Герасименко, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-184-53-57

Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь адвоката при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий



Е. В. Герасименко, Омская академия МВД России
✉ joker072004@mail.ru

Применение гласных оперативно-розыскных средств при документировании преступлений детерминирует возникновение потребности в получении квалифицированной юридической помощи адвоката в ходе оперативно-розыскной деятельности. В условиях современного нормативного правового регулирования в правоприменительной практике возникает ряд проблемных вопросов, не позволяющих в полной мере реализовать право на квалифицированную помощь. На основании анализа норм действующего законодательства, правовых позиций Конституционного Суда РФ, а также мнений представителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, адвокатского и научного сообщества, обосновывается необходимость законодательного закрепления механизма реализации права на получение квалифицированной юридической помощи адвоката в ходе проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; адвокат; право на получение квалифицированной юридической помощи; оперативно-розыскное мероприятие.

Providing the Right to Qualified Legal Assistance during Overt Crime Detection Activities

E. V. Gerasimenko, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ joker072004@mail.ru

The use of overt means of crime detection in documenting crimes determines the need for qualified legal assistance from a lawyer in the course of crime detection activities. In the conditions of modern legal regulation in law enforcement practice, a range of problematic issues arise that do not allow overall implementing the right to qualified assistance. Based on the analysis of the norms of the current legislation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the opinions of representatives of the bodies engaged in activities related to crime detection, the lawyers' and the scientific community, the necessity of legislative consolidation of the mechanism for implementing the right to receive qualified legal assistance from a lawyer in the course of overt crime detection activities is substantiated.

Keywords: crime detection; lawyer; the right to qualified legal assistance; crime detection activities.

В современных условиях в практической деятельности правоохранительных органов наблюдается тенденция к широкому применению гласных оперативно-розыскных средств для документирования преступлений. Указанное обстоятельство предопределяет вовлечение обширного круга лиц в гласные оперативно-розыскные правоотношения. Сведения, а также материальные носители информации, полученные в ходе проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), все чаще используются в уголовном процессе, иногда выступая в качестве наиболее существенных доказательств виновности в совершении противоправных деяний.

У лиц, в отношении которых проводятся ОРМ, может возникать потребность в реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи адвоката. Однако в настоящее время механизм его реализации законодательно не регламентирован, что вызывает значительные трудности в правоприменительной деятельности. Не углубляясь в дискуссию относительно определения понятия «механизм реализации права» [1, с. 17; 2, с. 4; 3, с. 7], поддержим позицию авторов, характеризующих его как технологию воздействия средствами правового регулирования на осуществление требований юридических норм в поведении людей [4, с. 211].

Для отражения складывающейся юридической практики обратимся к эмпирическим данным, полученным в ходе исследования¹. Анкетирование сотрудников оперативных подразделений показало, что 68,3% респондентов сталкивались со случаями участия адвоката в качестве защитника при проведении гласных ОРМ. Из них 85,7% указали, что адвокат участвовал в проведении ОРМ «опрос»; 39,3% — в ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»; 7,1% — в ОРМ «сбор образцов для сравнительного исследования»; менее 3,6% отметили, что адвокат принимал участие в ходе проведения иных ОРМ². При этом анкетирование представителей адвокатского сообщества показало, что около 80% респондентов оказывали помощь доверителям в ходе ОРМ. Сведения относительно конкретных ОРМ, в которых адвокаты принимали участие, прямо коррелируют с данными, полученными при анкетировании оперативных сотрудников. Так, 82,7% участвовали в проведении ОРМ «опрос»; 53,8% — в ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»; 26,9% — в ОРМ «сбор образцов для сравнительного исследования».

Как видно из представленных сведений, адвокаты активно участвуют в проведении гласных ОРМ. В большинстве случаев они принимают участие в проведении ОРМ «опрос», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «сбор образцов для сравнительного исследования». Однако до настоящего времени на законодательном уровне не определен порядок действий сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), и адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи доверителям в ходе проведения ОРМ.

Поскольку Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³ (далее — Закон об ОРД) не содержит прямых указаний на необходимость предоставления лицам права воспользоваться квалифицированной юридической помощью, то, как отмечает А. Е. Чечётин, среди сотрудников оперативных подразделений

бытует устойчивое неверное мнение о наделении таким правом только лишь участников уголовного процесса, получивших официальный процессуальный статус [5, с. 128]. Указанный тезис подтверждается результатами проведенного исследования. Так, около 50% опрошенных оперативных сотрудников считают возможным не допускать адвоката к участию в ОРМ, ссылаясь на отсутствие такого требования в Законе об ОРД. Однако 53,8% опрошенных адвокатов сталкивались в своей профессиональной деятельности со случаями необоснованного отказа в допуске к участию в ОРМ в интересах доверителя. Об этом же свидетельствуют поступающие в Конституционный Суд РФ жалобы на действия сотрудников органов, осуществляющих ОРД, по факту отказа в допуске адвокатов к подзащитным, в отношении которых проводятся гласные ОРМ⁴. Кроме того, на тематических интернет-ресурсах, посвященных адвокатской и правозащитной деятельности, нередко обсуждаются вопросы недопуска адвоката к участию в ОРМ в отношении его подзащитного, а также разрабатываются целые методики действий адвоката в случае возникновения подобных ситуаций⁵.

Отметим, что в некоторых ситуациях и сами сотрудники органов, осуществляющих ОРД, не знают, как организовать проведение ОРМ в присутствии адвоката, какие у него есть права (например, необходимо ли дать возможность краткой консультации с адвокатом лицу, в отношении которого проводится ОРМ, и т. п.), обязанности и ответственность. Ввиду полного отсутствия регламентации деятельности адвоката в оперативно-розыском законодательстве как объективно необходимого звена в механизме реализации права на получение квалифицированной юридической помощи сотрудники органов, осуществляющих ОРД, оказываются в состоянии правовой неопределенности. В настоящее время без ответа остаются следующие вопросы: возможно ли проведение ОРМ без участия адвоката, при требовании его участия от лица, в отношении которого проводится мероприятие; необходимо ли разъяснить право на получение квалифицированной юридической помощи лицу, в отношении которого проводится ОРМ; нужно ли предоставить возможному

¹ В ходе проведения исследования нами опрошено 123 оперативных сотрудника органов внутренних дел, а также 130 адвокатов, осуществляющих свою профессиональную деятельность в более чем 15 регионах Российской Федерации.

² Общая сумма превышает 100%, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

³ *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панова Юрия Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»* : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2011 г. № 580-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ *Методика действий адвоката, которого не допускают к проведению оперативно-розыскных мероприятий*. URL: <https://pravorub.ru/articles/16226.html> (дата обращения: 21.10.2021) ; *Недопуск* сотрудником ФСБ адвоката к участию в ОРМ в офисе юриста признан незаконным. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/nedopusk-sotrudnikom-fsb-advokata-k-uchastiyu-v-orm-v-ofise-yuritsa-priznan-nezakonnym/> (дата обращения: 21.10.2021).

лицу осуществить вызов адвоката и как поступить в случае требования о предоставлении адвоката бесплатно.

Относительно возможности проведения ОРМ без участия адвоката, в случае требования такого участия со стороны лица, в отношении которого проводится мероприятие, считаем, что предоставление права на получение квалифицированной помощи адвоката не должно препятствовать решению основных задач оперативно-розыскной деятельности, регламентированных ст. 2 Закона об ОРД. В случае если промедление при проведении ОРМ может оказать негативное влияние на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления и привести в итоге к избежанию преступником уголовной ответственности, считаем допустимым проводить ОРМ без участия адвоката. Подчеркнем, что, признавая важность реализации права на получение квалифицированной юридической помощи адвоката при проведении ОРМ, в некоторых случаях аксиоматическое следование требованиям его реализации может создать существенные препятствия для выполнения возложенных на ОРД задач. Например, проведение ОРМ в отдаленной труднодоступной местности, куда по объективным причинам адвокат прибыть не в состоянии, не должно являться обстоятельством, исключающим возможность его проведения.

Следует отметить, что в практической деятельности сотрудников оперативных подразделений возможно возникновение ситуации, когда лицо, в отношении которого проводится ОРМ, пригласило для участия в нем адвоката и настаивает на приостановлении мероприятия до его прибытия. Для определения порядка действий оперативного сотрудника предлагаем провести аналогию с ситуациями, возникающими в рамках проведения следственных действий, в частности обыска. Относительно необходимости незамедлительного обеспечения права на помощь адвоката при производстве следственных действий высказался Конституционный Суд РФ в определении от 28 сентября 2017 г. № 2240-О, указав, что требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, не связанных с дачей лицом показаний, подготавливаемых и проводимых без предвари-

тельного уведомления лица об их проведении ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств. К числу таких следственных действий относится и обыск, производство которого не исключает участия бывшего адвоката, однако и не приостанавливается для обеспечения его явки⁶.

Имплементируя указанную позицию в оперативно-розыскные правоотношения, предоставление права воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката не означает того, что ОРМ не может проводиться без его участия. Иначе ожидание прибытия адвоката к месту проведения мероприятия в ряде случаев может привести к утрате наступательности, заподозренное лицо может предпринять действия, направленные на сокрытие признаков совершенного преступления, оповестить соучастников преступления и иным образом противодействовать сотрудникам правоохранительных органов. Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи, отмечая, что участие лица, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, не является обязательным условием проведения ряда ОРМ, в частности, речь идет о гласном обследовании помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. При этом ученые добавляют, что в случае, если промедление при проведении гласного ОРМ не приведет к наступлению неблагоприятных последствий, целесообразно отложить его проведение до прибытия лица, оказывающего квалифицированную юридическую помощь [6, с. 16].

По нашему мнению, весомые аргументы в пользу указанных доводов отражены в определении Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 327-О, в котором отмечено, что лицу при проведении в отношении него ОРМ предоставляется возможность воспользоваться помощью адвоката, если это не исключается необходимостью соблюдения в том числе требований оперативности⁷. Считаем, что в данном случае под оперативностью подразумевается своевременное, быстрое и полное принятие мер сотрудниками правоохранительных органов по противодействию преступлениям. Мы полностью разделяем мнение, что в указанном определении Конституционный Суд РФ признал допустимым отказ от предоставления адвоката только при проведении

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григоряна Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью одиннадцатой статьи 182, пунктами 10 и 11 части третьей, частями пятой и шестой статьи 259, частью третьей статьи 260, статьей 297 и пунктом 2 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 г. № 2240-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 327-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ОРМ, носящих безотлагательный и внезапный характер, а также готовящихся в условиях секретности [5, с. 128].

Относительно необходимости разъяснения лицам, в отношении которых проводятся ОРМ, права на получение квалифицированной юридической помощи адвокат Конституционный Суд РФ высказался в определении от 27 июня 2017 г. № 1419-О, отметив, что проведение ОРМ закон увязывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного судопроизводства, когда уголовное дело еще не возбуждено, но уже имеется информация, которая должна быть проверена. Обязанность разъяснить гарантируемое ст. 48 Конституции РФ право лицу, которое подвергнуто задержанию или в отношении которого проводятся иные действия, ограничивающие его свободу, личную неприкосновенность или другие конституционные права, предусмотрена УПК РФ и КоАП РФ и реализуется с учетом природы возникших правоотношений, регламентируемых законодательством, на основании и в процедурах которого осуществляется (допускается) соответствующее ограничение прав личности⁸. Проанализировав приведенную правовую позицию, а также нормы законодательных актов, отметим, что нормы, регламентирующие обязанность разъяснения положений ст. 48 Конституции РФ, применимы только на определенных стадиях соответствующих процессов и не относятся к ОРД.

Для разрешения рассматриваемого вопроса был проанализирован опыт иностранных государств, прежде всего США. По нашему мнению, изучение опыта государств с развитыми демократическими институтами может послужить существенным подспорьем при выработке предложений, направленных на совершенствование российского законодательства в области реализации прав граждан, в частности права на получение квалифицированной юридической помощи в ходе ОРД.

Известным является факт применения в США так называемого Правила Миранды — юридической нормы, обязывающей сотрудников правоохранительных органов, в числе прочего, разъяснить задержанному право на получение квалифицирован-

ной юридической помощи адвоката. Отметим, что в США отсутствует четкое разграничение между оперативно-розыскной деятельностью и уголовным процессом. Следственная деятельность и ОРД тесно связаны между собой, а оперативник выступает как следователем, так и детективом (так в некоторых зарубежных странах именуется должность сотрудника полиции, осуществляющего сыскную деятельность) [7, с. 217]. Соответственно, термин «задержание» применяется не только к уголовно-процессуальному задержанию, но и к оперативно-розыскному задержанию, принудительному доставлению и т. п. Таким образом, Правило Миранды применимо при фактическом ограничении права на свободу передвижения и личную неприкосновенность. Аналогичная ситуация складывается и в других странах [8, с. 27].

На наш взгляд, для лица, в отношении которого сотрудниками органов, осуществляющих ОРД, проводятся ОРМ, абсолютно не имеет значения наличие или отсутствие у него уголовно-процессуального статуса. Осознание возможности быть привлеченным к уголовной ответственности влечет за собой обоснованное желание защищаться всеми доступными способами, в том числе посредством привлечения адвоката. Кроме того, как отметил Конституционный Суд РФ в определении № 4-О от 14 января 2020 г., лицо при его взаимоотношениях с государством выступает не как объект, на который направлена государственная деятельность, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми законными способами⁹.

Учитывая изложенное, считаем, что в ходе проведения гласных ОРМ в случае ограничения конституционных прав личности оперативные сотрудники перед началом проведения указанных мероприятий обязаны разъяснить право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката. Для реализации данного положения необходимо дополнение Закона об ОРД соответствующей нормой.

Относительно предоставления лицу возможности вызова адвоката, полагаем, что очевидность данного действия прямо следует из предыдущих доводов. Нелогичным представляется разъяснение права на получение помощи адвоката, не обеспеченное возможностью этим правом воспользоваться. По нашему мнению, должностные лица органов, осу-

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 15 статьи 5, частью третьей статьи 46 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1419-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 4-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

существляющих ОРД, не должны препятствовать вызову адвоката к месту проведения ОРМ.

Следует отдельно подчеркнуть, что «не препятствовать» не означает обязанность сотрудников органов, осуществляющих ОРД, обеспечить участие адвоката по требованию лица. Оперативные сотрудники должны лишь предоставить ему возможность пригласить адвоката любым доступным способом (посредством телефонной связи, IP-телефонии и т. п.).

Для разрешения вопроса о необходимости предоставления квалифицированной юридической помощи бесплатно обратимся к Конституции РФ, в ст. 48 которой указано, что в случаях, предусмотренных законом, квалифицированная юридическая помощь оказывается бесплатно. Регламентирует оказание бесплатной юридической помощи Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹⁰. В части 2 ст. 3 данного Закона указано, что отношения, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, регулируются уголовно-процессуальным законодательством. При анализе иных правовых норм, отражающих обеспечение оказания гражданам бесплатной юридической помощи, изложенных в указанном Законе, а также иных законодательных актах, мы приходим к выводу, что предоставление подобной помощи в ходе

оперативно-розыскного процесса законодательно не предусмотрено. Соответственно, в случае требования лицом, в отношении которого проводятся ОРМ, о предоставлении ему адвоката бесплатно, сотрудник органа, осуществляющего ОРД, должен разъяснить указанному лицу нормы действующего законодательства, регламентирующие оказание бесплатной юридической помощи в России и сообщить о невозможности предоставить такую помощь в рамках ОРД.

Резюмируя изложенное, отметим, что в условиях современного нормативного регулирования при реализации права на получение квалифицированной юридической помощи в ОРД возникает ряд проблемных вопросов, требующих разрешения путем совершенствования действующего законодательства. По нашему мнению, законодательное закрепление механизма реализации рассматриваемого права при проведении ОРМ в Законе об ОРД позволит обеспечить его соблюдение всеми участниками оперативно-розыскных правоотношений, а также минимизировать злоупотребления со стороны сотрудников органов, осуществляющих ОРД. Представляется, что введение фигуры адвоката в гласный оперативно-розыскной процесс приведет к формированию такого уровня правосознания общества и государства, при котором нарушения прав человека, в том числе права на квалифицированную юридическую помощь, станут невозможными.

Список литературы

1. *Завадская Л. Н.* Механизм реализации права. М., 1992.
2. *Резер Т. М., Кузнецова Е. В., Лихачев М. А.* Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина : учеб. пособие / под общ. ред. Т. М. Резер. Екатеринбург, 2019.
3. *Фалькина Т. Ю.* Формы реализации права и механизм их осуществления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
4. *Крылатова И. Ю.* Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 3.
5. *Чечётин А. Е.* Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1(49).
6. *Бакланов Л. А.* Проведение, документальное оформление и использование результатов гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : учеб. пособие / под ред. А. М. Шукина. Тюмень, 2015.
7. *Важенин В. В., Лугович С. М.* Некоторые аспекты регулирования правового статуса должностного лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, по законодательству стран дальнего зарубежья // Общество и право. 2014. № 4(50).
8. *Головненков П., Спица Н.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия : науч.-практ. ком. и перевод текста закона // Научные труды в области немецкого и российского уголовного права. Universitätsverlag Potsdam. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf> (дата обращения: 04.12.2021).

¹⁰ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».



УДК 340.12 © Т. Е. Грязнова, М. А. Бучакова, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-184-58-62

Проблемы и перспективы конституционализма в России: взгляд отечественных юристов рубежа XIX – XX вв.



Т. Е. Грязнова, Омская академия МВД России
✉ gte3812@yandex.ru

М. А. Бучакова, Омская академия МВД России
✉ mb290163@mail.ru

Признание исторических закономерностей, убежденность в общности путей развития России и Запада, а также тщательное изучение конституционного права и конституционной практики ведущих зарубежных держав позволило отечественным правоведам обозначить ряд проблем, с которыми неизбежно столкнутся государства, вставшие на путь конституционализма. К их числу можно отнести следующие: выбор оптимальной конституционной формы (дуалистической или парламентской); закрепление в Конституции принципов законности, демократизма, господства права и справедливости; демократизация избирательного права; повышение правовой культуры народа; обеспечение качественной правотворческой деятельности. Рассматривая конституционное правовое социальное государство в качестве вектора развития просвещенных народов, авторы неразрывно связывают с ним будущее России.

Ключевые слова: конституционализм; парламентаризм; А. Д. Градовский; М. М. Ковалевский; Н. М. Коркунов; В. М. Гессен; С. А. Котляревский; Н. И. Лазаревский; Б. А. Кистяковский.

Problems and Prospects of Constitutionalism in Russia: the Vision of Russian Lawyers at the turn of the 19th–20th centuries

T. E. Gryaznova, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ gte3812@yandex.ru

M. A. Buchakova, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ mb290163@mail.ru

Recognition of historical patterns, conviction in the common character of the paths of development of Russia and the West, as well as a thorough study of the constitutional law and constitutional practice of leading foreign countries enabled domestic jurists to outline a range of problems the states, which choose constitutionalism, will inevitably face. Among them, the authors identify the following ones: choosing the optimal constitutional form (dualistic or parliamentary); consolidation in the Constitution of the principles of legality, democracy, the rule of law and justice; democratization of the suffrage; increasing the legal culture of the people; ensuring high-quality law-making activity. Considering the constitutional law-governed social state as a direction for the development of educated peoples, the authors inseparably associate the Russia's future with it.

Keywords: constitutionalism; parliamentarianism; Gradovsky A. D.; Kovalevsky M. M.; Korkunov N. M.; Gessen V. M.; Kotlyarevsky S. A.; Lazarevsky N. I.; Kistyakovsky B. A.

Несмотря на продолжительную историю конституционализма, очевидно, что и сегодня существует масса вопросов, в решении которых человечество ненамного продвинулось вперед, а в ряде случаев, напротив, утратило четкость ориентиров. Не случайно изменения, внесенные в Конституцию РФ, касаются не только аспектов, связанных с организацией и функционированием публичной власти, но и основополагающих принципов развития общества и государства (уточнено действие принципа приоритета норм международного права, введено понятие государствообразующего народа, постулирован приоритет традиционных семейных ценностей); вопросов социальной защиты граждан, решение которых направлено на достижение экономической, политической и социальной солидарности.

Имеющий место диссонанс конституционных реалий с политико-правовыми идеалами конституционализма обусловлен как динамикой развития гражданского общества, так и неуклонным ростом потребностей и ожиданий граждан, неизменно претендующих на государственное содействие в решении своих проблем.

Для Российской империи активное распространение идей конституционализма характерно начиная с XIX в. Уже в работах М. М. Сперанского можно встретить последовательно проводимую мысль об учреждении в России разделения властей, господства принципа законности, преобразовании правовой системы в соответствии с ценностями, характерными для ведущих европейских держав. Несмотря на то что имперские реалии отнюдь не способствовали конституционализации отечественного права, проблемы конституционализма неизменно находились в центре внимания либерально настроенных юристов, поскольку, признавая наличие исторических закономерностей, они были убеждены в общности путей развития России и Запада. Результаты научных поисков российских классиков политико-правовой мысли представляют интерес не только в плане знакомства с интеллектуальным наследием прошлого, но и ввиду возможности по-новому взглянуть на конституционную действительность.

Трудноразрешимость диктуемых временем задач была обусловлена не только многообразием конституционных государственных форм и эволюцией соответствующих институтов, но и отсутствием единой общепризнанной трактовки предмета науки конституционного права. В отличие от своих европейских современников, склонных в силу проживания в странах устойчивого конституционализма рассматривать государственное и конституционное право в качестве синонимов, российские юристы были убеждены в необходимости обозначения их самостоятельной предметной области. На создании

специальной науки конституционного права безотносительно к типу правопонимания настаивали, в частности, А. Д. Градовский, Н. М. Коркунов, Б. Н. Чичерин, В. М. Гессен, С. А. Котляревский, Н. И. Лазаревский, Ф. Ф. Кокошкин и М. М. Ковалевский.

Ограничивая предмет конституционного права институтами народного суверенитета, разделения властей и народного представительства, преимущественное внимание правоведы уделяли изучению механизмов государства и правовых систем Англии, Франции, Германии и США, опыт которых был положен в основу отечественной теории конституционализма.

Стремлением обособить предмет конституционного права от смежных областей знаний обусловлена и научная полемика по поводу определения основополагающего понятия конституционализма. Так, для Б. А. Кистяковского является неприемлемой распространенная трактовка конституции как «совокупности основных законов, составляющих государственный строй и определяющих состав, организацию и деятельность высших органов государственной власти» [1, с. 180]. Данное определение, как справедливо подчеркивает ученый, никоим образом не отражает специфику конституционных форм, растворяя их в традиционных классификациях. Конституцией, по его убеждению, следует считать «совокупность основных или учредительных норм права, которые устанавливают строй государства, обладающего народным представительством, и определяют состав и организацию высших органов государственной власти, гарантируя законность их деятельности и неприкосновенность известных прав личности» [1, с. 180].

В целом конституционным российские юристы признают государство, основанное на нормативно закрепленных принципах народного суверенитета, законности, разделения властей, народного представительства, незыблемости прав и свобод граждан [2, с. 334–335; 3, с. 813; 4, с. 93–97; 5, с. 309–310, 365–369; 6, с. 4–12, 258, 328–333, 362–363; 7, с. 9–22, 43, 99; 8, с. 248; 9, с. 6–10, 27, 255; 10, с. 16, 31, 67, 138–141]. Конституционализм авторы трактуют в качестве многоаспектного явления, включающего конституционное законодательство, конституционную практику, а также систему конституционных принципов, задающих вектор развития гражданского общества в направлении идеала правового государства.

Детальное изучение конституционного права и конституционной практики ведущих зарубежных государств позволило отечественным ученым выявить спектр проблем, с которыми неизбежно столкнутся страны, вставшие на путь конституционного развития, в том числе и Россия. Одной из первых

является проблема оптимальной для каждого общества конституционной формы — дуалистической или парламентской.

Преимущественное внимание правоведов сосредоточено на аналитике европейских парламентских систем, поскольку именно они рассматриваются в качестве «высшей формы, венца конституционного режима» [11, с. 272]. К неотъемлемым признакам парламентских государств — Англии, Франции, Италии, Испании, Бельгии и Голландии — ученые относят всеобщее избирательное право, широкие полномочия нижней палаты парламента, неукоснительную законность исполнительной и судебной властей, формирование ответственного министерства из партийного парламентского большинства, консенсус парламентских партий, конституционную деятельность политических партий, оказавшихся в оппозиции [10, с. 434–437; 11, с. 248–272; 12, с. 37–38, 40–41; 13, с. 250, 258; 14, с. 568].

Принципиальное отличие парламентских форм (как монархий, так и республик) от дуалистических отечественные юристы видят в формировании подлинного гражданского общества, интересы которого надежно защищены определяющими законодательную стратегию народными представителями. Не случайно С. А. Котляревский называет парламентаризм режимом «обязательной политической солидарности между правительством и органами, признанными за авторитетное выражение народного мнения» [8, с. 309].

США, Пруссия и Германия, будучи государствами дуалистическими, характеризуются главным образом наличием назначаемого главой исполнительной власти (монархом или президентом) внепартийного министерства. Что касается Российской империи, то время установления в ней конституционного строя трактуется исследователями неоднозначно. В. М. Гессен и С. А. Котляревский отправной точкой новой формы правления считают Манифест 17 октября 1905 г. Однако декларативный характер последнего позволяет М. М. Ковалевскому заявить, что «пока обещания не сменятся действительностью, мы едва ли вправе будем смотреть на акт 17-го октября как на решительный разрыв с самодержавием» [15, с. 30–31].

Большинство юристов летоисчисление конституционной монархии в России начинают с 27 апреля 1906 г. — первого дня работы обладающего расширенными законосовещательными полномочиями народного представительства. Нормативное закрепление конституционных принципов они усматривают в Основных государственных законах Российской империи от 23 апреля 1906 г. Н. И. Лазаревский подчеркивает, что «по общему характеру своего содержания и... по своей юридической природе... наши

Основные Законы 23 апр. 1906 г. вполне подходят под тип конституционных законов, как он выработан практикою западных держав» [6, с. 122].

В качестве основополагающих черт конституционного строя России авторы называют следующие: верховенство царствующей особы в системе высших государственных органов (прерогатива монарха в сфере изменения Основных законов, назначение высших должностных лиц, утверждение законопроектов); создание внепартийного правительства главой государства; отсутствие политической ответственности министров. Указанная специфика отечественного конституционализма позволила правоведом констатировать общность путей развития России и Германии, среди возможных политических форм отдавших предпочтение монархии дуалистической.

Важное значение в творчестве либеральных представителей отечественной юриспруденции уделяется осмыслению закрепленных в конституционных законах принципов права, в первую очередь законности и демократизма. Принцип законности авторы трактуют как неукоснительное соблюдение предписаний соответствующих Конституции нормативных правовых актов согласно их иерархии всеми субъектами права [1, с. 81, 178–179, 181; 5, с. 364–367, 409–411; 6, с. 6, 14, 439, 458–461; 8, с. 235, 238, 256; 16, с. 33, 318–320, 330–332, 334; 17, с. 333–336, 352–355, 363–364]. «Применение норм права по точному их смыслу, невзирая на результаты применения в тех или иных конкретных случаях, есть тот принцип законности, который составляет необходимое условие правового порядка» [17, с. 611], — отмечает Г. Ф. Шершеневич.

Принцип демократизма, согласно позиции ученых, находит выражение в конституционном закреплении законодательных полномочий народа, реализуемых либо непосредственно, либо через представителей. С. А. Котляревский подчеркивает, что именно одобрение закона народными представителями наделяет его высшей юридической силой, обеспечивая тем самым главное условие стабильного правопорядка — солидарность гражданина и закона [8, с. 253].

Называя данные принципы важнейшей составляющей конституционных правовых систем, отечественные исследователи все же считают их недостаточными для последовательного развития конституционализма.

Для России начала XX в. было жизненно важным внедрение свойственных странам парламентаризма принципов господства права и справедливости. Справедливым ученые считают правопорядок, при котором власть, провозглашая неприкосновенность личности и формальное равенство граждан, закрепляет конституционные гарантии незыблемости их

прав и свобод, в том числе социальных. «Основной задачей права... является осуществление требований общественной солидарности и идеалов общественной справедливости. Поэтому... обеспечение условий свободного существования и развития всех граждан... вот первая неотложная задача правовой политики современного государства» [18, с. 162], — пишет по этому поводу Н. И. Палиенко.

Значительное внимание в творчестве правоведов уделяется сравнительному анализу конституционного и правового государства. Далеко не все склонны употреблять данные понятия в качестве синонимов. Именно переход от простого провозглашения прав и свобод граждан к системе юридических гарантий, обеспечивающих их социальную защиту и общественную солидарность, свидетельствует, по мнению А. Д. Градовского, В. М. Гессена, Н. И. Лазаревского, Н. И. Палиенко и С. А. Котляревского, о достижении конституционным государством высшей стадии своего развития — соответствующего парламентаризму правового государства [3, с. 28–29; 8, с. 253–254, 258–259, 326, 340, 346–347; 10, с. 439; 18, с. 147–148, 161–162].

Утверждение конституционных форм актуализировало проблему демократизации избирательного права. Подчеркивая необходимость изменений в этой области, А. Д. Градовский признает, что «для большей устойчивости новых представительных государств... введение всеобщей подачи голосов представляется неизбежным» [19, с. 243]. В России решение этого вопроса усугублялось крайне низкой политической и правовой культурой населения, в основной массе имеющего весьма смутное представление не только о программных установках и защищаемых ценностях баллотирующихся кандидатов, но и о возможностях представительных учреждений. Выход из ситуации правоведы видят в искоренении невеже-

ства, расширении системы образования и политического просвещения народа.

Большое внимание в отечественном конституционном праве начала XX в. уделяется проблематике толкования законов, соотношения закона и административного указа, иерархии законов, разграничиваемых учеными по целому ряду формальных и материальных признаков.

Не менее значимым в российских реалиях было качество правотворческой деятельности, улучшение которого ученые во многом связывают с введением процедуры правотворческой экспертизы (критики положительного права), предусматривающей, согласно взглядам Н. М. Коркунова и Г. Ф. Шершеневича, определение подлинности и смысла нормы, ее соответствия конституции или общепризнанным принципам права; проверку полномочий принявшего правовой акт государственного органа или должностного лица; правильность употребления юридической терминологии [5, с. 404–407; 17, с. 690–696]. Очевидно, что именно экспертная деятельность профессиональных юристов (как теоретиков, так и практиков) в условиях становления российской представительной системы могла компенсировать неопытность и правовую некомпетентность облеченных народным доверием избранников.

Приверженность отечественных правоведов ценностям и идеалам конституционализма с неизбежностью актуализировала проблему соотношения норм национального и международного права. Юристы признавали правомерность влияния принципов международного права на национальное законодательство, но лишь в той мере, в какой это способствовало приближению России к идеалу правового социального государства, никоим образом не допуская посягательства на государственный суверенитет.

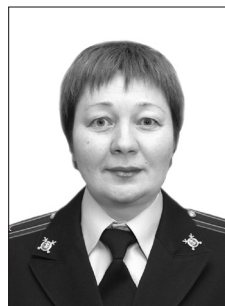
Список литературы

1. Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское). Лекции Б. А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/9 академическом году. М., 1909.
2. Градовский А. Д. Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. СПб., 1882.
3. Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Т. I // Собр. соч. А. Д. Градовского. СПб., 1900. Т. IV.
4. Коркунов Н. М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. СПб., 1890. Ч. I.
5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. СПб., 2003.
6. Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. Т. I.
7. Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907.
8. Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 1915.
9. Гессен В. М. Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам Экономического отделения СПб. Политехнического института императора Петра Великого. 3-е изд. СПб., 1914.
10. Гессен В. М. Основы конституционного права. Петроград, 1917.
11. Гессен В. М. Теория правового государства // Вестник права. 1905. Кн. 3.

12. *Ковалевский М. М.* Государство на Западе в начале XX века // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы) / под ред. М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. СПб., 1910–1911. Т. I.
13. *Ковалевский М. М.* Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2.
14. *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. М., 1895. Т. I, ч. I, II, III, IV.
15. *Ковалевский М. М.* Русская конституция. СПб., 1906. Ч. III.
16. *Чичерин Б. Н.* Общее государственное право / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2006.
17. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права // Избранное: в 6 т. Т. 4. / вступит. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2016.
18. *Палиенко Н. И.* Правовое государство и конституционализм // Вестник права. 1906. Кн. 1.
19. *Градовский А. Д.* Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. / под ред. Н. М. Коркунова. СПб., 1895.

УДК 340.13 © В. В. Пономарева, П. Ю. Овсянников, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-184-63-66

Закон о преступных племенах Индии: уникальный правовой памятник



В. В. Пономарева, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск
✉ valery_e378he@mail.ru

П. Ю. Овсянников, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск
✉ paulovsyannikov@yandex.ru

В российской юридической науке не уделено достаточного внимания анализу Закона о преступных племенах (Criminals Tribes Act) 1871 г., которым применена прямая правовая дискриминация в отношении конкретных социальных групп. Интерес авторов к этой проблеме вызван отсутствием перевода на русский язык названного нормативного правового акта, что затрудняло проведение формально-юридического анализа данного Закона. Настоящая публикация восполняет пробел научного знания в российской юридической науке.

Ключевые слова: Индия; племена; касты; преступные касты; преступные племена; наказание; преступление.

Indian Criminal Tribes Act: a Unique Legal Monument

V. V. Ponomareva, the Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Krasnoyarsk
✉ valery_e378he@mail.ru

P. Yu. Ovsyannikov, the Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Krasnoyarsk
✉ paulovsyannikov@yandex.ru

Russian legal science has not paid sufficient attention to the analysis of the 1871 Criminal Tribes Act, which applied direct legal discrimination against specific social groups. The authors' interest in this problem is determined by the fact that the mentioned normative legal act has not been translated into Russian, which made it difficult to carry out a formal legal analysis of this law. This publication fills the gap in scientific knowledge of the Russian legal science.

Keywords: India; tribes; castes; criminal castes; criminal tribes; punishment; crime.

Особый научный интерес в контексте исследования истории развития государственно-правовых отношений представляет Закон о преступных племенах (Criminals Tribes Act) 1871 г. (далее — Закон), принятый Британским правительством в Индии в конце XIX в. после восстания сипаев в 1857–1859 гг. Закон просуществовал несколько десятилетий, вплоть до обретения Индией независимости в 1947 г.

По поводу принятия данного Закона в 1871 г. английский юрист Джеймс Фицджеральд Стивен писал: «Люди с незапамятных времен следовали кастовой системе, определявшей их место работы: ткачество, плотницкие работы, и это становилось наследственной профессией. Таким образом, должно быть, были наследственные преступники, которые наследовали профессию их предков. ...Когда мы говорим о профессиональных преступниках, мы имеем в виду племена, чьи предки были преступниками с давних

пор, которые обречены совершать преступления под влиянием касты, и чьи потомки будут нарушителями закона, пока все племя не будет истреблено или не будет привлечено к ответственности, по подобию тугов» [1, р. 124].

Британское правительство убедило общественность в том, что Закон является мерой социальной защиты и поддержания правопорядка, а также инструментом перевоспитания преступников посредством труда [1, р. 124].

Племена, указанные в Законе, были определены как «преступные племена» за их «преступные склонности». Любого человека, родившегося в одном из примерно 160 сообществ по всей Индии, поражали в правах и признавали преступником. В связи с этим полиция получила широкий круг полномочий: доставлять и арестовывать таких лиц, локализовать места их проживания определенной местно-

стью, а само проживание регулировать жесткими правилами. Право на обжалование данного ограничения и, соответственно, действий полиции в судебном порядке отсутствовало. По сути, представители этих групп находились с самого рождения до конца жизни под жестким административным надзором и постоянной угрозой применения к ним уголовного наказания.

Закон состоял из двух частей и 24 статей. Первая часть «Преступные племена» («Criminal Tribes») определяла правовое положение преступных каст, которое выражалось в запретах и обязанностях. Вторая часть «Евнухи» («Eunuchs») регламентировала правовой статус так называемых евнухов, касты хиджра, общины трансгендеров, которые зарабатывали на жизнь преимущественно проституцией, мошенничеством, попрошайничеством.

Инициатива включения той или иной группы в реестр «преступных племен» исходила от местных властей, если они считали, что племя, группа или класс людей систематически совершают правонарушения. Власти вправе были обратиться к генерал-губернатору колонии и запросить разрешение признать такое племя, группу или класс людей преступным. К подобному запросу предъявлялись определенные требования. Например, если рассматриваемое племя не имело фиксированного места жительства, то запрос должен содержать информацию о том, имеет ли это племя, группа или класс законное место пребывания, является ли оно, по мнению местных властей, реальным местом проживания. Кроме того, запрос должен определять место, в которое данное племя будет помещено в дальнейшем, где будут созданы все условия для организации их заработка [2, р. 124].

В случае если генерал-губернатор выражал согласие признать преступными племя и способ их заработка, он уполномочивал власти опубликовать в местной газете объявление, означающее, что данное племя, группа или класс людей является преступным и что положения данного Закона должны распространяться на них. При этом ни один суд не мог ставить под вопрос законность таких объявлений.

После публикации объявления члены племени или класса по месту их временного пребывания подвергались переписи магистратом соответствующего административного округа, после чего племя могло быть подвергнуто принудительному перемещению к новому определяемому властями месту жительства и помещению в специальные исправительные поселения, правила функционирования которых определялись местными властями с разрешения генерал-губернатора.

Лицо, нарушавшее установленные правила, подвергалось наказанию в виде лишения свободы с обя-

зательным привлечением к труду до 6 месяцев или штрафа, бичевания либо всех или двух из указанных наказаний, или при повторном совершении правонарушения — лишения свободы с обязательным привлечением к труду до 1 года или штрафа, бичевания либо всех или двух из указанных наказаний [2, р. 124].

Лицо, на которое распространялось действие Закона, находившееся за пределами определенного для него места жительства без необходимого пропуска или в месте, не предусмотренном специальным пропуском, а также сбежавшее из исправительного поселения, могло быть подвергнуто аресту любым офицером полиции или охранником и перемещено к месту поселения.

Сельский староста или охранник деревни, в которой проживал представитель группы, признанной преступной, а также владелец земли, на которой проживало это племя, группа, класс, были обязаны немедленно сообщать в ближайший отдел полиции об отсутствии любого такого жителя или об его отъезде из деревни.

Таким образом, члены племен, групп, классов с присвоением последним статуса преступных поражались в правах. Они лишались свободы передвижения, подвергались жесткому социальному контролю, включавшему осуществление в отношении них специального административного надзора, безапелляционного применения репрессивных полицейских мер.

В 1883 г. было проведено исследование на предмет необходимости распространения Закона на остальную часть страны, выводы которого носили утвердительный характер. В 1911 г. действие Закона было распространено на всю страну. Повсеместно функционировали специализированные учреждения, где население выполняло каторжные работы. Последующие поправки к Закону увеличивали размеры штрафов. Все члены преступной касты подвергались обязательному дактилоскопированию.

Многие лица, подпадавшие под действие Закона, были переселены в полицейские деревни, где находились под охраной и постоянным наблюдением.

В 1936 г. лидер индийского национально-освободительного движения Джавахарлал Неру, осуждая Закон, комментировал: «Чудовищные положения преступного Закона о кастах составляют отрицание гражданской свободы. Никакое племя не может быть классифицировано как преступник как таковой, и сама концепция создана вне гармонии со всеми цивилизованными принципами» [3, р. 89].

Процесс по отмене Закона о преступных племенах начался после приобретения Индией независимости. В 1949 г. Закон прекратил свое действие в провинции Мадрас, после длительной агитацион-

ной кампании индийских политиков-коммунистов П. Рамамурти, П. Дживанандхама и У. Мутурама-лингама Тевара.

В 1952 г. на смену Закону о преступных племенах пришел Закон об обычных (закоренелых) правонарушителях (Habitual Offenders Act) (НОА), который ввел новый правовой статус лица — обычный (закоренелый) преступник. Им считался тот, кто стал жертвой субъективных и объективных влияний, уже участвовал в совершении преступления и был опасен для общества. Проводя аналогию с современным пониманием данного термина, такое лицо можно определить как рецидивиста. Указанный Закон повторно клеймил ранее определенные «преступные племена».

В марте 2007 г. Комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН (CERD) отметил, что «племена, причисленные к преступным, в связи с их „преступной склонностью“, согласно ранее действовавшему Закону о преступных племенах, продолжают клеймиться в соответствии с Законом об обычных (закоренелых) правонарушителях», и указал на необходимость реабилитации кочевых племен в связи с тем, что многие нормы Закона об обычных (закоренелых) преступниках заимствованы из Закона о преступных племенах. По сути, изменилось только название, а правовой статус таких лиц оставался прежним. Подобное положение дел было недопустимо в связи с тем, что согласно Всеобщей декларации прав человека «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» (ст. 1), а также «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком...» (ст. 11).

Колониализм включил Индию в современную систему мирового разделения труда. Частью этого процесса стала волна иммиграции из Индии в страны Европы, что привело к массовому использованию труда индийских рабочих в европейской экономике (в том числе в других колониях). Одной из форм такого труда стало фактическое рабство.

В период с 1834 до 1937 гг. 30 млн индийцев покинули Индию, из них менее 24 млн вернулись на родину. Такие иммигранты сформировали систему использования низкоквалифицированного (cooliesystem) труда азиатских рабочих, появившуюся в период с XIX по XX вв., в ходе которой азиатские рабочие, преимущественно из Индии и Китая, были вовлечены в производство в Африке, на Карибских островах и Юго-Восточной Азии.

Отмена рабства в европейских колониях в XIX в. создала кризис рабочей силы на плантациях. Возросла необходимость в создании новой системы рабства, что смогли решить при помощи индий-

ских иммигрантов, «чей труд стоил меньше половины от содержания прежних рабов» [4, р. 133].

Кроме того, иммигранты были более дисциплинированы и легче поддавались контролю при помощи средств экономического принуждения. К тому же интеллектуальный капитал индийцев, культурные особенности индийской цивилизации (устойчивые семейные связи, уважение к власти и контрактным обязательствам) давали им преимущество перед использованием труда чернокожих рабочих, которые «были ленивыми, ненадежными, лживыми и неспособными» [4, р. 133].

Но индийцы смогли приспособиться к такой системе хозяйствования и перешли к стратегии отстаивания своих прав. Отношение землевладельцев к рабочей силе из Индии сразу же поменялось, и они начали искать выгоды, используя рабочих из Китая. Индийские же рабочие смогли «раствориться» среди европейских колонизаторов и местного населения. Местные видели в индийцах инструмент европейской колониальной системы и силу, настроенную против национально-освободительного движения. Это стало причиной затяжных конфликтов между индийским и коренным населением в Африке, Юго-Западной Индии и на Карибских островах.

Таким образом, практика этнической законодательной дискриминации не получила продолжения не столько из-за своей неэффективности, сколько из-за несоответствия либеральной повестке. После освобождения Индии Закон о преступных племенах был отменен. 150 «преступных племен» были освобождены. Однако к тому времени большинство представителей из этих социальных групп под жестким прессом колонизаторов уже слились с нормальным населением. Но для небольшого количества племен их преступный ореол остался и, заострившись и усугубившись с течением времени, попал в массовую культуру в качестве легенд и вымыслов, распространенных средствами массовой информации. Члены бродячего племени Парадхи из Западной Индии занимают верх списка «Их разыскивает полиция», висящего в каждом участке и приводящего в трепет всех уважающих закон индийцев.

Данное явление получило характер национальной трагедии и полицейского произвола британского колониального правительства. Объективным итогом принятия законов в этом направлении является частичное искоренение этнических преступных сообществ, существовавших в Индии с XII в. Сейчас социальное положение притесняемых на протяжении многих лет групп людей представляет некий социальный катаклизм, для борьбы с которым в Индии создается множество образовательных и инвестиционных программ как со стороны правительства, так и от лица негосударственных организаций.

Список литературы

1. *Knafla L. A.* Raj and Born Criminals Crime, gender, and sexuality in criminal prosecutions. London, 2002.
2. *Criminal Tribes Act* (Закон о преступных племенах). URL: <https://ccnmtl.columbia.edu/projects/mmt/ambedkar/web/readings/Simhadri.pdf> (дата обращения: 19.12.2021).
3. *Bhargava B. S.* The Criminal Tribes: A Social and Economic Study of the Principal Criminal Tribes and Castes in Northern India // Ethnographic and Folk Culture Society. United Provinces, 1949.
4. *Nigam S.* Disciplining and Policing the «Criminals by Birth». Part 1: The making of a colonial stereotype. — The criminal tribes and castes of North India // The Indian Economic & Social History Review. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/001946469002700201> (дата обращения: 19.12.2021).



Возникновение и развитие права на свободу вероисповедания во Вьетнаме

Ш. Н. Нгуен, Российский университет дружбы народов, г. Москва
✉ sonnamnguyen0212@gmail.com

Рассматривается интерпретация права на свободу вероисповедания во Вьетнаме, которая связана с социокультурным контекстом. Данное право, закрепленное в соответствии с культурой и правом, стало важным критерием подтверждения эффективности верховенства закона. Результаты исследований подтверждают, что возникновение этого права имеет тесную связь с суверенитетом и патриотической культурой вьетнамского народа. Обновление права на свободу вероисповедания связано с присутствием принципа толерантности во вьетнамском законодательстве. Помещая ценности религии в рамки национальной культуры, государство, с одной стороны, признает разнообразие национальной культуры, а с другой — создает дополнительную возможность к достижению национального единства. Реформа 1986 г. свидетельствует о том, что законодательные положения о праве на свободу вероисповедания во Вьетнаме изначально продемонстрировали свое соответствие вьетнамской культуре.

Ключевые слова: религия; свобода; культура; законодательство; право; государство; Вьетнам.

Origin and Development of the Right to Freedom of Religion in Vietnam

Sh. N. Nguyen, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
✉ sonnamnguyen0212@gmail.com

The interpretation of the right to freedom of religion in Vietnam, which is related to the socio-cultural context, is under consideration. This right, enshrined in accordance with culture and law, has become an important criterion for confirming the effectiveness of the rule of law. The results of the studies confirm that the emergence of this right has a close relationship with the sovereignty and patriotic culture of the Vietnamese people. The renewal of the right to freedom of religion is connected with the presence of tolerance in Vietnamese legislation. By placing the values of religion within the framework of national culture, the state, on the one hand, recognizes the diversity of national culture, and, on the other hand, creates an additional opportunity to achieve the national unity. The 1986 reform shows that the statutory provisions concerning the right to freedom of religion in Vietnam initially proved its conformity with the Vietnamese culture.

Keywords: religion; freedom; culture; legislation; law; state; Vietnam.

По данным Правительственного комитета по делам религий, Вьетнамское государство признало правовой статус 42 религиозных организаций, во Вьетнаме действуют 16 религий с участием почти 56 тысяч высокопоставленных лиц и более 26 миллионов верующих, что составляет 27% населения Вьетнама*. При таком религиозном разнообразии признание и применение права на свободу вероисповедания является актуальным требованием для Вьетнама. В данной статье анализируется возникновение и развитие права на свободу вероисповедания во вьетнамском обществе через социокультурную призму.

Возвращение к концепции свободы вероисповедания во Вьетнаме

В восприятии вьетнамским обществом свободы вероисповедания последняя включает свободу верования и свободу религии. В 2016 г. вьетнамское законодательство выполнило сложную задачу, которой в международной юридической практике часто избегают, — дало определения понятиям «религия» и «верование» [1; 2]. Религия — это человеческая вера, которая существует с системой понятий и действий, включающей объекты поклонения, религиозные доктрины, религиозные правила, ритуалы и ор-

* Статистика сферы веры и религии. URL: http://btgcp.gov.vn/Plus.aspx/vi/News/38/0/274/0/14784/So_lieu_thong_ke_linh_vuc_tin_nguong_ton_giao (дата обращения: 03.06.2021).

ганизации. Вера — это вера человека, которая выражается через ритуалы, связанные с традиционными обычаями и практиками, чтобы принести духовный мир каждому человеку и сообществу.

Можно выявить множество различий между религией и верованием, а именно:

— у религии есть система доктрин, священных писаний, которые передаются через изучение и обучение в монастырях, соборах, академиях. В религии имеется система богов, церковная (религиозная) организация, существуют места поклонения, такие, как церковь, пагода. У религии есть строгие ритуалы поклонения, а также разделение между божественным и человеческим миром, например, в буддизме, католицизме, протестантизме, исламе и т. д.;

— у верований нет системы доктрин, есть только мифы, легенды. Вера имеет фольклорный характер, связанный с народной культурой. В веровании существует интеграция между божественным и человеческим миром, например, поклонение матери, поклонение создателю деревни, поклонение предкам.

Свобода вероисповедания во Вьетнаме еще не поддержана «свободой совести» во вьетнамском законодательстве. Положения о свободе совести не закреплены в законодательной истории Вьетнама, хотя в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. и Замечанием общего порядка № 22 данное право должно быть признано и защищено так же, как и право на свободу вероисповедания. Как отметил К. З. Ву, «Настоящая конституция еще не содержит положений о свободе мысли и свободе совести. Во вьетнамском законодательстве не проводится различие между свободой мысли, совести, вероисповедания и свободой выражения вероисповедания (исповедовать религию и верование)» [3].

Религия во вьетнамской культуре

Вьетнам имеет давнюю культуру, которая переживала периоды становления, трансформации и развития. Вьетнамская культура включает в себя, во-первых, культуру Юго-Восточной Азии (земледелие водяного риса), во-вторых, традиционную культуру Вьетнама, которая имеет длинную и богатую историю благодаря процессу трансформации с основными региональными и международными культурами как в добровольных, так и в принудительных формах [4, с. 53–65]. Эти две составляющие формируют вьетнамскую культуру, а именно ее патристическую и толерантную стороны. Как утверждает В. Д. Нгуен, во Вьетнаме произошло четыре культурных контакта: первый — это контакт вьетнамской культуры с китайской культурой в течение тысячелетия китайского господства; второй — слияние с европейской культурой, зародившейся в XVI в. через христианских

миссионеров; третий — взаимодействие с марксистской культурой, начавшееся с Октябрьской революции в России 1917 г.; четвертый — соприкосновение с глобальной цивилизацией, начиная с реформ Вьетнама в 1986 г. [5].

Процесс внедрения и развития религии во вьетнамской культуре выглядит следующим образом.

1. *Формирование религиозных традиций во вьетнамском обществе.* Около VII в. до н. э. появилось первое вьетнамское общество, и члены данного общества стали владельцами цивилизации водяного риса Донгшон. Культура Донгшон считается источником вьетнамской культуры, она создала особые традиции вьетнамцев, отличающие их от китайцев и индийцев до времени трансформации культуры Донгшон в соответствии с культурой Китая и Индии [6]. Религиозные традиции Вьетнама возникли благодаря цивилизации водяного риса, с верой, что «у всех есть душа», и с поклонением предкам (с VII в. до н. э.). С начала новой эры до X в. во Вьетнаме доминировали китайские феодальные династии, которые хотели, чтобы конфуцианство и даосизм доминировали над духом и мыслями вьетнамского народа [7]. Находясь под китайским господством, вьетнамский народ старался сохранить свои фрагменты цивилизации Донгшон, а также активно впитывал некоторое положительное влияние индийской культуры, чтобы развивать и обогащать собственную культуру. В период независимости, с X в., вьетнамский народ старался развить национальную культуру и поднять ее на новую высоту. Вьетнамская религиозная традиция развивалась и характеризовалась слиянием трех религий: конфуцианства, буддизма, даосизма, а также вьетнамских народных верований, в единую форму вероисповедания. Ж. Кондоминас считал, что сочетание трех религий с примитивными основами культуры Доншонг сформировало пересекающуюся, смешанную теорию, которая получила название «теория тройной религии вьетнамцев» [8, с. 256–260].

2. *Влияние европейской религиозной культуры на вьетнамское общество.* XVI век стал важной вехой, ознаменовавшей распространение католицизма во Вьетнаме [9, с. 20]. Католицизм — это мост, соединяющий вьетнамскую и западную культуры. Влияние европейской религиозной культуры на вьетнамское общество очень велико: оно вызвало модернизацию вьетнамского общества. Однако при сложном историческом и общественном контексте Вьетнама с XVI по XX вв. взаимодействие между западной религиозной и вьетнамской традиционной религиозной культурами привело к большим проблемам. Культурная трансформация между традиционной вьетнамской и западной культурами происходила напряженно, но достигла большого успеха благодаря взаимному

признанию. Такое признание внесло новое понимание во вьетнамскую национальную культуру. В конце XIX в. французские колонизаторы вторглись во Вьетнам. Согласно официальному документу вьетнамского правительства о религии 1911 г. считается временем, когда в стране был введен протестантизм [9, с. 25]. Раннее развитие протестантизма было тесно связано с правовым регулированием французского колониального правительства. В конце периода монархии вьетнамское общество попало в совершенно особую ситуацию, которая возникла в результате правления французских колонизаторов на территории Вьетнама, упадка конфуцианского режима в стране, конфликта между традиционными религиозными доктринами и католицизмом. Это привело к рождению местных религий в южных провинциях, таких как Бу Шон Ки Хыонг (1849 г.), Ту Ан Хиеу Нгиа (1876 г.), Хиеу Нгиа Та Лон (1915 г.), Минь Шу Дао (1920 г.), Минь Ли Дао (1924 г.), Као Дай (1926 г.), Тинь До Ку Ши Фат Хой (1934 г.). Учения этих местных религий по сути являются наследием, заимствованием и слиянием доктрин конфуцианства, буддизма и даосизма, что обусловило появление теории тройной религии Вьетнама [10].

Вьетнам часто называют музеем религий, что характерно для многоконфессиональной страны. Большинство основных мировых религий, таких как буддизм, католицизм, протестантизм и ислам, были распространены во Вьетнаме. Согласно восточной религиозной традиции построение модели религиозного государства является редкостью, потому что государство часто стоит выше религии, использует религию только как определенный инструмент для управления страной [11]. Поэтому до сих пор, несмотря на наличие многих религий, во Вьетнаме ни одна религия не доминирует над другой, государство выступает за равное отношение ко всем религиям согласно принципу равенства и разделения светского государства. В 2015 г. К. Х. До выразил согласие с высказыванием французского ученого Жана Боберо насчет классификации моделей светского государства и заявил, что Вьетнам принадлежит к группе религиозного плюрализма [2]. В этой группе государство выборочно признает религии, но в то же время уважает остальные религии. Из-за модели религиозного плюрализма Вьетнамским государством признается много религиозных организаций.

До появления свободы вероисповедания во Вьетнаме

По мнению У. К. Дарема и Б. Г. Шарффа, во время и после европейской и американской буржуазных революций в XVIII–XIX вв. появились идеи о правах человека в целом и свободе вероисповедания в частности [12, с. 3–4]. Эти права подкреплены принятием законов, которые применяют, и созданием Европей-

ского Суда по правам человека в XX в. Однако в XIX–XX вв. для такой колониальной страны, как Вьетнам, существование идей о правах и свободе человека столкнулось со многими проблемами.

В 1858 г. французские колонизаторы стали защитниками всего Индокитая. Французская буржуазная революция 1789 г., прославившаяся лозунгом «Свобода. Равенство. Братство», помогла утвердить права человека и создать предпосылки для секуляризации отношений между церковью и государством, что отражено во французском Законе о разделении 1905 г. Однако характер колониальной политики в Индокитае не позволял вьетнамскому народу мечтать о справедливом обращении или распределении свободы, демократии и знаний со стороны колониального правительства.

В 1862 г. между династией Нгуен и французскими и испанскими колонизаторами был подписан Договор «Нхам Туат». Статья 2 этого Договора предусматривает свободу католицизма: «Гражданам Франции и Испании, находящимся на территории Аннама (Аннам — название, данное французами Вьетнаму в то время), разрешено поклоняться Христу, а гражданам Аннама также разрешено принять христианство и поклоняться ему без ограничений. Более того, нельзя заставлять переходить в христианство того, кто не хочет быть христианином» [13]. После Договора 1862 г. был подписан Договор 1874 г. между династией Нгуен и Францией. Содержание Договора 1874 г. продолжало открывать новые положения о свободе вероисповедания, например, было исключено «оскорбление религиозных чувств»; провозглашена свобода выражения религиозных верований; устранена религиозная дискриминация; обозначены гражданские права верующих. Следует подчеркнуть, что эти положения были ограничены только католическими рамками. Другими словами, не были предусмотрены равные гарантии колониального правительства по отношению ко всем религиям, т. е. в период французского колониального господства во Вьетнаме свобода вероисповедания в соответствии с критериями современного международного права еще не была реализована.

Возникновение права на свободу вероисповедания во Вьетнаме

Несмотря на то что свобода вероисповедания не была реализована в полуфеодальный колониальный этап развития Вьетнама, прогрессивные идеи о принятии прав человека для вьетнамцев появились во времена расцвета колониального общества. По мнению ученого К. Б. Хюиня, «период 80 лет французского колониализма (1862–1945) был конфронтацией между двумя культурами Востока и Запада во Вьетнаме», и культурный период в те годы был периодом французской колониальной культуры [14, с. 186].

Французская культура резко отличается от традиционной вьетнамской культуры. По мнению Н. Фана, французская система образования обновила знания вьетнамского народа, поддерживая взгляд на все объекты с точки зрения гуманности, антидогматики, отстаивающей индивидуальность, диалог и анализ [15]. Аналитические инструменты были средством французского образования, которыми не владело «вьетнамское конфуцианство». Критическое отношение французского образования привело к большей объективности и свободе выражения, чем конфуцианское образование. Французское образование принесло с собой новые принципы: науку, демократию, свободу, закон, прогресс. Конфуцианство столкнулось с проблемой в борьбе за демократию и за построение более цивилизованного, современного общества. Таким образом, вьетнамское общество стало свидетелем развития революционных доктрин и движений, направленных на то, чтобы выработать пути развития для всей нации. Среди них наиболее успешным является национально-освободительный путь Хо Ши Мина, который изучил вьетнамское конфуцианство и получил французское образование.

Хо Ши Мин изучал пролетарскую и буржуазную революции в мире и защищал национально-демократическую революцию во Вьетнаме под влиянием Октябрьской революции в России. Путь к социализму, проложенный Хо Ши Мином, понимался как истина для угнетенных и эксплуатируемых народов в борьбе за независимость, свободу и счастье. В 1945 г. под руководством Хо Ши Мина и его партии родилась Демократическая Республика Вьетнам с новой правовой системой. После этого Национальное собрание Вьетнама признало свободу вероисповедания наряду с другими свободами в первой Конституции Вьетнама от 9 ноября 1946 г. (ст. 10). Согласно взглядам профессора Т. У. Дао, успех первой конституции Вьетнамской Демократической Республики, которую возглавил и разработал сам президент Хо Ши Мин, был «грамотным выражением ценностей», уходящим корнями в конституционализм и Вьетнам [16]. Причинами этого успеха являются, во-первых, необходимость провозглашения демократической конституции и осуществления основных прав с прогрессивным взглядом на гражданские права; во-вторых, демократический путь вьетнамской революции, который не должен слепо следовать «какой-либо западной демократической модели». Право на свободу вероисповедания в этой Конституции представляет наследие прогрессивных взглядов на права человека, сформированных в результате буржуазных революций во Франции 1789 г. и США 1776 г., а не только пролетарской революции в России 1917 г.

Итак, свобода вероисповедания вошла во вьетнамское общество через преграду борьбы за незави-

мость и очевидно была связана с патриотической культурой вьетнамского народа. Свобода вероисповедания в частности и права человека в целом зародились в контексте утраты суверенитета, поэтому права человека в отношении суверенитета были типичными для Вьетнама. В восприятии вьетнамским обществом прав человека суверенитет как право страны на независимость является предпосылкой для обеспечения прав человека. Однако для вьетнамского народа патриотическая культура, сохранявшаяся на протяжении войн сопротивления, стала мерой общественной жизни Вьетнама, включая религиозные вопросы. На ранних этапах китайского колониального периода во Вьетнаме конфуцианство как религия, идущая по пятам захватчиков, не вошло в духовную жизнь вьетнамцев [14]. В истории сопротивления и национального развития Вьетнама присутствует участие религий как важного фактора успеха [9, с. 19]. Действительно, патриотическая культура послужила основой для культурных обменов и приобщения к культуре Индии, Китая и Франции в истории Вьетнама. Следовательно, почти все религии во Вьетнаме сегодня имеют девиз, связанный с патриотической культурой. «Религия, нация, социализм», «Дорогой Господь, Патриот», «Жить по Евангелию в сердце нации» — девизы религиозных организаций, высокопоставленных лиц и верующих во Вьетнаме. Более того, был период, когда вьетнамские правовые документы о вероисповедании содержали слово «патриотизм». Например, статья 2 постановления № 21 от 18 июня 2004 г. «О вероисповедании» гласила: «Высокопоставленные лица и священнослужители обязаны регулярно информировать верующих о патриотизме, осуществлении гражданских прав и обязанностей, а также о чувстве соблюдения закона».

Таким образом, исходя из социокультурной ретроспективы возникновение права на свободу вероисповедания во Вьетнаме имеет тесные связи с суверенитетом и патриотической культурой вьетнамского народа.

Обновление права на свободу вероисповедания во Вьетнаме

Развитие вьетнамского законодательства о вероисповедании разделилось на два периода.

I период — до 1986 г.: в Конституции Вьетнама от 9 ноября 1946 г. государство признало, что вьетнамские граждане имеют право на «свободу убеждения» (ст. 10). В статье 26 Конституции Вьетнама от 31 декабря 1959 г. утверждается: «Граждане Демократической Республики Вьетнам имеют право на свободу вероисповедания, исповедовать или не исповедовать какую-либо религию». Статья 68 Конституции Вьетнама от 18 декабря 1980 г. гласила: «Граждане имеют право на свободу вероисповедания, исповедовать или

не исповедовать любую религию» и установила ограничение права на свободу вероисповедания с указанием: «никому не разрешено использовать религию в своих интересах, чтобы действовать вопреки законам и политике государства».

Однако в тот период нередко нарушались конституционные принципы свободы вероисповедания [17, с. 184–188]. Одна из главных причин — сильное влияние левых течений из стран социалистического блока, рассматривающих религию как силу, противостоящую социализму, как «опиум для народа» [1]. Для этого периода характерны тенденции ограничивать развитие религии и не принимать во внимание удовлетворение духовных потребностей народа. Наблюдения зарубежных ученых также доказывают, что поклонение предкам, религиозно-культурная деятельность, а также пагоды или храмы были запрещены потому, что считались «остатками старой культуры» и должны быть заменены социалистической культурой [18, с. 58].

II период — после 1986 г.: в этот период осознание свободы вероисповедания во Вьетнаме развивалось на основе норм международного права. В 1984 г. Вьетнам фактически присоединился к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. и начал интернализировать положения о свободе вероисповедания после реформы 1986 г. Исследование Дж. Гиллесли показывает, что силы глобализации и модернизации во Вьетнаме меняют отношение вьетнамского правительства к правам человека с интровертивного и относительного на универсальные и международные [19]. Очевидно, что использование международных норм поможет избежать произвольного снижения или повышения стандарта свободы вероисповедания из-за особенностей национального контекста, поскольку эти произвольные действия могут нанести ущерб правам человека, когда люди в одной стране могут восприниматься как подчиненные по сравнению с людьми в другой стране. Оценивая этот прогресс в стране, Дж. Гиллесли заявил, что борьба с мультикультурными проблемами побудила Вьетнам шаг за шагом к полному и универсальному пониманию принципа свободы вероисповедания, признанного во всем мире.

По мнению К. Х. До, возрождение религии во Вьетнаме после реформы 1986 г. имеет важную причину, связанную с изменением «социалистических институтов», так как духовные и религиозные потребности людей получили признание на практике [20]. В исследовании Ф. Тейлора о трансформации религиозной жизни во Вьетнаме в эпоху реформы 1986 г. подтверждается, что возрождение вьетнамской религии выступает ответом на открытую политику государства, на духовные потребности людей в условиях нестабильности рыночной эконо-

номики [21]. М. Букет отметил, что после политики обновления Коммунистической партии и государства Вьетнам в 1986 г. международные нормы постепенно проникли в национальную правовую систему, которая рационализировала правила контроля над государством, положения свободы вероисповедания, а затем установила религиозный плюрализм во Вьетнаме [22].

1990-е годы стали сложным периодом в истории Вьетнама из-за распада социалистической системы. Новые взгляды на вероисповедание были отражены в постановлении Коммунистической партии Вьетнама № 24 от 16 октября 1990 г. «Об усилении религиозной работы в новых ситуациях»: 1) религия — давняя проблема; 2) вероисповедание — духовные потребности части населения; 3) религиозная этика имеет много общего с построением нового общества.

По утверждению К. Х. Нгуена, особенность 1990-х гг. заключается в наличии прогрессивных взглядов Коммунистической партии Вьетнама на вероисповедание, в результате чего число юридических документов с 1990 г. выросло как по количеству, так и по качеству [23]. Важным этапом развития свободы вероисповедания стало положение Конституции Вьетнама от 15 апреля 1992 г. «все религии равны перед законом» после положения «граждане имеют право на свободу вероисповедания, исповедовать или не исповедовать любую религию» (ст. 70). Конституция Вьетнама от 28 ноября 2013 г. значительно улучшила положение, подчеркнув четыре важные идеи вьетнамского Закона о свободе вероисповедания в отношениях «люди — государство — религия»: каждый имеет право на свободу вероисповедания, исповедовать или не исповедовать любую религию; равенство перед законом всех религий; ответственность государства уважать и защищать это право; ответственность каждого уважать и защищать это право (ст. 24). Н. В. Данг придерживается мнения, что рассмотрение религиозных проблем в рамках этнической принадлежности стало первым решением в реализации политики свободы религии во Вьетнаме [24, с. 4–9]. Кроме того, он предложил второе решение — религия в рамках культуры [25, с. 10–15]. В исследовании К. Х. До содержался ценный анализ включения религиозной культуры в национальную культуру Вьетнама [1]. Он отметил, что помещением культурных и моральных ценностей религии в рамки национальной культуры, с одной стороны, признается разнообразие вьетнамской национальной культуры, с другой — появляется дополнительный способ к объединению народов и религий.

Положения о свободе вероисповедания также способствуют восстановлению религии во Вьетнаме, становящейся все более и более разнообразной. Число религиозных верующих в стране непрерывно

увеличивалось с периода реформы 1986 г. до наших дней. Согласно данным, опубликованным в «Коммунистическом журнале» [26], до периода реформы 1986 г. в стране было 14 миллионов верующих (в 1985 г.), а к 1990 г. — более 15 миллионов верующих. Число верующих продолжало увеличиваться — на 3,3 миллиона в 2001 г., и достигло более 21 миллиона в 2005 г., в 2017 г. их стало около 25,3 миллиона. По состоянию на конец 2018 г., население Вьетнама составляло 97 миллионов человек, 26,4% населения Вьетнама классифицируются как религиозные верующие, в том числе: 14,91% — буддисты; 7,35% — католики; 1,09% — протестанты; 1,16% — каодаисты; 1,47% — верующие буддизма Хоа Хао. Небольшие религиозные группы составляют менее 0,16% населения или 0,34% религий во Вьетнаме.

Новые взгляды Коммунистической партии Вьетнама и положения законодательства Вьетнама после реформы 1986 г., а именно с 1990 г., об отношении между вероисповеданием и культурой привели к небывалому единодушию религиозных и нерелигиозных граждан вьетнамского общества. С социокультурной точки зрения данное обновление представляет собой возвращение к толерантной культуре Вьетнама.

Таким образом, появление права на свободу вероисповедания во Вьетнаме является продуктом истории борьбы за демократию и свободу, поэтому патриотическая культура сопровождается свободой вероисповедания. Кроме того, развитие данного права тесно связано с присутствием толерантной культуры во вьетнамском законодательстве о вероисповедании.

Список литературы

1. До К. Х. Государство — Религия — Закон. Ханой, 2015.
2. Norton J. C. Freedom of Religious Organizations. Oxford, 2016.
3. Ву К. З. Право на свободу вероисповедания в соответствии с международным правом прав человека и вьетнамским законодательством. URL: https://tcnn.vn/news/detail/33814/Quyен_tu_do_tin_nguong_ton_giao_theo_luat_nhan_quyен_quoc_te_va_trong_phap_luat_Viet_Namall.html (дата обращения: 03.06.2021).
4. Ли Т. Х. История культурной трансформации во Вьетнаме // Вьетнамский журнал социальных наук. 2016. № 1.
5. Нгуен В. Д. Вопросы взаимосвязи между национальной культурой, религией и развитием в современном обществе. URL: http://btgcp.gov.vn/Plus.aspx/vi/News/38/0/240/0/1635/Doi_dieu_ve_moi_quan_he_giaua_van_hoa_dan_toc_ton_giao_va_phat_trien_trong_xa_nay_hien_hien (дата обращения: 03.06.2021).
6. Чан К. В. Вьетнамское культурное основание. Ханой, 2018.
7. Чан В. З., Чан Б. Д. История Вьетнама. Хошимин, 2001.
8. Condominas G. Vietnamese Religion // The Encyclopedia of Religions. Mircea Eliade, ed. № 15. New York, 1987.
9. Government Committee for religious affairs of The Socialist Republic of Vietnam. Religion and Policies Regarding Religion in Vietnam. Hanoi, 2006.
10. Ву Т. Т. Формы тройной религии в развитии истории вьетнамской мысли. : дис. ... д-ра истории филологии наук. Ханой, 2020.
11. До К. Х. Построение модели светского государства в среде религиозного разнообразия: неизменное и переменное — пример Вьетнама. URL: http://www.hids.hochiminhcity.gov.vn/c/document_library/get_file?uuid=fbc9902-29fa-4d1a-8842-05bd7f98823a&groupId=13025. (дата обращения: 03.06.2021).
12. Durham W. C., Scharffs B. G. Law and religion: national, international, and comparative perspectives. New York, 2019.
13. Patrick J. N. T. French Catholic missionaries and the politics of imperialism in Vietnam. 1857–1914: a documentary survey. Liverpool, 1987.
14. Хюинь К. Б. Происхождение и самобытность вьетнамской культуры. Ханой, 2018.
15. Фан Н. Связь вьетнамской культуры с французской культурой. Ханой, 2018.
16. Dao T. U. Vietnam: Basic Information for Legal Research — A Case Study of Vietnam. URL: <http://hdl.handle.net/2344/00014999> (дата обращения: 03.06.2021).
17. Sidel M. The Constitution of Vietnam: A Contextual Analysis. Oxford, 2009.
18. Malarney S. K. Culture, Ritual and Revolution in Vietnam. Hawai'i, 2002.
19. Gillespie J. Human Rights as a Larger Loyalty: The Evolution of Religious Freedom in Vietnam // Harvard Human Rights Journal. 2014. № 1.
20. До К. Х. Реконфигурация религиозной жизни во Вьетнаме сегодня: правовые вызовы // Журнал религиоведения. 2012. № 6.
21. Taylor P. Modernity and Re-enchantment: Religion in Post-revolutionary Vietnam. Singapore, 2007.

22. *Bouquet M.* Vietnamese Party-State and Religious Pluralism since 1986: Building the Father Land. 2010.
23. *Нгуен К. Х.* Прогресс законодательства о религии во Вьетнаме с 1990 года по настоящее время. URL: http://vnctongiao.vass.gov.vn/noidung/hoinghihoithao/Lists/HTKHLienKetIGE/View_Detail.aspx?ItemID=13. (дата обращения: 03.06.2021).
24. *Данг Н. В.* О политике свободы вероисповедания во Вьетнаме (часть 1) // Журнал религиоведения. 2000. № 4.
25. *Данг Н. В.* О политике свободы вероисповедания во Вьетнаме (часть 2) // Журнал религиоведения. 2001. № 1.
26. *Ву Ч. Т.* Повышение качества религиозных деятелей в нашей стране сегодня // Коммунистический журнал. 2018. № 140.



УДК 16:340.15:341.4 © Г. Ч. Синченко, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-184-74-81



Нюрнбергские военные трибуналы и Нюрнбергский кодекс 1947 г. как постклассические объекты. Часть II¹

Г. Ч. Синченко, Омская академия МВД России
✉ gsinchenko@rambler.ru

Опираясь на платформу международного права, суды над нацистскими военными преступниками, проведенные Международным военным трибуналом и Нюрнбергскими военными трибуналами, в то же время служили ее строительными блоками. Когда подчеркиваются аспекты легитимности трибуналов, уголовно-правовой базы обвинительных актов и приговоров, их политическое и идеологическое значение, тогда «право Нюрнберга» высвечивается в его международном правовом и универсальном нравственном измерении. Нюрнбергские процессы, и в первую очередь так называемые последующие, или малые, осуществлялись в режиме точечного наложения англосаксонского правосудия на системную среду романо-германского типа. В плане процессуальных форм, процедур и юридического менталитета обвинители и судьи были естественными носителями американского права, что отмечалось как ими самими, так и оппонировавшей стороной. Как следствие, чем тщательнее проводится анализ процессуальных и ментальных параметров малого сегмента нюрнбергского судебного-правового комплекса, тем больше приближенности проникает в логику рассуждений о его международном статусе. Таким образом, в нюрнбергских процессах и Нюрнбергском кодексе 1947 г. просматриваются характеристики постклассических объектов. Это свидетельствует в пользу гуманитарных методологических перспектив принципа дополнительности и служит симптомом эпистемологической корреляции социально-гуманитарного научного комплекса с постклассическим естествознанием.

Ключевые слова: научная культура; гуманитарный; постклассический; дополнительность; герменевтика; международное уголовное право; нюрнбергские трибуналы; Нюрнбергский кодекс; Соединенные Штаты Америки.

Nuremberg Military Tribunals and the 1947 Nuremberg Code as Postclassical Objects. Part II

G. Ch. Sinchenko, Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ gsinchenko@rambler.ru

Based on the platform of international law, the trials of Nazi war criminals conducted by the International Military Tribunal and the Nuremberg Military Tribunals also served as its building blocks. When aspects of the legitimacy of the tribunals, the criminal-legal basis of indictments and sentences, their political and ideological significance are emphasized, then the "Nuremberg law"

¹ Окончание. Часть I была опубликована в № 4 журнала за 2021 г. (Синченко Г. Ч. Нюрнбергские военные трибуналы и Нюрнбергский кодекс 1947 г. как постклассические объекты. Часть I. 2021. № 4. С. 350–356). В первой части статьи была допущена фактическая ошибка (с. 354). В действительности Б. Ференц был главным обвинителем по делу № 9 об айнзатцгруппах, а А. фон Книрим (Кнерием) — подсудимым по делу № 6 о промышленной группе «Фарбен».

is highlighted in its international legal and universal moral dimension. On the other hand, the Nuremberg trials, and first of all the so-called subsequent or small trials, were carried out in the mode of selective imposing of Anglo-Saxon justice on the system environment of the Romano-Germanic type. In terms of procedural forms, procedures and legal mentality, the prosecutors and judges were natural bearers of American law, which was noted both by themselves and by their opponents. As a result, the more thoroughly the analysis of the procedural and mental parameters of the small segment of the Nuremberg judicial and legal complex is carried out, the more approximate character the logic of reasoning about its international status acquires. Thus, in the Nuremberg Trials and in the 1947 Nuremberg Code the characteristics of postclassical objects are noticeable. This testifies in favor of the humanitarian methodological perspectives of the principle of complementarity and serves as a symptom of the epistemological correlation of the social and humanitarian scientific complex with postclassical natural science.

Keywords: scientific culture; humanitarian; postclassical; complementarity; hermeneutics; international criminal law; Nuremberg tribunals; Nuremberg Code; the United States of America.

Противоположности — не противоречия,
они — дополнения.
Нильс Бор

Гуманитаризацией эпистемологии как рефлексивным аспектом сближения гуманитарной и естественнонаучной мыслительных матриц обуславливается интерес к социокультурным аналогам постклассических явлений, с которыми ученые сталкиваются начиная с революции в физике и кризиса ее механистических философских оснований в конце XIX – начале XX в. В первой части статьи мы:

— предложили рассмотреть в качестве таких аналогов судебные процессы против нацистских военных преступников, проведенные трибуналами, которые были учреждены американской оккупационной администрацией в г. Нюрнберге в 1946–1949 гг. (далее — НВТ), и выработанный на одном из этих судов документ, аккумулирующий нравственные принципы научно-медицинских исследований на человеке (так называемый Нюрнбергский кодекс, далее — НК);

— ознакомились с понятием и составом нюрнбергского судебного-правового комплекса, недоразумениями и противоречиями в трактовках НВТ и НК;

— остановились на неопределенности фиксации их «координат» в системе «международное право — национальное право (право США)».

Ниже мы постараемся показать, что обозначенные контрасты и логические аномалии, на поверхностном уровне сводимые к конфликтам интересов, субъективности мнений и пробелам в эмпирической базе, имеют более глубокую причину, коренящуюся в объективной двойственности исследуемых объектов, экспликация которой нуждается в дополнительных описаниях их в терминах как международного, так и национального права.

Дополнительность интерпретаций НВТ и НК в международной и американской системе юридических координат

Герменевтике ведомо, что поступь понимания двуедина. Она направлена, во-первых, на текст, а го-

воря шире, — на дело, которое в исторически данных обстоятельствах делается тем, в чьей душе живут определенные мысли и чувства. Во-вторых, она устремлена к мыслям и чувствам «инициатора речи» (Шлейермахер), т. е. того, кто в определенных обстоятельствах делает некое дело. Юридически адаптированную версию данного общего принципа находим в чистой теории права Г. Кельзена. То, что в плоскости наблюдения выглядит поднятием руки или нажатием на кнопку пульта, в смысловом аспекте оказывается, например, голосованием в парламенте. Далее, акторы — и «в этом заключается своеобразие того материала, который является предметом социального и особенно юридического познания» — осуществляют самоистолкование, и «субъективный смысл может, но не должен совпадать с объективным смыслом, который данному акту приписывается в... правовой системе» [1, с. 422–423]. Парламентарии могут объявить, что вотируют закон, и честно вотировать закон, но могут на словах вотировать, а на деле саботировать; кроме того, нельзя исключить, что одни используют других вслепую, и т. д. Поэтому методологически важно отдавать себе отчет в том, что реконструируется: субъективный смысл акта, объективный его смысл или соотношение того и другого. Мы сконцентрируемся на субъективном смысле, который в виде тенденции может быть воссоздан по самоистолкованиям юридического персонала (обвинителей, членов НВТ, консультантов) и авторов НК с учетом обстоятельств места и времени.

Период между окончанием Первой и Второй мировых войн, а также первая послевоенная декада — пора глубоких преобразований международного права, а не отлаженных застывших форм, и некоторые его конструктивные элементы приходилось создавать или дорабатывать прямо на ходу. Скажем, словосочетание «преступления против человечно-

сти» появилось в декларации государств Антанты 1915 г. как выражение моральной и политической оценки геноцида армян, а уголовно-правовая дефиниция была сформулирована только в 1945 г. в Уставе Международного военного трибунала (далее — МВТ). С точки зрения юридического пуризма было бы гораздо лучше, если бы она получила документальное оформление со стороны Лиги наций до прихода нацистов к власти в Германии, но подходить к эпохе перемен с мерками, снятыми с периода стабильности, было бы такой же безнадежной затеей, как писать конституцию для революции. Эти перемены еще и пятьдесят-семьдесят лет спустя не сведены к общему знаменателю — скажем, не достигнуто доктринальное единство в вопросе о международно-правовой правосубъектности индивида (ср., напр.: [2, с. 11; 3, с. 12–13, 23–38; 4, с. 113–120]). Что уж говорить об оценке современниками, многие из которых за грохотом орудий отвыкли от тишины библиотек и степенного течения судебного заседания: “Order in the court (к порядку в зале суда)!”

Интернациональный аспект. Международный военный трибунал и НВТ проходили на Европейском континенте в поверженной Германии, опирались на материально-правовую и организационно-правовую базу, имевшую ядром международные и трех- и четырехсторонние акты, на скамье подсудимых и подле в роли защитников находились граждане еще недавно грозного и смертельно враждебного Третьего рейха. Наконец, суд и обвинение говорили на одном языке, а подсудимые и их защитники — на другом. В этих обстоятельствах покрывалом кондициональной причины, т. е. обусловленной победой возможности привлечь побежденных к ответу, было легко прикрыть порождающую причину судебных разбирательств, т. е. факт и характер содеянного побежденными, когда те воображали себя расой господ. Одного этого уже достаточно, чтобы проблема международной легитимности нюрнбергских трибуналов стала животрепещущей, а ведь на новой стадии международного правопорядка возникли и другие проблемы, для которых не подходили готовые решения. Точнее, новая стадия и была инициирована новыми реалиями и новыми проблемами.

Особенно остро вопрос обоснования стоял перед НВТ, в чьем контексте контакты США с западными союзниками были лишь неформальными, а с СССР — номинальными, ибо апрельское тепло встречи на Эльбе уже развеивалось холодным мартовским ветром с Фултона. Отсюда акцентиро-

ванные усилия, направленные на фиксацию НВТ в формате международного права, бок о бок с МВТ. Они нашли выражение в типичных заявлениях наподобие прозвучавшего на «Процессе против судей» (далее — ПС): «...Мы судим этих обвиняемых в суде, источник полномочий и юрисдикция которого в отношении предмета и лиц приравнивается к Международному военному трибуналу (МВТ) и совпадает с ним»². Там же они обусловили включение в текст судебного решения пассажиров на тему международного права и выдержек из соответствующих научных доктрин, например: «Международное право не является продуктом закона. Его содержание не статично. Отсутствие в мире какого-либо государственного органа, уполномоченного принимать материальные нормы международного права, не помешало его прогрессивному развитию. По образцу английского общего права оно выросло, чтобы соответствовать требованиям меняющихся условий»³. По тем же резонам в пятнадцатитомном издании «Нюрнбергские военные трибуналы. Судебные процессы над военными преступниками согласно Закону № 10 Контрольного совета в Германии» под одной обложкой с узкоспециальными данными опубликованы международно-правовые источники, начиная с Лондонского соглашения и заканчивая Уставом и Регламентом Международного военного трибунала для Дальнего Востока⁴. Главный процесс, несмотря на то что последующие имеют собственную нумерацию от 1 до 12, регулярно обозначался в материалах НВТ под номером 1. Такими способами «малое нюрнбергское право» инкорпорировалось в единый с «большим» судебно-правовой комплекс.

И еще один момент, выходящий за рамки собственно правовой культуры отчасти в специфику национального менталитета, а отчасти в экзистенциальные измерения, не должен ускользнуть от учета. Подсудные МВТ и НВТ деяния, в частности эквивалентные пыткам и квалифицированной смертной казни медицинские опыты, выходят за границы самых минималистических предпосылок взаимодействия между людьми и народами — во всяком случае, по эталонам цивилизации, принявшей наследие века Просвещения. Как позднее, уже в мемуарах, напишет Тейлор: «Нацизм был гордо признанным отказом от свободолобивых (libertarian), гуманитарных и интернационалистских идеалов, которые большинство правительств признавало по крайней мере на словах» [5]. Но в то время как большую часть Евразии произошло потрясение, поскольку там оно и про-

² *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. III. Nuernberg. October 1946 – April 1949. Washington, 1951. P. 63.*

³ *Ibid.* P. 966.

⁴ *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. XV. Nuernberg. October 1946 – April 1949.*

исходило, трансатлантическая оптика восприятия была отстраненной и недоверчивой, ибо, по словам очутившегося во время войны в Нью Йорке беглого немца из романа Э. М. Ремарка «Тени в раю», «реальная война — это та, что происходит у тебя на родине. Все остальное нереально». Американскому судье МВТ Дж. Паркеру потребовалось посмотреть лагерную кинохронику, чтобы слечь в постель на три дня и излечиться от гипотезы советской пропаганды — форма реакции индивидуально-острая, но аттитюд стандартен, известно, что под его диктовку информация о европейских ужасах скептически воспринималась, например, американской государственной администрацией. В стилистику прохладной отстраненности укладываются и данные Консультативного комитета по радиационным экспериментам на человеке, согласно которым американская пресса освещала «Суд над врачами» (далее — СВ) отрывочно, а если где-то за его ходом и следили живо, так в кругу эмигрировавших в США врачей-евреев⁵. Общую тональность отношения заокеанского медицинского сообщества к «юстициальному препарированию» нацистской медицины Дж. Кац, сам врач и профессор права в Йеле, передал широко разлетевшимися словами: «Это был хороший кодекс для варваров, но ненужный кодекс для обычных ученых врачей (physician-scientists)» [6, p. 228].

Таким образом, трансатлантическая дистанция мешала восприятию «малого нюрнбергского комплекса» в узком аспекте сведения американцами счетов с немцами⁶. Европейский и тихоокеанский опыт, напротив, помогал осознанию недопустимости повторения гитлеровского кошмара и подъему того умонастроения всеобщности, на волне которого была учреждена ООН и провозглашена Всеобщая декларация прав человека. С гребня этой волны на ПС из уст Тейлора и прозвучало: «Хотя данный Обвинительный акт предъявляется от имени правительства Соединенных Штатов, настоящее дело по существу является обвинением, которое народы мира предъявляют этим людям, совершившим преступные акты против общества, которое мы знаем как весь мир... истинное значение данного процесса выходит далеко за пределы установления виновности или невиновности данных подсудимых... Настоящий процесс взывает к нормам морали, существующим в мире...»⁷. Словом, какого масштаба война, такого и аксиология.

Эти же приоритеты (хотя и не они одни) были значимы при разработке НК, в число создателей которого входят эксперты обвинения американские врачи Э. Айви (Иви) и Л. Александер. Первый, по его собственному утверждению, верил «в профилактику, а не в „карательное средство“» (цит. по [7, p. 56]); второй уповал, что удастся сделать «нечто в самом деле монументальное, одновременно историческое и правовое» (цит. по [8, p. 199]). Историки сходятся на том, что судьи также видели в НК воздвигаемый на территории международного права заслон от будущих злодеяний [см.: 7, p. 66–67; 9, p. 138; 10, p. 197].

Национальный аспект. «...Не существует никакой специально русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения», — писал Б. П. Вышеславцев [11, с. 154]. Точно так же говорить о специально американском международном праве вряд ли приходится, однако американский (российский, китайский...) его «проект» и способ включения государства, национальных правосознания и правовой культуры в международную систему — совсем не фантазм, так как право народов является не отрицанием, а синтезом или хотя бы компромиссом между множеством несовпадающих национальных подходов и интересов.

Прежде всего, как и указывалось выше, американскую (шире — англосаксонскую) окраску имело нюрнбергское судопроизводство. Это не надо понимать буквально и искать в МВТ и НВТ процессуальный слепок с американских гражданских или военных судов: сравнительный анализ мог бы вывести на ряд более или менее существенных несовпадений. Не останавливаясь на данном слишком специальном для наших целей вопросе, выскажем допущение, что в целом свойственный прецедентной системе приоритет «надлежащей процедуры», т. е. способа движения дела, в соединении с эластичным подходом к допустимости доказательств послужил подходящей «национальной» матрицей для судебного разрешения интернациональной проблемы в конкретных исторических условиях.

И надо сказать, что английский и американский юридический персонал ревниво предупреждал и пресекал попытки представить привнесенную им на континент конфигурацию уголовного процесса как ущемление справедливости в отношении лиц,

⁵ *Advisory Committee on Human Radiation Experiments — Final Report. Release Date Copy. October 1995. P. 150–151.*

⁶ Прочитываем сравнение Тейлором американско-британского взгляда на вещи с континентально-европейским. Автор провел это сравнение в контексте МВТ, но в первой своей части оно без труда может быть спроецировано на последующие суды: «Ни Великобритания, ни Америка не пострадали от нацистского ига; Шоукросс и Джексон говорили от имени мира. Де Ментон, который участвовал в Сопротивлении и был свидетелем жестокости и ужасов немецкой оккупации, выступал от имени „народов, которые еще вчера были поработаны и подвергнуты душевным и телесным пыткам“» [5] (Х. Шорткросс, Р. Джексон и Ф. де Ментон — главные обвинители на МВТ от Великобритании, США и Франции. — Г. С.).

⁷ *Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями. М., 1970. С. 112–113.*

сформировавшихся в другой юридической атмосфере. «Мы не можем представить, что немецкое законодательство содержит более благоприятные для обвиняемых понятия. К любым менее благоприятным мы как американские судьи, прошедшие подготовку в области англо-американской уголовной юриспруденции, не склонны прибегать, даже если это не американский суд, но специальный трибунал, учрежденный в соответствии с соглашением четырех держав, вершащим (administering) международное публичное право»⁸. Так после перечисления определяющих уголовно-процессуальных принципов (презюмция невиновности, возложение бремени доказывания вины на обвинение и т. п.) высказался суд в «деле Флика». Стоило же защитнику Геринга на МВТ затронуть тему национальных правовых различий в критическом плане, как его моментально осадил председательствующий: «Доктор Штамер, я хотел бы сказать Вам, что заявление, которое Вы только что сделали, совершенно неправильно. В Англии вообще не существует кодекса судебной процедуры по уголовным делам, но во всем мире, как и на этом процессе, принято, чтобы обвинение сообщало защите о всех добытых обвинением документах, а также об имеющихся свидетелях, говорящих в пользу обвиняемых...»⁹. Что касается НВТ, то для них оценка доказательств была максимально разгружена от формализма статьей 2 Постановления № 7. Мы не знаем, было ли это сделано с учетом опыта МВТ, но незримое влияние традиций средневекового английского права справедливости вполне ощутимо¹⁰.

Итак, было бы ошибкой ограничивать национальный фактор нюрнбергского правового комплекса отдельными принципами и процессуальными формами при игнорировании их питательного ментального раствора, т. е. правосознания. А оно, разворачивая упакованное в частную национальную форму общее правовое содержание, на встречном движении по «трансатлантическому коридору» подводило международный правовой контент под англосаксонские критерии. Так, известный нам решительный оппонент легитимности МВТ судья Верховного суда США

Эйприл руководствовался неявной максимой «недостаточно американское не имеет силы для Америки как международное». Отреагировав на ст. 3 Устава МВТ «Ни Трибунал, ни его члены, ни их заместители не могут быть отведены обвинителем, подсудимыми или защитой» (идентичная норма действовала в отношении НВТ) риторическим вопросом «в какой англо-американской стране обвиняемый в преступлении, за которое угрожает смертная казнь, лишается возможности оспаривать правомочия (jurisdiction) суда?», он пошел гораздо дальше: «Нет необходимости утверждать, что согласно нашей Конституции мы не можем участвовать в функционировании созданного на договорной основе международного трибунала, чьи решения связывали бы наше правительство... Мы инстинктивно отвергаем предположение, что, если бы такой суд мог законно осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении наших собственных граждан, то всякий американец мог бы подвергнуться осуждению без суда присяжных по общему праву и без соблюдения базовых американских канонов надлежащей правовой процедуры» [13, р. 315, 319]¹¹.

Те, кто отличался от Эйприла конструктивным настроением, тем не менее были к нему близки с точки зрения механизма понимания международного права по модели права общего. Соответствующую поддержку из рассуждений НВТ III мы уже приводили, и тот же механизм, по большому счету, определял представления НВТ I, Айви и Александра в части превентивного потенциала НК. Ведь расчет на закрепление в ткани международного уголовного права с помощью индивидуального судебного решения наиболее естественен для судебно-прецедентной системы, а для других — лишь в той степени, в которой они затронуты элементами той же логики¹². Кстати говоря, американские правоведы и сейчас без затруднений сопрягают характеристики общего и международного права¹³; например, Э. Гузман и Т. Мейер расположили на этой сдвоенной платформе актуальный концепт мягкого права [15].

С той же естественностью, а нередко и спонтанностью, с которой американские прокуроры и судьи

⁸ *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. VI. Nuernberg. October 1946 – April 1949. Washington, 1952. P. 1189.*

⁹ *Нюрнбергский процесс*: сб. мат-лов: в 8 т. Т. 8. М., 1999. С. 20.

¹⁰ «...В Канцлерском суде не должно складываться предубеждение против человека на основании неправильно поданных бумаг или формальной ошибки, но лишь по существу дела» (епископ Стиллингтон, лорд-канцлер времен Эдуарда IV (XV в.)) (цит. по [12, с. 66]).

¹¹ Возможно, сейчас точка зрения Эйприла воспринимается как слишком ригидная, изоляционистская и устаревшая. Однако от этого она не перестает оставаться точкой зрения, а наши задачи по-прежнему лежат в плоскости герменевтики, а не критики.

¹² В Статуте Международного суда (1945) судебные решения действительно признаются — правда, с оговорками — вспомогательным источником права.

¹³ На этом фоне особенно хорошо заметно, что привычные нам дефиниции международного права через понятие норм (норм и принципов) (см., напр.: [3, с. 11; 4, с. 25; 14, с. 68–69]), в свою очередь, теоретически и социокультурно детерминированы, но кодом другого правопонимания и устоями другой системы права.

проводили на практике впитанные ими на родине взгляды, континентальное правовое мышление оперировало собственными мерками. В совокупности это чревато конфликтом интерпретаций. Скажем, десять этических пунктов, из которых состоит НК, представляют собой занимающую около 40% общего объема и не обособленную от остального текста часть раздела «Допустимые медицинские эксперименты» приговора СВ. На момент появления эти пункты не публиковались в виде отдельного документа и не фигурировали под привычным нам наименованием. Возникновение последнего в начале 1960-х гг. связано с выходящим далеко за границы отдельного судебного разбирательства осознанием этого, так сказать, «нюрнбергского декалога» в качестве влиятельного ответа на вопрос о правилах экспериментов на человеке [16, р. S162, S165]. Тогда почему в названии использовано слово «кодекс»? Возможно, свет прольет предупреждение французского специалиста по сравнительному правоведению Р. Давида: «Американские кодексы не идентичны европейским. Их и толкуют иначе. В кодексах видят просто плод консолидации, более или менее удачной, а не основу для выработки и развития нового права, как в странах романо-германской правовой системы» [17, с. 378]. Однако вследствие того, что наш смысловой шаблон кодекса требует официальных реквизитов самостоятельного акта, в континентальных исследованиях вокруг НК со временем образовалась мифологическая оболочка: якобы он был принят как отдельный документ (информационный протокол, приложение к обвинительному протоколу и т. д.) то ли трибуналом по завершении СВ, то ли еще каким-то органом¹⁴.

Пожалуй, еще сильнее национальную интригу нюрнбергского правосудия передают инциденты наподобие описанного выше демарша адвоката Геринга Отто Штамера. Такие эпизоды не были единичными и внезапными выпадами. На СВ защита обращала внимание не только на неведение процессуальных оппонентов относительно позиции Германии в конституционных вопросах, но в первую очередь на «большую разницу между мышлением континентального европейца и трансатлантическими юристами в вопросах конституционного права. Законы и мораль веками резко разграничивались на европейском континенте в юридическом мышлении, и прежде всего в мышлении законодателя, в отличие от государств за океаном»¹⁵. На ПС от имени всех подзащитных прозвучало: «Разница между англо-американской правовой системой и германским правом, по которому, за

их деяния, судят немецких обвиняемых, заключается не только в решении индивидуальных юридических вопросов и проблем, но носит фундаментальный и систематический характер. Англо-американское право представляется нам существенно (*vitally*) прогрессивным благодаря влиянию решений высших судов на установление прецедентов. Напротив, германское право является кодифицированным, намного менее подходящим для развития посредством отправления правосудия, но оно как таковое (*in itself*) требует соблюдения норм закона»¹⁶. И действительно, прагматическая цель таких заявлений, сколь бы очевидной она ни была, все-таки не должна заслонять глубокие различия в правовой ментальности. За всеми конъюнктурными и психологическими моментами нюрнбергского комплекса, и особенно «малой» его части, на правом берегу Атлантики стоял гегелевский тезис: «То, что есть право, лишь становясь законом, обретает не только *форму* своей всеобщности, но и свою истинную определенность... Отличие норм обычного права от законов заключается лишь в том, что знание этих законов права субъективно и случайно, поэтому они для себя менее определенны и всеобщность мысли в них замутнена...» [19, с. 247]. По левую же ее сторону ему противостоял антитезис, со временем эксплицированный американским юристом Г. Дж. Берманом: «Я должен выразить свое несогласие с неолютеранской концепцией четкого разграничения Закона и Писания, закона и милости, закона и творчества, которое в Германии XIX века привело к крайнему правовому концептуализму и позитивистскому сведению права к системе правил, принимаемых государством» [12, с. 333]. Вторая мировая была, перефразируя Клаузевица, продолжением конфликта систем мышления другими средствами. Уточним: систем мышления с вплетенным в них правовым элементом. И из того, что преступления остаются преступлениями, а виновные — виновными, никак не следует, что привлечение их к юридической ответственности проходило через отказ той или другой стороны от свойственного ей миро- и правопонимания, включая национальные его черты.

Заключение

Опираясь на платформу международного права, МВТ и НВТ в то же время служили ее важными строительными блоками. И когда непосредственными участниками малых трибуналов или сторонними интерпретаторами подчеркивается, условно говоря,

¹⁴ Мы затрагивали этот момент выше в соображениях о действии НК во времени. За дополнительными деталями снова направляем читателя к нашей статье [18].

¹⁵ *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. I. Nuernberg. October 1946 – April 1949. P. 959.*

¹⁶ *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. III. Nuernberg. October 1946 – April 1949. P. 108.*

корпускулярный аспект, т. е. вопросы легитимности трибуналов, уголовно-правовой базы обвинительных актов и приговоров, их политическое и идеологическое значение, тогда «право Нюрнберга» высвечивается в его международном правовом и универсальном нравственном измерении. Однако нюрнбергские процессы, и в первую очередь те, которые известны как последующие или малые, осуществлялись в режиме точечного наложения англосаксонского правосудия на системную среду романо-германского типа. В «волновом» аспекте, т. е. в плане процессуальных форм, процедур и юридического менталитета обвинители и судьи были естественными носителями американского права, что отмечалось как ими самими, так и оппонировавшей стороной. Как следствие, чем тщательнее проводится анализ процессуальных и ментальных параметров малого сегмента нюрнбергского судебного-правового комплекса, включая самый, пожалуй, известный его продукт, т. е. НК, тем больше приближительности проникает в логику рассуждений о его международном статусе.

Таким образом, в НВТ и НК действительно просматриваются характеристики постклассических объектов, что свидетельствует в пользу методоло-

гических перспектив принципа дополнительности, значимость которого в гуманитарном мышлении была подчеркнута М. М. Бахтиным [20] и апробировалась в ряде философских работ (см., напр.: [21; 22, с. 125–146; 23]). История собственными силами и без помощи теоретиков распорядилась в пользу правильности двойственного рассмотрения определенных ее феноменов, подгадав так, что на титульных листах томов с материалами НВТ — судов, предусмотренных коллективным решением держав-победительниц, — значится «согласно Закону № 10 Контрольного совета в Германии» (рис. 1), а все двенадцать малых процессов строились по национальной формуле «Соединенные Штаты Америки против...» (рис. 2). Герменевтикам остается идти вслед за историей, всматриваться, вслушиваться и расшифровывать ее послания. Возможно, такое движение и приведет к встрече гуманитаристики с постклассическим естествознанием подобно тому, как в далеком 1945-м произошла встреча американских и советских войск на Эльбе — древнем, еще со времен Карла Великого, географическом рубеже цивилизаций и культур.

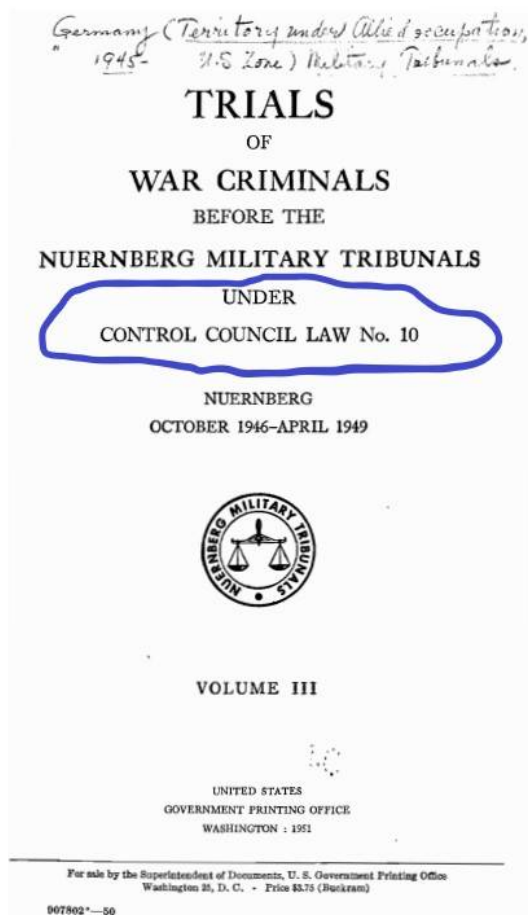


Рис. 1. Титульная страница т. III издания «Нюрнбергские военные трибуналы. Судебные процессы над военными преступниками согласно Закону № 10 Контрольного совета в Германии», содержащего документы и материалы ПС

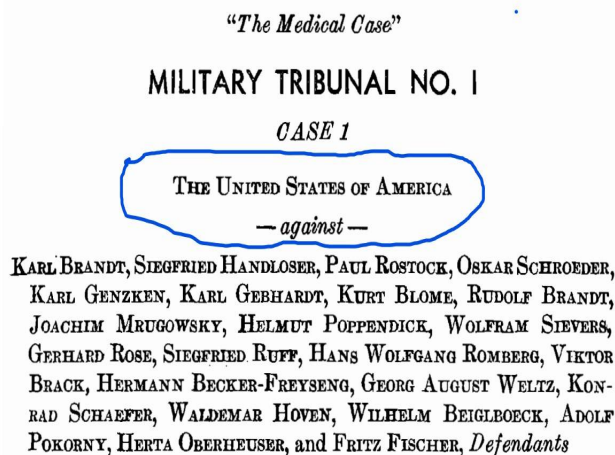


Рис. 2. Начальная страница документов и материалов судебного дела «Соединенные Штаты Америки против Карла Брандта и других» в т. I издания «Нюрнбергские военные трибуналы. Судебные процессы над военными преступниками согласно Закону № 10 Контрольного совета в Германии»

Список литературы

1. Кельзен Г. Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
2. Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 2.
3. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
4. Международное право : учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
5. Taylor T. The Anatomy of the Nuremberg Trials: a Personal Memoir : [Электронный ресурс]. New York, 1992.
6. Katz J. The Consent Principle of the Nuremberg Code. The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation. New York, 1992.
7. Weindlin P. The Origins of Informed Consent: The International Scientific Commission on Medical War Crimes, and the Nuremberg Code. *Bulletin of the History of Medicine* 2001; 75(1).
8. Schmidt U. Justice at Nuremberg: Leo Alexander and the Nazi Doctors' Trial. New York, 2004.
9. Grodin M. A. Historical Origins of the Nuremberg Code. *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. New York, 1992.
10. Glantz L. H. The Influence of the Nuremberg Code on US Statutes and Regulations. *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. New York, 1992.
11. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
12. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008.
13. April N. An Inquiry into the Juridical Basis for the Nuernberg War Crimes Trial. *Minnesota Law Rewiew* 1946; 30(5).
14. История международного права / под ред. А. И. Дмитриева, У. Э. Батлера. 2-е изд., доп. и перераб. Одесса, 2013.
15. Guzman A., Meyer T. International Common Law: The Soft Law of International Tribunals. *Chicago Journal of International Law*. August 2009.
16. Weindling P. From the Nuremberg "Doctors Trial" to the "Nuremberg Code". *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine* 2018; 130.
17. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.
18. Синченко Г. Ч. Нюрнбергский кодекс 1947 года в калейдоскопе интерпретаций и противоречий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2.
19. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
20. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.
21. Невважай И. Д. Взаимодополнительные формы активности субъекта познания: интерпретация и выражение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2011. № 3.
22. Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. Смоленск, 2006.
23. Синченко Г. Ч. Двенадцать тезисов о философско-правовом Сфинксе, или Дополнительность юрико-аналитического и этико-философского дискурсов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2.



К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают

Д. В. Попов, Омская академия МВД России

✉ dmitrivpopov@mail.ru

Термин «биополитика» появился в начале XX в. Предметную определенность биополитике придали исследования М. Фуко. Фуко связывал рождение биополитики с XVIII в. Однако «забота о населении», внимание к «естественности общества», интерес к статистике, регуляция процессов, связанных с биологической жизнью человека, характерны как для Древней Греции, так и для Древнего Рима. Это позволяет говорить об античной биополитике. Более того, возникновение государства как такового связано с аграрной революцией и domestikацией растений и животных. «Зерновые государства» распространили процесс одомашнивания на человека, что позволяет усмотреть биополитический компонент на самых ранних этапах становления человеческой цивилизации. Распространение христианства приостановило античные практики вмешательства в биологическую жизнь человека. Однако многие античные биополитические регуляторы были переосмыслены в философии эпохи Возрождения и вновь стали применяться на практике. Наконец, Модерн масштабирует применение биополитики, знаменуя переход от локального, ситуативного и кустарного биополитического регулирования к региональной и даже глобальной, всеохватной, целенаправленной и систематической биополитике. Таким образом, если биополитика и родилась в XVIII в., то исключительно в модальности повсеместной и осмысленной практики, в то время как присутствие биополитических регуляторов можно наблюдать на всем протяжении существования человеческой цивилизации.

Ключевые слова: биополитика; биовласть; население; власть; государство; человек.

To the Question of Origin of Biopolitics: a Mystery that is Unnoticed

D. V. Popov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ dmitrivpopov@mail.ru

The term "biopolitics" appeared in the early 20th century. M. Foucault's studies gave biopolitics a definite subject matter. Foucault connected the origin of biopolitics with the 18th century. However, "concern for the population", attention to the "naturalness of society", interest in statistics, regulation of processes associated with the biological life of a person are characteristic of both Ancient Greece and Ancient Rome, which suggests consideration of ancient biopolitics. Moreover, the emergence of the state as such is associated with the agrarian revolution and domestication of plants and animals. The "grain producing states" extended the process of domestication to humans, which makes it possible to notice the biopolitical component at the earliest stages of the formation of human civilization. The spread of Christianity suspended many of the ancient practices of interference in the biological life of a man. However, many ancient biopolitical regulators were reconsidered in the philosophy of the Renaissance and began to be newly applied in practice. Finally, Modern scales the application of biopolitics, marking the transition from local, situational, and artisanal biopolitical regulation to regional and even global, inclusive, purposeful, and systematic biopolitics. Thus, if biopolitics originated in the 18th century, it was exclusively in the modality of a widespread and meaningful practice, while the presence of biopolitical regulators can be observed throughout the existence of human civilization.

Keywords: biopolitics; biopower; population; power; state; human.

Рождение биополитики в интерпретации М. Фуко

Рождение биополитики М. Фуко связывает с XVIII в. — временем формирования нового типа государства, нацеленного на рациональное сочетание правовой регламентации, по преимуществу орди-

нарных и редких «децизионистских» политических решений (в политической философии К. Шмитта *Dezision* — «решение в высшем смысле», в отличие от «ординарных» решений, для которых он использовал слово «*Entscheidung*» [1]), а также регуляций на основании эмпирически обнаруженной и статистически

задокументированной «естественности общества» [2, с. 451], понимаемой «как специфическая естественность совместного существования людей» [2, с. 451]. В новом типе государства можно усмотреть влияние механической картины мира. Государство мыслится как мегамашина, состоящая из деталей, точно подогнанных друг к другу. Биополитика вносит свои коррективы в представление о государственной мегамашине, рассматривая ее по аналогии с организмом. Если механизм управляется извне, то организм самоуправляется и даже самонастраивается, поэтому новшеством в биополитической парадигме управления становится такое представление об элементах государства (индивидах, населении, организациях, институтах), в рамках которого у них обнаруживаются и культивируются свойства, присущие организму. От модели дисциплинарной власти, в которой доминируют методы дисциплинаризации, восходящие к дрессировке (например, муштра, зубрежка и т. д.), новый тип государства обращается к регуляциям, в которых явное и скрытое принуждение сочетаются с самоорганизацией и автономией.

Новая парадигма управления государством, складывавшаяся в процессе перехода от суверенной власти к биовласти, выражала тенденцию, которую Фуко обозначил как «обуправливание государства» [2, с. 164]. Обуправливание государства — заложенная в XVIII в. тенденция научного, рационально-технического и бюрократического управления биологической жизнью людей, объективированных в качестве «населения» [3, с. 271]. Для такого рода «управленчества» (фр. *gouvernementalite*) характерно «доминирование того типа властных отношений, который можно назвать „правлением“ над суверенитетом и дисциплиной, и вызывающего развитие, с одной стороны, целого ряда специфических учреждений управления, а с другой — целой категории особых знаний» [2, с. 163]. «Оправительствование государственности» [2, с. 164], следуя мысли Фуко, является переходом от государства юстиции и административного государства XV–XVI вв. к новому типу государства, в котором под эгидой правительства учреждается единая система институтов, способных непрерывно и всеохватно воздействовать на жизнь населения в желательном для правительства направлении. Новая парадигма «управленчества» проникает во все сферы жизни общества, регулирует, поддерживает, нормирует, стимулирует самые разнообразные начинания индивидов. Биовласть конструирует население, опираясь на статистику и статистически выявляемую норму, делая ставку на всесторонность и вездесущность воздействия на население (так называемую микрофизику власти), позволяющую в том числе видоизменять норму поведения в рамках телеологии власти. Предметом воз-

действия биовласти становится не столько индивид, сколько население: «Конечная цель — не что иное, как население. В качестве значимой цели выступает как раз оно, а индивиды, серии индивидов, группы индивидов, множество индивидов этим статусом не обладают» [2, с. 69]. Как утверждает Фуко, «население как абсолютно не известный юридическому и политическому мышлению предшествующих столетий политический субъект, как новый коллективный субъект предстает во всей его сложности и специфике... оно обнаруживает себя и в качестве объекта, то есть того, в отношении чего... добываясь от него определенной реакции, используют механизмы воздействия, и в качестве субъекта, поскольку требуется, чтобы оно вело себя тем или иным образом» [2, с. 69]. Население как сконструированный биовластью субъект-объект не тождественно ни народу, ни нации, ни этносу. Важнейшей стороной населения с точки зрения биополитики становится его изменчивость под влиянием воздействий извне и импульсов изнутри, что в сумме позитивно сказывается на развитии национального государства (*nation-state*, от лат. *natio* — рождение). Фуко пишет о том, что новый тип государства озаботился «работой желания» [2, с. 110–113]. Именно желание становится драйвером в развитии оправительствленного государства. Как следствие, управляющее воздействие на население трансформируется в заботу о населении, актуализируются представления о счастье и благополучии, «добром правлении». Биополитика делает ставку на игру с ненулевой суммой, в рамках которой выгоды от заботы обо всех сторонах жизни населения получают и власть, и население. Население увеличивает свое благосостояние, биовласть пожинает экономические, военно-политические и прочие плоды возрастающей отдачи от населения.

Вследствие центрального для биовласти узла приложения усилий, выражающегося в жизнедеятельности населения, под биополитикой Фуко понимал «то, как начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство» [4, с. 405]. Однако М. Фуко оговаривается, что, во-первых, биовласть отнюдь не является радикальным преодолением суверенной власти и того типа управления, который ему свойствен, во-вторых, биополитический компонент можно обнаружить в практиках власти и до XVIII в.

Возникает закономерный вопрос о датировке времени рождения биополитики. Является ли биополитика феноменом эпохи Модерна или подобный тип управления можно обнаружить в предшествующие эпохи? Время рождения биополитики представ-

ляет собой загадку, однако такого рода загадку, на которую принято не обращать внимания. Существует консенсус, в рамках которого биополитику связывают с Модерном. Вместе с тем биополитика Модерна не родилась на пустом месте, в ее основе лежат древние практики управления, на которые в дальнейшем и будет обращено внимание.

Античная биополитика

Действительно, М. Оякангас, соглашаясь с тем, что биополитика получает широкое распространение с XVIII в., тем не менее совершенно обоснованно демонстрирует, что как в теории (в трудах Платона и Аристотеля), так и на практике античный город-государство следует считать тем пространством, в котором биополитика широко применялась в области социального управления. Как убедительно показал М. Оякангас, знаменитые труды Платона («Государство», «Законы», «Политик») и Аристотеля («Политика») имеют отчетливо выраженную биополитическую составляющую. Классики моделировали «самое счастливое из возможных государств» [5, с. 12]. В государстве, целью которого становится благая жизнь всех и индивидуальное счастье каждого, вместе с тем предпринимаются целенаправленные усилия по контролю над процессами, связанными с жизнью каждого гражданина. «В своих книгах по политике Платон и Аристотель не только рассматривают все центральные темы биополитики (половые отношения, брак, беременность, роды, уход за детьми, здравоохранение, образование, рождаемость, миграция, иммиграция, экономика и т. д.) с политической точки зрения, но для них эти темы являются краеугольным камнем политики и искусства управления» [5, с. 6].

И для Платона, и для Аристотеля население было объектом управления, оба считали, что конечными целями политики являются безопасность и благополучие полиса, которые зависят от количества и качества его населения [5, с. 7]. Отметим, ставя во главу угла безопасность и благополучие, биополитика Платона и Аристотеля совершенно соответствует современной биополитике [5, с. 9]. Платон подчеркивает, что, создавая государство, правители не стремятся сделать «особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотят сделать таким все государство в целом» [6, с. 138]. Аристотель вторит ему, утверждая, что «государство не может считаться счастливым, если принимается во внимание лишь какая-либо часть, а не вся совокупность граждан» [7, с. 489]. Следуя Аристотелю, государство создается «преимущественно для того, чтобы жить счастливо» [7, с. 193], целью государства «является благая жизнь», государство существует «ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое... состоит в счастливой и прекрасной жизни» [7, с. 197].

Аристотель выступает за жесткое регулирование численности населения. «В аристотелевском государстве регулирование рождаемости является одной из важнейших задач магистратов, особенно потому, что нерегулируемая рождаемость ведет “к бедности среди граждан, а бедность порождает мятеж и преступления”» [5, с. 39]. Аристотель определяет лучший возраст для вступления в брак для женщин и для мужчин, ограничивает репродуктивный возраст, полагая, что лишь в самые лучшие годы жизни каждая пара может служить государству в деле рождения детей, оговаривает, что максимальное количество потомства должно быть установлено государством [5, с. 40]. «Что же касается числа детей, то в том случае, если установившиеся обычаи воспрещают отказ от выращивания кого-либо из новорожденных... он и не должен иметь место. Если же у состоящих в супружеском сожитии должен родиться ребенок сверх этого положенного числа, то следует прибегнуть к аборт, прежде чем у зародыша появится чувствительность и жизнь» [7, с. 527]. Половые отношения для людей старше предельного возраста деторождения разрешены исключительно ради здоровья. Согласно Аристотелю, в государстве также должно быть правило, согласно которому ни один ребенок с обнаруженными дефектами не должен воспитываться [5, с. 40]. Итак, «на биополитический характер воззрений Аристотеля указывают по меньшей мере три обстоятельства. Во-первых, конечной целью политики Стагирит считает процветание полиса и его обитателей; во-вторых, видит путь к достижению этой цели в регулировании качества и количества населения; в-третьих, будучи выдающимся натуралистом, полагает, что государственная политика должна соответствовать имманентным природным процессам» [8, с. 10].

В рамках биополитических (более того, евристических) идей Платона «лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и что потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших — нет, раз наше стадо должно быть самым отборным». Правители должны целенаправленно сводить вместе невест и женихов. Впоследствии «все рождающееся потомство сразу же поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц», «а младенцев, родившихся от худших родителей или от родителей, обладающих телесными недостатками, они укроют, как положено, в недоступном, тайном месте... поскольку сословие стражей должно быть чистым» [6, с. 180–182].

Платон использует метафоры пастуха и ткача при рассмотрении управленческой деятельности. Правитель, следуя Платону, подобен пастуху, который заботится о благополучии своих овец.

При этом пастух является и «пастырем» своего стада и «пастухом-заводчиком», который для блага стада очищает его, устраняя слабые и болезненные элементы [5, с. 80]. «Всякий пастух... и другие такие же люди не раньше берутся за дело, чем очистят с помощью соответствующего подбора стада, отделив здоровых животных от нездоровых, породистых от непородистых... тщетным и напрасным будет труд... если не произвести такой чистки. В последнем случае природная испорченность и скверное воспитание погубят в его стаде также и ту породу, что обладает здоровым и чистым нравом, а также телом... Но люди заслуживают величайшей заботливости. Поэтому законодатель должен изыскивать и объяснять, что кому подобает делать для очищения и для всего остального» [9, с. 181–182]. Для Платона искусство управления — это «искусство пасти людей» [5, с. 81]. Как отмечает М. Оякангас, государственный деятель — это даже не пастух, а управляющий пастухами, владелец ранчо, который заботится обо всем сообществе, управляя пастухами, которые, в свою очередь, заботятся о его отдельных членах. Платон уподобляет политика ткачу. Искусство государственного управления заключается в отдаче приказов и осуществлении надзора, как искусство ткачества заключается в командовании и контроле чесальщиков и иных подмастерьев, готовящих материалы и производящих ткань [5, с. 82]. Правитель-ткач создает социальную ткань с использованием инструментов-помощников и нитей-населения. Биополитика Платона и Аристотеля предельно прагматична. Регулирование жизненных процессов доходит до отбраковки тех, кто, по мнению правителей, портит общественное «стадо». «Представление о жизни, недостойной быть прожитой, не имеющей никакой ценности, — «непристойная изнанка» политики, содержащей в себе биополитику в качестве перверсивного ядра и никогда не исчезающей возможности. Этот соблазн политики перейти на уровень решения вопроса о жизни и смерти наиболее отчетливо проступает в текстах Платона, особенно в «Законах» и «Государстве»» [8, с. 12].

Итак, античные теоретики мыслили полис биополитически, уделяя самое пристальное внимание населению, его количеству и качеству, т. е. благополучию, здоровью, труду, образованию, счастью. Модель идеального полиса включает всестороннее воздействие управленцев на население.

Реальный античный полис осуществлял практики, сходные с теоретическими разработками классиков. Например, в Афинах была учреждена астиномия — институт городского управления, непосредственно осуществляющий от лица полиса попечение о гражданах. Отметим, что астиномами (*др.-греч.* ἀστυνόμοι) греки называли богов — хранителей го-

родов, наделяя их свойством охранять безопасность города. Астиномы — должностные лица, исполняющие общественно полезные обязанности для благой жизни в городе. «В системе афинской демократии было множество различных коллегий магистратов, основными функциями которых была организация управления внутри города Афин и порта Пирея, так сказать, городских магистратов. Первыми из них были десять астиномов, следивших за порядком и чистотой, т. е. за санитарным состоянием города, и десять агораномов, смотревших за соблюдением правил рыночной торговли. Десять метрономов отвечали за правильность мер и весов, десять ситофилаков, «хлебных надзирателей», специально следили за ценами на хлеб — основной продукт питания афинян... Коллегия из 11 человек выполняла полицейские функции... ежегодно в различные коллегии в Афинах избирались до 700 должностных лиц» [10, с. 169]. Данью уважения к начинаниям древних афинян следует считать то, что в современной Греции слово ἀστυνομία (астиномия) обозначает полицию, а ἀστυνομικός (астиномикос) — полицейского.

Еще более широкие полномочия и значение для жизни римлян обрели цензоры. «Цензор (от *лат.* *sensere* — оценивать) — в Древнем Риме государственная должность, утвержденная законом в V в. до н. э. В функции цензора входило в первую очередь проведение цензов, т. е. оценивание имущества граждан, что определяло уровень налогообложения и военные обязательства, финансовый контроль, надзор за общественным имуществом, а также контроль соблюдения нравов» [11, с. 243]. Цензор — хранитель статистических данных о жизни древнеримского государства, попечитель общественного благополучия и нравов, демограф (цензоры могли лишать наследства и налагать штрафы за бездетность, стимулируя рост населения), распределитель материальных благ (цензоры оказывали давление на зажиточных римлян с целью стимулирования благотворительности) — агент биополитического регулирования в рамках заботы о жизни населения. В Риме «цензор был инстанцией, где решались все, как принято сейчас говорить, частноправовые претензии индивидов к государственной кассе и наоборот. Однако цензор был также инстанцией, ответственной за улаживание споров между частными лицами... вытекающих из отношений с государственным имуществом» [11, с. 102]. Цицерон в своем проекте общественного устройства наделяет цензоров весьма обширными полномочиями: «Цензоры да исчисляют народ по возрастам и составляют списки потомства, челяди и имущества; да ведают они городскими храмами, дорогами, водопроводами, эрарием, поступлением дани; да распределяют они народ по трибам, делят население по имуществу, возрастам и сословиям, на-

значают юношество в конницу и пехоту, запрещают оставаться безбрачными, надзирают за нравами народа, не оставляют в сенате опозорившихся людей» [12, с. 201].

Население, забота о населении, статистические сведения, нормы и управление как социально-политической (*bios*), так и биологической жизнью (*zoe*) — широко распространенная практика древнегреческих полисов и древнеримского государства, послужившая прообразом для биополитических практик, сложившихся значительно позже в позднем Средневековье, эпохе Возрождения и эпохе Модерна.

Биополитика в Древнем мире

Возможно, биополитическая проблематика имеет еще более раннее происхождение. Дж. Скотт связывает с биополитикой само происхождение государства. Скотт демонстрирует, что рождение государства не является гладким, мгновенным и повсеместным событием. Он рассматривает формирование первых государств в контексте их непрерывного противостояния безгосударственным народам, обладавшим определенным сложившимся образом жизни охотников и собирателей, предоставляющим ряд выгод. Например, охотники и собиратели в сравнении с жителями государств, прошедшими через аграрную революцию и ставшими оседлыми земледельцами, имели более разнообразный рацион питания; их стоянки не были густонаселенными, не имели соседства с одомашненными животными, вследствие чего не было опустошительных эпидемий, явившихся следствием перехода патогенов от животных к человеку в условиях антисанитарии и скученности в зонах оседлости; наконец, охотники и собиратели были более мобильными, больше знали о флоре и фауне, были лучше интегрированы в природную среду обитания, легче адаптировались к изменениям. Скотт считает, что «жителей гор следует воспринимать как сообщества беглецов и бродяг, сознательно выбравшие для жизни необитаемые территории и в течение двух тысячелетий спасавшиеся от угнетения, с которым было сопряжено государственное строительство на равнинах, — от рабства, воинской повинности, налогов, барщины, эпидемий и войн» [13, с. 30]. П. Кластр прослеживает длительное противостояние общества и государства, утверждая, что «первобытные общества — это общества без государства» [14, с. 38], в них «нет короля, но есть вождь, который не является вождем государства», «вождь не располагает ни властью, ни способностью к принуждению, ни возможностью приказывать», а «государственный аппарат в целом точно не может зародиться в первобытных вождествах» [14, с. 47–48]. Первобытные общества ведут «экономику выживания» (фр. «*économie de subsistance*») [14, с. 38], «только если мы понимаем под этим не нужду, которая якобы происходит от нехват-

ки, от немощности этого типа общества и его технологий; но напротив — отказ от ненужных излишков, намерение согласовывать продуктивную активность с удовлетворением потребностей» [14, с. 41–42]. Отказ от оседлости и централизации власти, эгалитаризм, семейная экономика, отсутствие монополии на принуждение, сконцентрированной в руках определенной группы лиц, автономия вплоть до добровольности в принадлежности группе — все эти черты М. Салинз, П. Кластр, Дж. Скотт обнаруживают у многочисленных безгосударственных народов, которые избегали огосударствления. «Как говорят, история народов, имеющих историю — это история борьбы классов. Можно сказать с не меньшей уверенностью, что история народов, не имеющих истории, — это история их борьбы против государства» [14, с. 54]. Драматическая борьба между стратегией построения государства и отказом от такового длилась довольно долго, завершилась победой государственности, использовавшей ряд эффективных средств, по своему духу совершенно биополитических.

Дж. Скотт демонстрирует, что государство с момента своего возникновения включает в себя элементы биополитики. В возникшем государстве «одомашнивание зерновых — главное условие постоянной оседлости» [15, с. 65]. Аграрная революция сделала ставку на зерновые. Зерно создавало запасы пищи, являлось мерой обмена и налогообложения (посевы видны; сбор урожая происходит в определенный срок; зерно можно перемещать и хранить без ущерба для него; люди нуждаются в зерне для выживания), привязывало земледельцев к плодородным территориям, делало зависимыми людей от техник земледелия и власти, обеспечивавшей безопасность на сельскохозяйственных угодьях. Зерновые, будучи одомашненными культурами, позволили государству одомашнить человека. «Мы склонны позиционировать свой биологический вид как „агента“ одомашнивания: „мы“ одомашнили пшеницу, рис, овцу, свинью и козу. Но если мы посмотрим на ситуацию под несколько иным углом, то окажется, что это мы были одомашнены» [15, с. 108]. Скотт полагает, что вслед за domestикацией растений и животных последовали практики одомашнивания человека вообще и женщин в частности, направленные на регуляцию численности населения, властную организацию труда, расселения, миграции, механизмов безопасности.

Суверенная власть, возникающая в Древнем мире, со времен Месопотамии не только обращается к регламентации закона, но и к регуляциям, основанным на жизненных процессах, в круг которых включен человек как биологическое существо. Более того, особая роль статистики, благодаря которой, следуя Фуко, возникает само понятие «населения», име-

ет древние корни, поскольку учет населения и сбор налогов являются ключевыми элементами в ходе образования государств. Скотт отмечает: «Полезно вспомнить, что рабочее определение подданного королевства фиксировало не столько этнический, сколько гражданский статус — как человека, который должен платить налоги и отрабатывать барщину» [13, с. 236]. Государства Древнего мира осознанно и целенаправленно применяли в отношении населения те же способы, что и биовласть XVIII в. и позже: подданного конструировали с использованием экономических, военно-политических, идеологических и культурных инструментов. Предлагаемая сделка, в ходе которой безопасность обменивалась на лояльность и уплату налогов, подразумевала идеологическую обработку и инклюзию в тот порядок жизни, который устанавливало и поддерживало государство. «Граница, показывающая, где начинается варварство, одновременно отмечает, где заканчиваются налоги и зерновые. Китайцы использовали определения „сырой“ и „приготовленный“, чтобы различать варваров» [15, с. 52]. Тесная связь между гражданством, учетом населения и налогообложением, например, для Древнего Китая означало, что инкорпорирование в государственное пространство равносильно оплате налогов и звучало как «попасть на карту» [13, с. 145]. Зависимость богатства государства от численности и лояльности населения заставляла власть заниматься «разведением» населения: удерживать подданных гарантиями безопасности, вести набеги в целях захвата рабочей силы, заниматься индокринацией населения на основе создаваемого государством «космологического бахвальства», которое было призвано маскировать политическую и военную несостоятельность [13, с. 172].

М. Дуглас убедительно показывает, что своими корнями индокринация уходит в далекое племенное прошлое человечества. Так, племена формировали свои космологии, в которых противопоставлялись порядок и беспорядок, рассматриваемый как угроза, опасность, нечистота и загрязнение. «Как мы знаем, грязь — это по сути беспорядок... Грязь восстает против порядка. Устранение ее — это не негативное действие, а позитивное стремление организовать окружающий мир» [16, с. 23]. Древние общества формировали системы взглядов и ритуалов, направленных на противоборство опасностям и возможности загрязнения. В рамках выстроенной системы упорядоченных отношений осуществляется борьба с тем, что противостоит этому порядку. «Там, где есть грязь, есть и система. Грязь — это побочный продукт систематического упорядочивания и классификации материи, — в той мере, в какой это упорядочивание включает отвержение неподходящих элементов. Такое понимание грязи приводит нас непосредственно

в область символизма и предполагает возможность увязки с более очевидной символической структурой чистоты» [16, с. 65]. В рамках космологий древних всякий носитель воззрений и образа жизни, не вмещающийся в предлагаемую систему взглядов, наделяется признаками опасности, беспорядка и нечистоты. Воспринимаемый как угроза миропорядку, такой человек или группа подвергаются навешиванию ярлыков (клеймению), стигматизации и преследованию. Именно так первые государства относились к безгосударственным народам. Лояльный государству (а главное, платящий налоги и несущий воинскую повинность) становился добропорядочным гражданином, а нелояльный безгосударственный сосед опознавался как носитель признаков зла, нечистоты и хаоса. Один и тот же человек, в зависимости от его положения относительно инклюзии/экслюзии в государство, мог наделяться/не наделяться определенным набором качеств и, соответственно, быть преследователем или преследуемым. В этом способе идентификации усматривается биополитическое использование расизма в той расширительной трактовке, которую ему придал М. Фуко [17, с. 268].

Кроме того, Фуко рассматривает «пастырскую власть», выражающую непрерывный, последовательный и всесторонний контроль над духовной жизнью человека с позиций господствующей религиозной и одновременно социально-политической системы взглядов, в качестве одной из ближайших предпосылок зарождения биовласти. Одновременно Фуко считает, что дисциплинарное общество с его арсеналом средств формирования привычек и навыков индивида выступает фундаментом биополитики, сочетающей элементы самоуправления в пределах статистически обнаруживаемой нормы, что и составляет саморегулируемую «естественную социальность», и прямого властного распоряжения жизнью людей в рамках системы учреждений, формирующих человека в соответствии с телеологией биовласти. Биовласть — широкомасштабная и систематическая технология властной организации жизни, однако «космологическое бахвальство», методы устрашения и практики наказания, унификация налогообложения и социально-культурной жизни подданных, а также формируемые механизмы безопасности в обмен на труд, налоги, воинскую повинность и воспроизводство населения можно считать опробованными уже в Древнем мире. В таком случае прообраз биополитики Модерна и, следовательно, вопрос о рождении биополитики отодвигаются ко времени зарождения государств.

Интересным свидетельством является Библия. Во-первых, заповедь «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1: 28)

может рассматриваться как основание демографической, экологической и, как следствие, биополитической и геополитической систем координат в развитии человечества. Во-вторых, библейская история об убийстве Каином Авеля и дальнейшего распространения в качестве приоритетного направления развития не модели кочевого скотоводства и обособленной семейной ойкономии, с которой можно ассоциировать Авеля, а модели зернового земледелия, градостроительства и государственного строительства, с которой Библия связывает именно Каина, позволяет обнаружить неожиданное религиозно-мифологическое подтверждение аргументации Скотта. В-третьих, Ветхий Завет изобилует эпизодами, которые можно отнести к области биополитики, когда она становится танатополитикой. Так, в Ветхом Завете присутствует инфантицид, геноцид, истребление в целях освобождения «жизненного пространства». Эта «политика жизни» средствами «работы смерти» как будто сошла со страниц работ Р. Эспозито, А. Мбембе или Р. Брайдотти, посвященных некрополитике и танатополитике. Но тогда рождение биополитики следует отнести ко временам библейским, т. е. древним, как сам мир.

Ранние христианские общины и «приостановка» биополитики

Наконец, обращает на себя внимание исключение из правил, которое, как это часто и бывает, правило подтверждает. Речь идет о том вычете в области биополитического управления, который представляет собой эпоха раннего христианства. М. Оякангас замечает, что христиане отказались от обычных для античной Греции и Древнего Рима практик оставления детей, у которых по определенным правилам, соответствующим медицинским знаниям эпохи, определялись дефекты новорожденных, препятствовавшие, с точки зрения накопленного опыта античных врачей, нормальной жизни человека в обществе в будущем. Кроме того, христиане запрещали аборты, контрацепцию, вообще любые практики вмешательства в процесс (таинство) появления на свет новой жизни. Безусловно, с появлением христианства «жизнь ребенка, даже жизнь плода в утробе матери, стала неприкосновенной и, следовательно, недоступной для биополитических манипуляций» [5, с. 123]. Христианство радикально меняет отношение к регулированию численности населения любым образом: «...если мы перейдем от языческого к Христианскому Риму, разрыв с древней традицией биополитики становится все более заметным. С распространением христианства, во-первых, интерес к мирским делам значительно уменьшился, и не в последнюю очередь, когда дело касалось политических и экономических вопросов... Во-вторых, девственность и безбрачие,

как правило, считались более священными состояниями, чем брак и семейная жизнь. В-третьих, поскольку закон... стал божественным повелением, он больше не был простым инструментом, который можно было использовать для обеспечения безопасности и счастья государства и его жителей... В-четвертых, вместо того, чтобы быть чем-то, к чему следует стремиться, телесная сила стала признаком тщеславия и гордости: умирающий аскет заменил мускулистого атлета в качестве образца для подражания» [5, с. 120–121]. Можно констатировать, что вмешательство в жизненные процессы стало проблематичным и даже запретным.

Принципиальный отказ от подобных практик был связан с парадигмальным смещением в понимании, во-первых, роли Бога и человека в регуляции жизненных процессов (Бог, а не человек, дарует жизнь; Богу, а не человеку, дано распоряжаться жизнью людей; Бог, а не человек, определяет, жить ли человеку или нет, даже несмотря на то, что человек обладает особенностями, которые люди считают несовместимыми с жизнью), во-вторых, с изменением представлений о целях жизни — так, спасение и праведная жизнь замещают счастье и благу жизнь в числе приоритетов земного существования человека. Забота о телесном здоровье, воплощенная в образе атлета, вытесняется пренебрежением к потребностям тела в аскезе, непочетное для античного грека и римлянина безбрачие и девственность получили преимущество перед браком и рождением потомства. Собственно, и государство как политический союз во имя благой жизни уступил место религиозной общине, которая воспринимала государство именно как наследие братоубийцы Каина, как «великую разбойничью организацию» (Бл. Августин). Парадоксальная логика отрицания государства выразилась, например, у францисканцев в полном отказе от собственности и подчинения закону [18]. Ведущие «евангельскую жизнь» францисканцы стремились уподобиться Христу, принять его «форму жизни». Монахи сознательно включали свою жизнь в режим чрезвычайного положения нахождения в состоянии крайней необходимости ко всему, что составляло жизнь обывателя — пище, жилищу, предметам быта, сексу [19].

Безусловно, вышесказанное не означает, что практики, например, контрацепции, аборта, знахарства исчезают, однако они становятся маргинальными, преследуемыми, общественно порицаемыми. Происходит инверсия сложившихся практик регламентации и регуляции жизни в социуме на основании идеалов евангельской жизни. Отказ от биополитических инструментов регуляции численности населения, здоровья, труда, общежития получил одобрение Церкви и заложил основы принципиаль-

но иного способа организации общественной жизни. В центре этого миропорядка — вечность. Ранние христианские общины «обживают» вечность. В контексте вечности телесность — приходяща, жизнь человека — контингентна, недостатки — поправимы, продолжение рода — сомнительно (ввиду грехопадения человека и, как следствие, порчи земного мира). Приостановку биополитики по греко-римскому образцу тогда можно объяснить переосмыслением предназначения жизни человека.

В рамках этого процесса начинает проявляться новая форма биополитики, ориентированная на то, что Фуко обозначает как «пастырство», которое представляет собой окормление, дознание (в крайней форме, инквизицию (от лат. *inquisitio* — «разыскание, изыскание, исследование»)), контроль над душами прихожан со стороны пастырей-священнослужителей, а равно взаимный контроль прихожан друг за другом. Обязательность исповеди, наложение епитимий становятся проявлениями заботы о душе, пришедшей на смену заботе о теле. На место *дефекта* тела приходит *ересь* (от др.-греч. αἵρεσις — выбор, направление, школа, учение), рассматриваемая как дефект (грех) души. Пастухи-заводчики отбраковывали непородистых и нежизнеспособных особей в стаде животных, платоновские мудрецы и стражи не поощряли браки и потомство «непородистых» людей, а из биополитики, вытекающей из «колонизации вечности», следует борьба с ересями. По мере становления Церкви на место конкретного порядка жизни полиса приходит догматически определенный порядок жизни, ориентированный на спасение души. Появляются иерархии, каноническое право, привилегии, наказания, приоритеты, биополитическая стратегия, отбор и отбраковка. Обжитое пространство вечности, приобретая характер доктрины вероучения, осуществило «реколонизацию» земного пространства государств и городов Средневековья, переопределив жизненные практики подданных королей и прихожан Церкви на основании канона, в котором определено приоритетное место спасению души и задано отношение к телу и процессам, связанным с биологической жизнью (пост, воздержание, «труд в поте лица своего»). Так или иначе, в режиме нового типа дозволений или запретов, биополитика возвращается в сферу регулирования социальных процессов. Намечается путь, в рамках которого формируется современная биополитика как единство стратегий греков-римлян и христиан — контроль над телом, душой и духом.

Возрождение биополитики в эпоху Возрождения

В эпоху Возрождения христианские идеалы и античная традиция переосмысливаются в рамках утопических построений. В утопиях возрождается идея сопряжения индивидуального счастья и общественного благополучия. Настойчиво воспроизводится идея ра-

ционального управления общественными процессами, включая те, что непосредственно связаны с жизнью человека: деторождение, брак, труд и обеспечение потребностей, отдых, здоровье, предотвращение болезней и эпидемий, долголетие, счастье.

Следует отметить, что сквозь утопические идеалы просматривается образ Сада, в котором орудуют трудолюбивые садовники. Возможно, на архетипическом уровне идея благополучно устроенного общества в иудео-христианской культуре ассоциируется с Эдемом. Наверняка идея возделывания (следует напомнить, что и понятие «культура» происходит от возделывания), вложенного труда, приложения усилий ассоциируется с результативностью, а значит — успехом, достатком и благополучием. Наконец, сам по себе уход за Садам можно связать с надеждой на плоды, а значит с гарантией если не изобилия, то выживания, т. е. онтологической защищенностью. Напротив, образ пустыни, пустоши как будто напоминает: «Оставь надежду всяк сюда входящий» из «Божественной комедии» Данте. И если ухоженный Сад является метафорой утопий, то Пустыня настойчиво воспроизводится в антиутопиях более позднего периода. В редком случае «Дюны» Ф. Герберта — практически безжизненный безводный мир таит надежду на возрождение, в то время как миры Ф. К. Дика («Мечтают ли андроиды об электроовцах?»), Р. Моргана («Видоизмененный углерод») и даже «Кин-дза-дза» Г. Данелия безутешны. Антитеза Сад/утопия vs Пустошь/антиутопия демонстрирует глубоко укоренившуюся в сознании человека архетипическую связь между благой жизнью в обществе и гармонией с природной средой, что выражается как в счастливом союзе людей, так и в разумном природопользовании. Возможно, именно противопоставление Сада и Пустыни соответствует противопоставление «экологии разума» и «экологии сорняков», которое можно обнаружить у Г. Бейтсона.

Итак, стихийное регулирование, упование исключительно на Бога уступают религиозно-философским констелляциям, в которых изобретательно описываются многочисленные инструменты управления для различных сторон жизни. Однако тон произведений, воспроизводящий платоновский философско-мифологический стиль описания жизни атлантов в «Тимее» и «Критии», остается не критично-повествовательным, передающим восторженно-одобрительное отношение выдуманных путешественников, случайно ставших свидетелями величия, благополучия и могущества вымышленных утопий, т. е. «нигдеи» (лат. *Nusquam*) — мест, которых нет. Общими местами становятся регулирование брака в духе стихийной евгеники родом из античной биополитики, регламентация собственности и труда, перераспределение материальных благ, воспитание

и поощрение тяги к знаниям, что во многих случаях становится критерием для отбора управленцев. В целом мотивы античной биополитики старательно воспроизводятся, но, безусловно, смягчаются христианскими ценностями любви к ближнему, милосердием и равенством в духовном отношении.

Например, Т. Мор воспроизводит «смешной обряд» утопийцев, в ходе которого при выборе себе супружеской пары потенциальные жених и невеста под контролем «уважаемой матроны» и «почтенного мужа» предстают друг перед другом голыми. Проводится прямая аналогия с покупкой домашнего животного, ведь «при покупке жеребенка, где дело идет о небольшой сумме денег, люди бывают очень осторожны: хотя лошадь и так почти голая, они отказываются покупать ее иначе, как сняв седло и стащив всю сбрую, из опасения, что под этими покровами таится какая-нибудь болячка. Между тем при выборе жены, в результате чего человек получит на всю жизнь удовольствие или отвращение, они поступают очень неосмотрительно: окутав все тело одеждой, они оценивают и соединяют с собою женщину на основании пространства величиною чуть не в ладонь...» [20, с. 136]. Отмечая важность не только характера, но физических преимуществ, Мор отдает должное античной биополитике в целом и платоновской евгенике в частности. Более того, утопийцы Мора стремятся к счастью в земной жизни, а Утопия преследует цели благой жизни на земле, что соответствует аристотелевской модели биополитики. Мор допускает разводы и повторные браки, «если характеры мужа и жены недостаточно подходят друг к другу, а обе стороны находят других, с которыми надеются прожить приятнее» [20, с. 136].

Ф. Бэкон, всячески восхваляя целомудрие бенсалеменцев, придерживается линии Мора: «Читал я в одной вашей книге, описывающей некое воображаемое государство, что там вступающим в брак разрешается предварительно видеть друг друга нагими. Этого здешние жители не одобряют; ибо считают оскорбительным отвергнуть кого-либо после столь близкого общения. Но из-за наличия у мужчин и женщин многих тайных телесных изъянов прибегают они к более учтивому способу, устраивая вблизи каждого города по два водоема, называемых водоемами Адама и Евы, где одному из друзей жениха, а также одному из друзей невесты дозволено видеть их порознь, нагими во время купанья» [21, с. 30].

Наиболее последователен в восстановлении античной биополитики Т. Кампанелла. В его Городе Солнца выстроена всесторонняя система управления, своей всеохватностью превосходящая платоновское идеальное государство. Кампанелла вполне разделяет платоновскую евгенику, дополняя ее стихийные и традиционные способы специальными познания-

ми экспертов из области астрологии и естественной магии. «Евгенической политикой в Городе Солнца руководит, говоря на языке соляриев... Любовь, один из трех соправителей при верховном правителе Солнце... Руководители... на местах определяют подходящих для улучшения породы брачных партнеров и организуют их брачное соитие, соблюдая определенный ритуал и сообразуя время соития с астрологическими данными и советом врача. То, что ведомство, руководящее порядком брачных отношений, возглавляет соправитель Любовь, говорит о том, что Кампанелла хотел бы невозможного: чтобы сама евгеника была любовной» [20, с. 29–30]. Налицо оригинальное сочетание античных биополитических практик и христианских ценностей. «Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой. В ведении того же правителя находятся воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям» [20, с. 185–186]. В трудах Кампанеллы пастырь-духовник и пастух-заводчик становятся одним и тем же лицом.

Общими местами для утопистов становятся ограничение права собственности как источника конфликтов и вражды, что соответствует воззрениям Платона, всестороннее использование в управлении государством научных знаний во благо населению, регулирование труда, поощрение творческой деятельности, организация коллективного самоуправления, несущего выгоду всем. Утописты Возрождения создают благодущный образ общественного управления исходя из высоких идеалов, разделяемых населением. Возможность такого гармоничного общественного устройства выглядит для мыслителей реалистичной, что связывается с очевидными преимуществами утопических миров, яркими красками высвечиваемыми для читателя. Начиная с «Монархии» Данте Алигьери идея согласования идеалов спасения души и благополучия в земной жизни в рамках разумно организованного государства становится все более привлекательной. Для Данте существует возможность вернуться в Эдем ветхого Адама. Данте полагал, что для человечества существует возможность достижения земного рая рациональными средствами — не «по благодати», а при помощи разума, морали и права. «Согласно Данте, в собственных силах человека было вновь обрести чистоту первочеловека, снова войти в Эдемский сад, в конце концов вернуться к Древу познания и уничтожить воздействие его плодов, обратившее Адама из господина в раба» [22, с. 616]. Авторы многочислен-

ных утопий как раз и воспроизводят системы управления обществом, напоминающие земной рай. Более реалистичные воззрения, например, в духе Н. Макиавелли, оценивают природу человека гораздо критичнее, тем не менее также настаивая на необходимости формирования целенаправленной и рациональной системы управленческой деятельности, единственно способной если не создать рай на земле, то, по крайней мере, удержать человека от отворения врат ада, что впоследствии будет неоднократно оформлено в соответствующей афористической форме. Эта «линия Макиавелли», выражающаяся в том, «чтобы знать, как управлять» [2, с. 340], постепенно приводит к тому, что биополитика в качестве властного распоряжения жизнью из области теоретических рассуждений переходит в область практики.

Управленчество, в котором можно усмотреть черты биополитики, обнаруживает себя, например, во многих италийских городских коммунах эпохи Возрождения. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон анализируют управление в процветающей в Ренессанс Сиене. В этот период «общее благо отождествляется с коммуной. Политическая форма коммуны служит общему благу, потому что правитель связан Правосудием, и именно граждане соединяют Правосудие с правителем» [23, с. 197]. В Сиене власть осуществляет подеста (от лат. *potestas* — «власть»). Должность подесты занимает чужеземец, не зависящий от местных семейств, чтобы быть независимым от внутригородских интриг. «Люди, которые подеста привел с собой, должны были обеспечивать исполнение законов, разрешать конфликты, предоставлять нотариальные и другие услуги. Кроме того, записи общественных расходов за первые шесть месяцев 1257 года говорят о том, что в городе существовало около 860 государственных должностей. Среди них были 171 ночной стражник, 114 наблюдателей за оплатой таможенных пошлин, 103 синдика районов и 90 налоговых чиновников. Также находим надзирателей мер и весов, инспекторов по продажам зерна и соли, тюремных надзирателей и палачей, глашатаев, каменщиков, следящих за состоянием общественных зданий и заведующих фонтанами. Были там и шесть „добрых людей“, надзиравших за тавернами и не допускавших брани... В 1292 году в Сиене существовал „судья над дорогами“, на смену которому позже пришли трое общих уполномоченных по дорогам. За мирным передвижением людей по дорогам следил назначаемый „чистильщик путей“...» [23, с. 198–199].

Следует отметить, что городские коммуны как синтез античного полиса и средневековой христианской культуры получили широкое распространение и стремительное развитие. Флоренция, будучи одной из них, с 15 000 человек в 1050 г. к 1200 г. увеличилась до 60 000 (400% рост населения). Городские коммуны

процветали в Болонье, Кремоне, Ферраре, Генуе, Павии и Венеции. В 1330 г. треть из тридцати крупнейших городов Европы были итальянскими коммунами, в частности, самыми крупными городами были Венеция (110 000 человек), а также Генуя и Милан (100 000 человек). Бóльшим населением, чем Венеция, Генуя и Милан, могли похвастаться только Париж и Гренада [23, с. 206].

Итальянские коммуны с их порядком управления нашли отклик на европейском континенте. Например, забота о населении стала центральным элементом для «полицейского государства», теория которого разрабатывалась в «полицейской науке» (*Polizeywissenschaft*) [24, с. 9] на немецкой почве. «В немецкоязычном пространстве слово *Policey/Polizey/ Policzeu* использовалось с конца Средневековья (XV век) в широком значении благого управления. Тогда же в Германии возникает учение о *ius politiae*, согласно которому государь каждого княжества не просто имел право, но был обязан заботиться о „добром порядке“ („gute Ordnung“) в своих владениях. Именно в этом смысле в позднесредневековом и ранненововековом языке немецкого права выражение „gute Policey“ используется для характеристики хорошего управления как такового» [24, с. 16]. В свою очередь, «полицейское государство» как государство заботы о населении ради интересов граждан и самого государства стало прообразом для «социального государства» (*Sozialstaat*), идея которого также впервые была высказана в Германии Л. фон Штейном в 1850 г., а первые попытки осуществления относятся ко времени О. фон Бисмарка и Вильгельма II, когда в период 1871–1883 гг. были введены социальное страхование от несчастного случая, государственное финансирование медицинской помощи, пособие по болезни для рабочих. Идея социального государства сейчас является частью конституционного строя многочисленных государств. Социальное государство в США превратилось в «государство всеобщего благосостояния» (*Welfare State*), возведение которого началось уже во время Второй мировой войны. Но уже в классическом полицейском государстве, идеи которого получили распространение в Европе (в первую очередь в Германии и Франции, но и в Российской империи, начиная с Петра I), ставка на благополучие была важнейшим элементом. «В этом смысле классическое полицейское государство (*Polizeistaat*) одновременно является государством всеобщего благоденствия (*Wohlfahrtsstaat*), т. е. социальным государством, в котором «полиция» означает, прежде всего, попечение об общем благе (*Wohlfahrtspflege*). Апофеоз этих представлений — понятийная конструкция *Wohlfahrtspolizei*: полиция как забота об общем благе подданных» [24, с. 21]. Таким образом, возрождение биополитики как практики инвести-

ций в население и организующем вмешательстве в жизненные процессы уже в позднем Средневековье формирует долгосрочный тренд, в рамках которого стало развиваться европейское и, в конечном итоге, мировое сообщество.

Тотализация биополитики в эпоху Модерна

На данный момент обратим лишь внимание на то, что медленно и неуклонно, но инструментарий властного распоряжения жизнью, характерный для биополитики, стал возвращаться в область государственного управления. Во-первых, само по себе эклектическое и рыхлое пространство средневековой Европы со временем обрело более ясные очертания. Этому, например, способствовал Вестфальский мир, заложивший принципы международных отношений, дипломатии и переговоров в XVII в. Во-вторых, постепенно сформировалось представление о разграничении полномочий королевской и церковной власти. В этом сложном процессе корона все же отвоевала собственное пространство юрисдикции. В-третьих, суверенная власть начинает обращать внимание на рост населения и условия, этому способствующие. Власть обращает внимание на нужды населения, экономические процессы, бытовые условия жизни, здоровье, образование, инфраструктуру, санитарную и эпидемиологическую обстановку. Все выглядит так, как будто многие регуляторы, которые применялись в античности, вновь активизируются — происходит не рождение, а возрождение биополитики. То же полицейское государство как воплощение «добраго правления», ориентированного на заботу о населении, воспроизводит магистраты древнегреческих городов-государств и институций Древнего Рима (астиномы, цензоры).

Наконец, в XVIII в. Фуко обнаруживает общеевропейскую тенденцию к установлению биополитического управленчества. Счастье населения вновь воспринимается как важная цель, которой, не без выгоды для себя, государство начинает содействовать. «Доброе правление» совершенно в духе «благотворной жизни» обретает земные очертания комфорта, довольства, экономически обусловленного процветания и изобилия. Государство осознает прямую связь между достижением собственных целей и целей индивидов, составляющих население. Древние воззрения о договоре, в рамках которого государство предоставляет блага (преимущества, гарантии, возможности, инве-

стиции, субсидии) в обмен на лояльность, воинскую повинность и налоги, вновь приобретает зримые очертания в дифференцированной, многомерной и скрытой в идеологической упаковке национального государства. Долговременный период, в рамках которого биополитическая регуляция была отодвинута на периферию и маргинализована, таким образом, был завершён в ходе стремительного восстановления в своих правах инструментария биополитики, но уже в больших масштабах. Если биополитика в греческих городах-государствах носила локальный характер, в Древнем Риме — региональный характер, то, следуя Фуко, биополитика носит уже континентальный размах. А. Мбембе рассматривает практики колониализма в контексте распространения биополитического инструментария за пределы Европы, и это означает, что биополитика принимает трансконтинентальный характер. Наконец, М. Хардт и А. Негри заявляют о становлении планетарной биовласти и планетарного биокапитализма в XX в. Эта биовласть принимает форму планетарной Империи. «Империя, в конечном счете, определяется здесь как „а-локальность“ жизни... Империя, таким образом, является высшей формой биовласти в том смысле, что она представляет собой абсолютную противоположность силы жизни» [24, с. 321]. Для Хардта и Негри планетарная биовласть проявляется через биокапитализм, вовлекающий в свою орбиту производства/потребления все население планеты. «Биовласть — это другое имя реального подчинения общества капиталу, а также синоним глобализованного порядка производства» [24, с. 339]. Биополитический инструментарий, превращая людей в *animal laborans*, как это и утверждала Х. Арндт, вовлекает население планеты в круговорот природных процессов, окончательно соединяя биологическое и политическое.

Итак, биополитика, зародившись в Древнем мире как явление локальное, пройдя через череду расширений, обрела планетарный характер. Повидимому, в той или иной мере подобная система регулятивов, технологий и практик распоряжения жизнью входит в арсенал управления человеческим обществом в том виде, который нам известен в мировой истории, на всем протяжении существования человеческой цивилизации. Вопрос о рождении биополитики не совсем корректен, по-видимому, биополитика — вечная спутница человечества.

Список литературы

1. Костокрызов П. И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Ч. 1 // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1(42).
2. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011.

3. Яркеев А. В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург-Ижевск, 2018.
4. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010.
5. Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Biopower. New York, 2016.
6. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова; вступ. ст. Е. Н. Трубецкого ; ком. В. Ф. Асмуса ; прим. А. А. Тахо-Годи. М., 2015.
7. Аристотель. Политика / пер. с др.-греч. С. М. Роговина. М., 2010.
8. Яркеев А. В. Древнегреческие истоки современной биополитики // Полития. 2020. № 2(97).
9. Платон. Законы. Послезаконие. Письма. СПб., 2014.
10. История Древней Греции : учебник для студ. вузов / Ю. В. Андреев, Г. А. Кошеленко, В. И. Кузицин, Л. П. Маринович ; под ред. В. И. Кузицина. М., 1986.
11. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. III. М., 2018.
12. Цицерон М. Т. О государстве. О законах / пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 2020.
13. Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М., 2017.
14. Кластер П. Общество против государства // Общество против Государства // СТАДИС. 2019. 1(1).
15. Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств / пер. с англ. И. Троцук. М., 2020.
16. Дуглас М. Чистота и опасность / пер. с англ. Р. Громовой ; под ред. С. Баньковской. М., 2000.
17. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005.
18. Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни / пер. с ит. и лат. С. Ермакова ; под науч. ред. Д. Раскова, А. Погребняка. М.; СПб., 2020.
19. Попов Д. В. Altissima raupertas в биополитическом пространстве чрезвычайного положения // Онтология и аксиология права : тезисы докладов и сообщений десятой междунар. науч. конф. Омск, 2021.
20. Мор Т., Кампанелла Т. Утопия. Город Солнца. М., 2014.
21. Новая Атлантида: повести / Ф. Бэкон, С. де Бержерак, Д. Верас. М., 2014.
22. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. 2-е, испр. / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серединой. М., 2015.
23. Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Узкий коридор / пер. с англ. О. Перфильева. М., 2021.
24. Кильдюшов О. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3.
25. Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ.; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М., 2004.



ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);

- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагаются авторская справка и цифровая или сканированная фотография автора (авторов). Размер изображения цифровых фотографий — 1024×768 точек или более, сканированных фотографий — 3×4 см, разрешение не менее 600 ppi.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, включая фотографии, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;

- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

Along with electronic versions of the papers digital or scanned photos of the authors should be sent. The size of the image in digital photos — 1024×768 pxi or larger, of scanned photos — 3×4 cm, with at least 600 ppi resolution.

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata including photos in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

Сведения об авторах

Анохин Юрий Васильевич — Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе)

E-mail: anohinuv@buimvd.ru

Баталов Данила Евгеньевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

E-mail: ya.Leo620@yandex.ru

Бучакова Марина Александровна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России

E-mail: mb290163@mail.ru

Герасименко Евгений Викторович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

E-mail: joker072004@mail.ru

Грязнова Татьяна Евгеньевна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

E-mail: gte3812@yandex.ru

Гусев Владимир Александрович — Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе)

E-mail: gusevva@mail.ru

Зайцева Екатерина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

E-mail: zay_tseva@mail.ru

Ларин Евгений Геннадьевич — кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета Омской академии МВД России

E-mail: larin_eg79@mail.ru

Москаленко Глеб Евгеньевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

E-mail: glmos55@yandex.ru

Нгуен Шон Нам — аспирант кафедры истории права и государства Российского университета дружбы народов (г. Москва)

E-mail: sonnamnguyen0212@gmail.com

Овсянников Павел Юрьевич — кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

E-mail: paulovsyannikov@yandex.ru

Пономарева Валерия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

E-mail: valery_e378he@mail.ru

Попов Дмитрий Владимирович — кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

E-mail: dmitrivpopov@mail.ru

Синченко Георгий Чонгарович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

E-mail: gsinchenko@rambler.ru

Терских Вероника Дмитриевна — курсант 4 курса следственного факультета Омской академии МВД России

E-mail: vera.terskikh@bk.ru

Хилюта Вадим Владимирович — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Республика Беларусь)

E-mail: tajna@tut.by

Хлус Александр Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

E-mail: hlus.home@mail.ru

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- правовые основы предупреждения киберпреступлений
- уголовная ответственность за хищение бюджетных средств при осуществлении госзакупок

Право и государство

- субъекты правотворчества в парадигме юридического позитивизма
- идейная составляющая правовой культуры общества

Философский инструментарий

- этнорелигиозный экстремизм: сущностные признаки и факторы возникновения

Религия и общество

- идеология мадхализма как фактор латентной радикализации мусульман

а также

- структура криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте
- состояние системы национальной безопасности России как отражение опыта противодействия ее угрозам
- другие материалы

